

K-14038

МІНІСТЕРСТВО ОСВІТИ УКРАЇНИ

П 325973

ВІСНИК

ХАРКІВСЬКОГО УНІВЕРСИТЕТУ

№ 382

ТЕОРЕТИЧНІ І ПРИКЛАДНІ АСПЕКТИ
КОМУНІКАТИВНОЇ ДІЯЛЬНОСТІ

Заснован у 1965 р.

Харків
Видавництво «Основа»
1994

МІНІСТЕРСТВО ОСВІТИ УКРАЇНИ

ВІСНИК

ХАРКІВСЬКОГО УНІВЕРСИТЕТУ

№ 382

ТЕОРЕТИЧНІ І ПРИКЛАДНІ АСПЕКТИ
КОМУНІКАТИВНОЇ ДІЯЛЬНОСТІ

Заснован у 1965 р.

Харків
Видавництво «Основа»
1994

ТЕОРЕТИЧНІ І ПРИКЛАДНІ АСПЕКТИ КОМУНІКАТИВНОЇ ДІЯЛЬНОСТІ

Редактор *О. В. Сергіна*
Технічний редактор *І. А. Омельченко*
Коректор *Л. П. Сич*

У віснику подано статті, які містять результати досліджень в галузі мовної системи та мовленевої поведінки, філософських питань лінгвістики в англійській, німецькій, французькій, українській та російській мовах. Ряд статей присвячено проблемам перекладу та лінгводидактики.

Для науковців і спеціалістів.

В вестнике представлены статьи, содержащие результаты исследований в области языковой системы и речевого поведения, философских вопросов лингвистики в английском, немецком, французском, украинском и русском языках. Ряд статей посвящен проблемам перевода и лингводидактики.

Для научных работников и специалистов.

Редакционная коллегия: *А. И. Дородных* (отв. ред.),
П. Н. Донец, *Г. В. Ейгер*, *Л. В. Конопельцева* (отв. секр.),
А. А. Прокопчук, *Е. В. Тарасова*, *Л. Н. Черноватый*

Адрес редакционной коллегии: Украина, 310077 Харьков, пл. Свободы, 4, университет, факультет иностранных языков, т. 45-75-04

В 4601000000-036
226-94

Замовне © Харківський державний
університет, 1994

K-14038

Центральна наукова
бібліотека університету

**НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ КОММУНИКАТИВНО-
ФУНКЦИОНАЛЬНОГО АНАЛИЗА КОНСТАТИВОВ В
СОСТАВЕ КОНСТАТИВНО-ОТВЕТНОГО МИКРОДИАЛОГА**

Всякое высказывание создается его отправителем с определенной целью, следовательно, оно всегда прагматически ориентированно. Прагматическая установка лежит в основе порождения различных типов констативов и определяет своеобразие структурно-семантической организации высказывания, отбор соответствующих средств, специфику коммуникативных разновидностей констативов. В зависимости от коммуникативных интенций адресанта выделяются констативы с прагматической установкой на низкую и высокую степень воздействия.

Констативы с прагматической установкой на низкую степень воздействия представляют собой экспрессивно и эмоционально нейтральные высказывания, реализующие коммуникативную установку на беспристрастное информирование. Адресант ограничивается сообщением о фактах, событиях и явлениях, передавая основную, наиболее существенную информацию. Языковые средства экспрессивной и эмоциональной оценки отсутствуют, а интеллектуально-логические оценки ограничены до минимума. Констативы данного типа передают новую или дополнительную информацию об адресанте и окружающем его мире, тем самым происходит расширение информационного фонда, единого для говорящего и слушающего. Пресуппозиция адресата при этом заключается в том, что эта информация ему неизвестна и/или может его заинтересовать. Коммуникативная интенция адресанта состоит лишь в сообщении информации. Посредством выполнения иллокутивного речевого акта утверждения адресант имеет намерение проинформировать адресата о состоянии дел и показать, что пропозиция отражает действительное состояние дел в мире произнесения. Речевые действия данного типа направлены на осмысление ситуации собеседником. Перлокутивный эффект высказывания заключается в получении информации и понимании ее адресатом.

Констативы с прагматической установкой на высокую степень воздействия отражают авторское «я» и

связаны с личностной (модальной) оценкой адресантом сообщаемых фактов. Коммуникативная интенция адресату, но и в побуждении его к определенной реакции. адресату, но в побуждении его к определенной реакции. В данном типе констативов перлокутивная сторона выдвигается на передний план, иллокутивная цель становится равной достижению перлокутивного эффекта. Анализ исследуемого материала показал, что констативы с прагматической установкой на высокую степень воздействия обладают различной перлокуцией. В зависимости от перлокутивной цели высказывания выделяются следующие типы констативов: констативы с перлокутивной целью убеждения в истинности сообщения, воздействия на чувства и эмоции, воздействия на морально-этические установки, побуждения к обмену мнениями.

Использование констативов, направленных на убеждение в истинности сообщаемой информации, обусловлено необходимостью выразить уверенность в достоверности излагаемых фактов, а также возможной контраргументацией, которую предвидит адресант со стороны адресата. К основным средствам, выполняющим функцию убеждения в истинности высказывания, относятся индикаторы убеждения, в семантическую структуру которых входит сема «уверенность»: *surely, certainly, evidently*, выражения *the fact is, as a matter of fact* и др.: *Lady Frederick: The fact is my brother Gerald had asked your daughter to marry him, and she has accepted.*

Admiral: Rose is a minx, Lady Frederick, she's much too young to marry. (S. Maugham)

Констативы с перлокутивной целью воздействия на чувства и эмоции адресата используются в тех ситуациях, когда адресант имеет намерение воздействовать на чувства и эмоции адресата и вызвать у него соответствующее эмоциональное состояние. Констативы данного типа обычно содержат в своем составе различные средства интенсификации высказывания (паралингвистические, морфологические, лексические), что позволяет адресанту с максимальной эффективностью выразить свое отношение к сообщаемым фактам и реализовать поставленную цель: побудить адресата к сочувствию, радостному сопереживанию; выразив ироническое отношение, вызвать у него чувство недовольства, раздра-

жения и т. п.: Esteban (laughing): You're growing old so beautifully.

Raoul: You never will—you're a shallow man, Esteban, I always suspected it. (N. Coward)

В возможности адресанта воздействовать на морально-этические установки адресата важную роль играет признак положительность/отрицательность. Способность констативов, отмеченных данным признаком, воздействовать на морально-этические установки адресата обусловлена тем, что использование людьми человеческого языка в качестве орудия социального действия и взаимодействия в условиях конкретных ситуаций общения осуществляется на основе специальной системы правил, постулатов и стратегий*. Признак положительность/отрицательность диагностируется в определенных контекстуальных условиях, при этом оценочные сообщения могут быть выражены специальными лексическими средствами и могут носить имплицитный характер. В последнем случае решающим фактором, указывающим на наличие оценки, являются пресуппозиции и фоновые знания коммуникантов, субъективный подход к ситуации или объекту:

Andrew: We expected you at Lords, Hunter.

Frank: What? Oh yes. I'm most terribly sorry. (N. Rattigan)

Сообщая информацию, говорящий, с одной стороны, может усиливать свое воздействие на адресата, а с другой — воздействовать на него в некатегоричной форме, привнося в речевые акты оттенки неуверенности, сомнения, предположения. Вероятностное предположение связано с осведомленностью/неосведомленностью говорящего относительно предмета или явления, о котором идет речь. Степень осведомленности может быть разной. Говорящий как бы допускает для адресата возможность альтернативной ситуации, иного хода мыслей. Языковыми средствами снижения категоричности высказывания служат модальные слова типа *maybe, probably, possibly* и т. п., в семантическую структуру которых входит сема «предположение»; единицы модуса типа *I think, I suppose, I guess, I expect* и т. п., представляющие открытую номинацию модуса с указанием его субъекта; глаголы *must, may, might* во вто-

* Сусов И. П. К предмету прагмалингвистики // Содержательные аспекты предложения и текста: Межвуз. сб. науч. тр. Калининград, 1983. С. 3—15.

ричной функции и т. п. Анализ языкового материала показал, что форматоры снижения категоричности высказывания в иницирующей реплике констативно-ответного микродиалога могут приобретать дополнительное прагматическое значение — побуждать к обмену мнениями, содержать скрытый вопрос:

M a b e l: I expect you want a change, Phil.

P h i l i p: I think that's what it is. (M. Hoffe)

Таким образом, коммуникативно-прагматический подход к анализу констативов в составе констативно-ответного микродиалога дает основание сделать вывод о том, что их содержание не исчерпывается значением утверждения, а в процессе коммуникации характеризуется прагматической вариативностью, синкретизмом прагматических значений, зависит от условий коммуникации.

Поступила в редколлегию 11.11.91

Е. Н. БАХАРЕВА

УМОЗАКЛЮЧЕНИЕ КАК ТИП РЕЧЕВОГО РЕАГИРОВАНИЯ

В комплекс вопросов, изучаемых прагматикой, входит и один из аспектов проблемы адресата — тип речевого реагирования на полученный стимул, а также проблемы субъекта — цели высказывания (иллокутивной силы). В настоящей статье предпринимается попытка рассмотреть дихотомию стимул — реакция, в результате которой в диалоге реализуется логическая форма умозаключения. В связи с этим обсуждается ряд вопросов: о реализации стимула различными речевыми актами; об иллокутивной силе стимула и перлокутивном эффекте; о принадлежности стимула коммуниканту, который в дальнейшем участвует в формировании компонентов умозаключения, или же коммуниканту, который участвует в формировании компонентов опосредствованно.

При исследовании реализации стимула различными речевыми актами мы опирались на классификацию речевых актов, предложенную Г. Г. Почепцовым*.

* Иванова И. П., Бурлакова В. В., Почепцов Г. Г. Теоретическая грамматика современного английского языка. М., 1981. С. 270—277.

Как показывают результаты исследования, самым распространенным прагматическим типом предложения, употребляемым в качестве стимула, является констатив:

1. "She's old and dowdy and dull". 2. "Are you sure she's dull?" I said. 3. "It's true she doesn't say very much, but when she says anything it's very much to the point".

(Maugham, p. 333)

В приведенном диалоге предложение 1 представляет собой стимул и, как было указано выше, является констативом. Цель — сообщить свое мнение партнеру по коммуникации. Коммуникант, сообщая свое мнение, желает добиться определенного перлокутивного эффекта, который предполагает убеждение собеседника в напрасности поступка своей родственницы и стремление сформулировать определенное негативное мнение о ней. Однако, судя по ответу, цель иллокутивного акта не достигнута. В ответ на стимул второй коммуникант реализует логическую форму мысли — энтимему, где предложение 2 — результат логического вывода, а предложение 3 направлено на обоснование этого вывода. Большая посылка опущена, так как представляет собой универсальное знание о том, что тупые люди не обладают способностью говорить по существу. «Речевое высказывание всегда опирается на фоновые знания говорящих, на общие законы мышления. Знание этих законов и фактов позволяет, например, обозначать причину вместо следствия и наоборот без риска быть непонятым»*. Результат умозаключения говорит о том, что второй коммуникант имеет свое мнение, отличное от того, которое ему пытаются навязать. Решающим значением является знание вторым коммуникантом ситуации, третьего лица, о котором идет речь, и собственный опыт коммуниканта.

В приведенном диалоге стимул и само умозаключение принадлежат разным коммуникантам, однако встречаются диалоги, где коммуникант, выражающий стимул, участвует затем в формировании компонентов умозаключения:

1. Did O'Murphy take that turning of his own accord or was it Daniels who told him to do so? 2. Surely it must have been O'Murphy's doing. 3. Yes, because if it

* Гак В. Г. Теоретическая грамматика французского языка. Синтаксис. М., 1986. С. 194.

was Daniel's the Prime Minister would have heard the order and would have asked the reason. (Christie, p. 92)

В приведенном диалоге стимулом является квестив, коммуникативно-интенциональное содержание которого направлено на вызов речевого действия у адресата. Перлокутивный эффект достигнут — ответ собеседника (предложение 2) представляет собой заключение условно-категорического силлогизма, первая посылка которого затем реализуется в предложении первого коммуниканта — автора стимула (предложение 3). Умозаключение было сделано на основании тщательно проделанного коммуникантами анализа ситуации.

Перформатив в качестве стимула содержится в следующем фрагменте диалога:

1. Richard: I never expect the soldier to think, sir.
2. Swindon: I advise you not to be insolent, prisoner.
3. Richard: You can't help yourself, General. 4. When you make your mind to hang a man, you put yourself in a disadvantage position with him. 5. Why should I be civil to you? 6. I may as well be hanged... (Shaw, p. 64—65)

В данном диалоге понимание стимула (предложение 2) невозможно без предшествующей реплики коммуниканта (предложение 1), который впоследствии формирует умозаключение (предложение 5 и 6). Предложение 5 — это логическое заключение, выраженное с помощью риторического вопроса, а предложение 6 формирует суждение меньшей посылки. Большая посылка опущена в расчете на общие фоновые знания коммуникантов. Таким образом, коммуникант, формирующий умозаключение, косвенно участвует и в формировании стимула. Целью перформатива в данном случае является скрытая угроза, которая должна заставить арестованного быть вежливым. Однако, как видно из последующих реплик, реализующих умозаключение, перлокутивный эффект не достигнут. Успешному формированию умозаключения способствует ситуация, в которой происходит диалог: арестованный понимает, что надеяться на что-либо хорошее бесполезно.

Примером, где умозаключение формируется на основании стимула-промисива, служит следующий диалог:

1. If you would like me to, I will represent you and try to bring your case before the court of our country. 2. Hen-

ry Duval glanced from Alan to the Captain. 3. I have not money. 4. I cannot pay the lawyer. (Hailey, p. 138)

Стимул (предложение 1) принадлежит первому коммуниканту, цель сообщения которого — гарантировать защиту клиента в суде. В ответной реплике (предложения 3 и 4) формируется умозаключение с опущенной большей посылкой.

В следующем диалоге умозаключением формируется на основании стимула-директива:

1. "Take some more tea", the March Hare said to Alice, very earnestly. 2. "I've had nothing yet", Alice replied in an offended tone, "so I can't take more". (Carroll, p. 114)

В данном диалоге реализована энтимема с опущенной большей посылкой, представляющей собой фоновые знания коммуникантов. Меньшая посылка носит уточняющий характер, она выражена предложением 2. Заключение также выражено предложением 2, второй его частью, оно вводится словом «so». Коммуникант, которому принадлежит стимул, не участвует в формировании компонентов умозаключения. Перлокутивный эффект заключается в побуждении к действию.

В качестве стимула может быть использован и ме-насив:

1. "Let him clear out at once; otherwise I will destroy him". 2. "O lady, you are betraying a woman's judgment. 3. How dare you, a mere girl, challenge Mahisha, who heads a formidable army?"

(Narayany, p. 55)

В приведенном диалоге предложение 1 и есть стимул к формированию умозаключения. Оно реализуется предложением 3 в виде сокращенного силлогизма с опущенной большей посылкой. Предложение 2 представляет собой комментарий стимула. Перлокутивный эффект, заключающийся в том, чтобы испугать третье лицо, о котором идет речь, не достигнут, о чем свидетельствует содержание умозаключения. Коммуникант, формирующий стимул, в дальнейшем не участвует в формировании умозаключения.

Итак, на основании изложенного можно сделать следующие выводы: 1) реплика в диалоге может служить стимулом реализации логической формы умозаключения как типа речевого реагирования; 2) стимул предполагает определенный перлокутивный эффект, который может быть как успешным, так и не успешным;

3) стимул может принадлежать коммуниканту, который впоследствии не принимает участия в формировании компонентов умозаключения, а также может исходить от коммуниканта, который затем участвует в реализации умозаключения; 4) общие ситуационные и фоновые знания коммуникантов являются необходимым условием реализации умозаключения; 5) реализация умозаключения в диалоге представляет собой кооперативное действие.

Поступила в редколлегию 11.11. 91

И. А. БЕЛЯЕВА

ПРАГМАТИЧЕСКАЯ НЕОДНОЗНАЧНОСТЬ ВЫСКАЗЫВАНИЙ С ПРОПОЗИЦИОНАЛЬНЫМ СОДЕРЖАНИЕМ СУБЪЕКТИВНОЙ ОЦЕНКИ

Объектом нашего интереса в данной статье является функционирование в речевой коммуникации предложений, представляющих по своему пропозициональному содержанию высказывания субъективной оценки. Мы выделяем эти высказывания в отдельный прагматический тип. Субъективная оценка, содержащаяся в предложениях данного типа, является выражением отношения говорящего как к окружающей его действительности, так и к внутреннему миру человека, включая и самого говорящего.

Как свидетельствует фактический материал, суммарная информация, которую несет сообщение, не исчерпывается упорядоченной совокупностью тех языковых единиц, из которых составлено это сообщение. Формально-семантическая структура предложения и его прагматическое содержание, как показывает речевая практика, связаны далеко не во всех случаях однозначным соответствием. Таким образом, мы имеем дело с прагматической неоднозначностью предложения, под которой подразумевается способность предложения передавать различные коммуникативные интенции [2]. Нас интересует прагматическая неоднозначность речевых единиц, представляющих собой в грамматическом плане неполные предложения, а с точки зрения пропозиционального содержания — оценочные высказывания (ОВ). Принимая вслед за Е. М. Вольф категорию оценки как один из видов модальности, накладываемый

на дескриптивное содержание языкового выражения [1], мы рассматриваем высказывания с имплицитным субъектом оценки, посредством которых говорящий реализует свое коммуникативное намерение. Иными словами, в речевой коммуникации данные языковые построения выполняют роль личностно-прагматических интерпретаторов [3, с. 32]. При этом за кардинальным понятием категории субъективной оценки мы признаем осознанное отношение лица к чему-/кому-либо по линии «хорошо/плохо».

Изучение вербальной коммуникации с прагматических позиций позволяет дифференцировать речевые акты (РА) по наличию в них иллокутивных сил на простые и комплексные. Применительно к интересующим нас речевым единицам к первому типу РА мы относим собственно-оценочные высказывания (СОВ), служащие для автономного выражения субъективной оценки говорящего. Встречаемость СОВ высока в ответных репликах адресата, следующих за конкретно-оценочным запросом отсутствующей у адресанта информации.

"I came to see how you were".

"**Rotten, old man, rotten**". (E. Waugh)

(Разговор в госпитале между друзьями-сослуживцами).

К комплексным речевым актам мы относим ОВ, иллокутивный потенциал которых включает более чем одну коммуникативную интенцию говорящего. Большим корпусом в речевой коммуникации представлены РА, являющие собой ОВ с точки зрения пропозиционального содержания, а с позиции прагматического содержания — сочетание более чем одной иллокутивных сил. В данной связи речь идет о тех случаях, когда, выражая свою оценку по поводу чего-либо, говорящий одновременно утверждает/отрицает что-либо, подтверждает, поясняет сказанное собеседником или им самим, смягчает выраженную оценку.

"You remember Chatty Corner?"

"**Vividly**". (E. Waugh)

(утвердительный ответ + оценка).

"I'm happy to think you found it a comfort", said Mr Barbecue-Smith.

"**Oh, tremendously!**" (A. Huxley)

(подтверждение + оценка).

He addressed the envelope, put it in the folded letter, then sealed it down. He handed it to Edward.

"You can take it straight to him yourself. Quicker than posting it". (M. Spark)
(пояснение + оценка).

Адекватное восприятие прагматического содержания высказывания достигается за счет обстоятельного принятия во внимание составляющих межличностной коммуникации. При этом условии может быть достигнуто соответствующее сбалансирование иллокутивных интенций высказывания, разделение их на доминирующие и сопутствующие, что является релевантным как для отправителя сообщения, так и для реципиента. Так, оценочное с точки зрения пропозиции высказывание в конкретной коммуникативной ситуации воспринимается как реакция на директив, что может быть подтверждено перлокутивным эффектом:

When they reached Bellamy's, Ian said, "Won't you come in for a final one, sir?"

"A sound idea".

The three of them went to the bar. (E. Waugh)

Большой степенью неоднозначности прагматического содержания характеризуются иронические ОВ, когда прагматическая ситуация выявляет полное несоответствие между пропозициональным содержанием высказывания и его речевым смыслом:

Sonny came to Michael, took his younger brother's head in his hands and said kiddingly, "Beautiful. Beautiful".

(M. Puzo)

(описывается первая встреча братьев Санни и Майкла после избиения последнего полицейским).

Часто при употреблении рассматриваемых ОВ несущественным становится то, о чем говорится, и на первый план выдвигается то, для чего это сообщается. В этих случаях мы имеем дело с метакоммуникативными высказываниями, которые, регулируя вербальное общение, служат для установления/прекращения контакта, для перемены темы разговора, смены ролей коммуникантов. Такие РА могут смягчать эмоциональность общения, способствовать тому, чтобы межличностное речевое взаимодействие отвечало требованиям вежливости.

Исходя из анализа конкретного языкового материала, считаем возможным сделать вывод о том, что прагматическая неоднозначность оценочных структур возникает как за счет их собственного содержания (субъ-

ективная оценка + объективная информация), так и за счет взаимодействия как с лингвистическим контекстом, так и с экстралингвистической ситуацией.

Список литературы: 1. Вольф Е. М. Функциональная семантика оценки. М., 1985. 2. Гладуш Н. Ф. Прагматическая неоднозначность высказываний // Прагматические аспекты изучения предложения и текста: Сб. науч. тр. К., 1983. С. 47—51. 3. Телия В. Н. Коннотативный аспект семантики номинативных единиц. М., 1986.

Поступила в редколлегию 14.11.91

Е. В. БОНДАРЕНКО

ТЕМПОРАЛЬНЫЕ СВОЙСТВА ИМЕНИ И КОНТЕКСТ

Развитие функционального направления в лингвистике все более убеждает в том, что вербализация объективного положения вещей находит свое наиболее полное и исчерпывающее воплощение только в тексте как непосредственном продукте речемыслительной деятельности индивида. При изучении различных видов текста неизбежно возникает вопрос о его временных характеристиках, ибо временные отношения на уровне текста опосредованы, как правило, особым референциальным механизмом. Существующий в виде схемы «действительность — мысль — вербализация (текст) — мысль — действительность», этот механизм может быть представлен в виде некой мыслительной структуры типа С-модели (сознания) [1], которую применительно к темпоральным отношениям можно определить как результат осознания субъектом своего положения во времени. Содержание временной С-модели состоит в упорядоченном и структурированном представлении говорящим/слушающим соотношения неречевых и субъективно воспринимаемых им временных ситуаций. Однако в процессе коммуникации существует необходимость превращения объемных семантических структур в линейные конфигурации, удобные для дальнейшего превращения в звук [2]. Таким образом, вербализация С-модели представляет собой «проецирование» элементов ее объемной структуры на временную ось текста. Происходит темпорализация текстовых единиц, в первую очередь глагольных. В рамках отдельного предложения глагольные формы становятся сентенциональ-

ными временными операторами, которые в сочетании с адвербиальными и другими темпорализаторами детерминируют временную направленность остальных членов предложения.

Тем не менее линейаризация С-модели в тексте осуществляется не только глагольными, но и иными, в том числе и именными, единицами.

Естественно предположить далее, что процесс «проецирования» временных С-структур на прямую или плоскость неизбежно приводит к перестройке определенных темпоральных соотношений объективного времени, при которой некоторые из таких отношений переходят в контекстно обусловленные, имплицитные. Возникает так называемая формально-содержательная асимметрия, когда соответствующая внешней оболочке вербализуемого события, выраженного, например, именной лексемой, «проекция» на данную конкретную временную плоскость не позволяет выразить адекватно временные отношения между элементами высказывания, задаваемые текстом через глагол-предикат. Тогда может оказаться, что именной член предложения принадлежит к иной по сравнению с сентенциональным глагольным оператором временной плоскости. Это выражается через выход темпоральной референции имени из-под временной зависимости от глагола-предиката и переход ее под непосредственное влияние временной структуры текста/временного контекста.

Исследование подобных явлений в современной лингвистике, на наш взгляд, актуально, так как «наряду с явлениями противопоставления друг другу имени и глагола как двух различных форм мысли, есть употребление, сближающиеся друг с другом и, в конце концов, даже смешивающиеся» [3, с. 35].

Данная идея об изоморфности и возможности пересечения семантических границ имени и глагола, высказанная У. Л. Чейфом [2, с. 115], положена в основу предпринятой попытки анализа темпоральной семантики имени и глагола и их временных взаимоотношений в рамках английского предложения и текста.

В данном случае речь идет не о парадигматической темпоральности, присущей ряду имен с временным денотатом типа *Future, hour, month, year*, а о временных значениях, возникающих у именных компонентов под влиянием синтагматических или контекстуальных связей.

Проведенное нами исследование «поведения» имен с имплицированной темпоральностью в предложении и тексте дают основание говорить о различной степени зависимости их временной семантики от окружающего контекста [4]. Она выражена нами через понятие темпорального «погружения» имени в контекст (ТПИК), имеющее градуальный характер. Каждая из выделяемых пяти степеней характеризуется соответствующим типом темпорализующего — интрасентенциального (1 степень), контактного (2 степень), дистантного (3 степень), макроконтекста (4 степень) и прагматического (5 степень) контекста.

Наши наблюдения свидетельствуют также о том, что степень и характер контекстуальной зависимости временных свойств имени вполне определенно коррелируют и с его собственной лексической семантикой.

В связи с этим имеет смысл подвергнуть более тщательному рассмотрению имена с транссентенциально обусловленной темпоральностью (со 2-й по 4-ю степень «погружения»), которые обладают рядом общих лексико-семантических особенностей, определяющих характер их зависимости от окружающего контекста.

В основу предлагаемого подхода положена концепция Б. Уорфа о соотношении двух ядерных компонентов языка — имени и глагола — в виде «модусов глагольности» и «предметности», под которыми он понимает определенные значения, функции, категории либо грамматические операции, выделяющие эти значения и функции [5, с. 53].

В данном случае нас интересует манифестация указанных «модусов» в семантике именных лексем различных семантических групп, а также связь, существующая между интенсивностью проявления у рассматриваемых имен глагольных или предметных свойств и их зависимостью от темпорального контекста.

Если принять в качестве классификационного принципа последовательное усиление «модуса предметности» (и соответственно ослабление «модуса глагольности») в семантике имен, то представляется возможным выделить следующие группы единиц.

1. Компоненты с сильным «модусом глагольности», включающие именные формы, которые имеют или приобретают динамические семантические свойства, обычно ассоциирующиеся с глаголом. К ним мы относим формы герундия, а также единицы, которые мы име-

нуем «акциональными» существительными, обозначающими различные действия, происшествия, события или поступки. В силу своей семантической близости к глаголу, нередко предполагающей также наличие видовых созначений, данные подгруппы единиц оказываются в темпоральном отношении *минимально* зависимыми от темпорального контекста:

Perse turned to address Angelica but she had already disappeared. "What's of her **disappearing**?", he muttered to himself in vaxation.

(D. Lodge)

Ретроспективность события, обозначенного герундием *disappearing*, по отношению к глаголу *is* подтверждается здесь контактным контекстом (предшествующее предложение). Однако контекст при этом играет не решающую роль в определении временной референции действия, выраженного герундиальной формой.

В примере:

Did ne Know I wondered helplessly that it was no accident that Turniptop had not eaten the doped sugar? Did he guess that I **knew** all about his anti-jokey activities? (D. Francis)

акциональная семантика дополнения *activities* также достаточно недвусмысленно указывает на предшествующий характер обозначаемой этим именем деятельности, факту «узнавания о ней» рассказчиком (форма глагола *knew*); дистантный контекст, подкрепляющий такой вывод, является по сути факультативным.

2. Имена, в которых глагольные семантические признаки присутствуют, но оказываются в известной степени ослабленными за счет усиления в их семантической структуре «модуса предметности». К таковым мы относим название процессов и состояний, которые, как правило, в видовом отношении нейтральны и проявляют по этой причине большую по сравнению с единицами первой группы референциальную зависимость их темпоральных импликаций от окружающего контекста. Их временная отнесенность так же, как и в предыдущей подгруппе, может определяться контактным, дистантным и макроконтекстом:

Renny Whiteoak's, **embarrasement** turned to a taciturn aloofness at the mention of repairs.

(M. de la Roche)

Макроконтекст, который включает описание предстоящих герою хлопот по ремонту домашних построек

(repairs), является для данного имени существенным фактором создания проспективной референции.

Еще более тесная зависимость временной референции от диагностирующего контекста наблюдается у имен — названий состояний ввиду того, что их семантика характеризуется дальнейшим ослаблением «модуса глагольности». Таковыми мы считаем:

а) названия социальных состояний: adultery, break, separation, friendship:

It had been in all columns. The Thorntons were getting a divorce. (...)

He looked at me. I know about your divorce.

(H. Robbins)

Имя divorce, обозначающее состояние, нуждается в дополнительном темпоральном диагностировании, которое обеспечивается дистантным контекстом и придает ему ретроспективную направленность.

б) названия физических или эмоциональных состояний: illness, happiness, disease, madness:

To God he gave all credit for sparing his life and restoring him to the degree that he has been restored to.

(...)

He mostly accepted congratulations and spoke of his illness.

(J. T. Farrel)

Состояние болезни, описанное дополнением illness, согласно дистантному контексту предшествует действию, выраженному сказуемым spoke.

3. Именные компоненты, в семантике которых доминирующим оказывается «модус предметности». В силу того, что это — единицы с явно выраженными субстанциональными свойствами, сами по себе они полностью лишены каких-либо видо-временных характеристик, и для их темпорализации требуется достаточно сильное контекстное обоснование. Таким образом, темпоральность таких единиц оказывается *максимально* зависимой от контекста.

Данная категория единиц, впрочем, не является семантически однородной, так как интенсивность проявления субстанциональных свойств у входящих в нее имен может быть различной. Соответственно выделяются следующие подклассы:

а) названия продуктов речемыслительной деятельности: *thought, idea, plea, matter, etc.*

When they got aboard, some were not sure it was a good **idea**.

There was a distant sensation of movement under one's feet.

(D. Lodge)

Содержание макроконтекста, из которого следует, что герои долгое время намеревались совершить лодочную прогулку вдоль морского побережья, относит имя *idea*, выражающее эти намерения, к плану прошедшего времени по отношению к глаголу *was*, т. е. контекст здесь играет решающую роль в создании временной импликации имени.

б) названия должностей, профессий, постов (типа *surgeon, boss, writer*), имена, обозначающие принадлежность к определенному социуму, ассоциации, колледжу, партии (*Nazi, student, democrat doctor*), имена, указывающие на семейный или социальный статус субъекта (типа *fiancee, bride, mother-in-law, husband*) и т. п.:

"What charwoman?" said the **Captain**, peering myopically through the wind screen of the motor-car. (...)

There the matter had rested, another reminder for Mrs Poache of the change that had been wrought in the life since the Captain had left his ship.

(W. Trevor)

Из приведенного поясняющего дистантного контекста следует, что человек, названный капитаном, уже закончил свою морскую карьеру и, следовательно, в момент разговора капитаном уже не был.

в) имена — названия конкретных физических предметов, в семантике которых «модус предметности» представлен так сказать в «чистом виде»:

She could live by herself and that would be a pleasure. She'd support herself, live her own life and maybe even **have** some fun, even in a red **dress**, a red velvet dress.

(J. T. Farrel)

Макроконтекст, из которого известно, что красное платье существовало в воображении героини как символ будущей независимости, определяет ретроспективность именного компонента *dress* по отношению к глаголу.

г) имена собственные, принадлежащие наряду с единицами предыдущих групп к числу наиболее темпорально зависимых от окружающего контекста:

"Is that Mrs Desiree Zapp?"

"Not any longer"

"I beg your pardon ma'am?"

"I used to be Mrs Desiree-Zapp. Now I'm Mrs Desiree Byrd"

(D. Lodge)

Таким образом, изложенное выше позволяет сделать вывод о том, что имена существительные и близкие им другие части речи, принадлежащие к каждому из трех перечисленных выше лексико-семантических классов, не равноценны по степени зависимости своих темпоральных импликаций от окружающего их транссентенционального контекста. *Минимально зависимыми* являются герундиальные формы и имена с акциональной семантикой, т. е. имена с сильным «модусом глагольности». Сохраняя в своем лексическом значении указание на вид и способ совершения действия, они нуждаются в контексте скорее для уточнения их временной принадлежности, чем для ее определения. *Максимально зависимыми* от контекста оказываются единицы с сильным «модусом предметности», включая имена собственные. Между этими крайними классами единиц располагаются имена — названия процессов и состояний, для семантики которых характерно сосуществование «модусов предметности» и «глагольности». Их референциальная зависимость от окружающего контекста выше, чем у компонентов первого, но ниже, чем у компонентов третьего класса.

Список литературы: 1. Каменская О. Л. Текст и коммуникация. М., 1990. 2. Значение и структура языка. М., 1975. 3. Каргополова И. А. К вопросу об уровне реализации отношений // Семантическое взаимодействие языковых единиц различных уровней: Сб. науч. тр. Л., 1975. 4. Бондаренко Е. В. О темпоральности имени и глагола в предложении и тексте. М., 1990. Рукопись деп. в ИНИОН АН СССР, № 41777. 5. Уорф Б. Л. Грамматические категории // Принципы типологического анализа языков различного строя. М., 1972. С. 44—60.

Поступила в редколлегию 11.11.91

КОЛИЧЕСТВЕННЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ СТЕПЕНИ
СЕМАНТИЧЕСКОЙ СВЯЗНОСТИ КОНТАКТНЫХ
ПРЕДЛОЖЕНИЙ

В данной статье описываются результаты дальнейшего исследования семантико-синтаксических отношений между контактными предложениями, образующими текст хроникальной заметки на немецком языке, начатого автором ранее [4; 5; 6; 7; 8; 10].

Рассматривая качественные аспекты семантико-синтаксических отношений, мы предположили, что в контактных предложениях, которые не связаны столь жестко, как сложноподчиненные и многие сложносочиненные предложения, союзной связью, при выявлении получателем информации семантико-синтаксических отношений большую роль должны играть семантико-синтаксические и лексико-семантические связи между компонентами предложений. К таковым относятся семантическая изотопия и включенная информация. Под семантической изотопией мы вслед за М. А. Габ понимаем повторение близких по смыслу или по совместной встречаемости элементов в тексте, т. е. наличие в них общего — эквивалентного или близкого по смыслу — компонента значения [2, с. 2]. А под включенной информацией — добавочную информацию, выраженную другими способами: путем вторичной предикации или с помощью повторной номинации. Включенная информация является дополнительным способом раскрытия смысла элементов первого предложения. При определении роли семантической изотопии и включенной информации для каждого типа семантико-синтаксических отношений мы использовали количественные методы анализа.

Некоторые аспекты распределения межфазовых связей в тексте — равномерность распределения связей данного предложения с иными предложениями, расстояние, на которое простираются эти связи, характер изменения интенсивности связи предложения с отрезком текста в зависимости от расстояния между предложением и отрезком и т. п. — уже рассматривались в работах С. И. Гиндина, Т. Н. Рыловой, Э. Ф. Скороходько, О. Г. Ревзина, Ю. А. Шрейдера, С. М. Приходько, Т. П. Сластьен, И. А. Огоньянц. Были предложены та-

кие характеристики системы межфразовых связей текста, как семантическая связность, линейный коэффициент, цепочный коэффициент, плотность лексико-семантических связей и др. При этом подчеркивался регрессивный и прогрессивный характер межфразовых связей, выделялись контактные (соединяют друг с другом слова смежных фраз) и дистантные (линии связей пролегают между фразами, разделенными другими фразами) межфразовые связи, и основное внимание уделялось изучению последних [1, с. 55]. Однако эти характеристики, как отмечает Э. Ф. Скороходько, отнюдь не исчерпывают всей совокупности свойств системы межфразовых связей, и остаются нерешенными следующие задачи: 1) нахождение ряда дополнительных параметров, которые в сочетании с введенными ранее позволили бы более полно описать межфразовые связи в тексте; 2) описание реальных текстов в терминах этих параметров.

Кроме того, в поле зрения исследователей до сих пор находились тексты, содержащие большое число предложений, что затрудняло анализ. При этом связь между двумя контактными предложениями оценивалась только по критерию ее наличия или отсутствия (см., например, [9]).

Количественными характеристиками степени связности в нашем случае можно считать коэффициенты семантической изотопии (среднее количество изотопических связей между первым и вторым предложениями) и включенной информации (среднее количество блоков включенной информации во втором предложении) и их суммарную величину — коэффициент насыщенности семантической информацией.

Приводимые ниже данные основаны на анализе 117 сообщений с экспликацией, 55 — с дополнением, 40 — с авторизацией, 85 — с оценкой, 43 — с развитием, полученных путем пропорционального отбора из совокупности порядка 10 тыс. примеров, близкой к генеральной совокупности. По каждому из примеров определялись две характеристики: количество семантических изотопий X и число включенных информационных Y . Полученные при этом данные обрабатывались по общепринятой методике, описанной, в частности, в работе В. Е. Гмурмана [3], а именно:

$$\text{по формулам } \bar{X}_n = \frac{1}{n} \sum_{i=1}^n X_i, \quad \bar{Y}_n = \frac{1}{n} \sum_{i=1}^n Y_i,$$

где n — объем выборки, соответствующий определенному типу семантико-синтаксических отношений, определялись выборочные средние значения $\bar{X}_v$ и $\bar{Y}_v$ — приближения к математическим ожиданиям характеристик X и Y соответственно;

$$\text{по формулам } D_v[X] = \frac{1}{n} \sum_1^n (X_i)^2 - (\bar{X}_v)^2,$$

$$D_v[Y] = \frac{1}{n} \sum_1^n (Y_i)^2 - (\bar{Y}_v)^2$$

определялся разброс значений — дисперсии $D_v[X]$ и $D_v[Y]$ признаков X и Y ;

по формулам из § 15 гл. XVI работы В. Е. Гмурмана [3, с. 214—216] определялись границы доверительного интервала для математического ожидания $M[X]$ характеристики X и $M[Y]$ характеристики Y ; при этом величина доверительной вероятности была принята равной 0,95. Результаты статистической обработки приведены в таблице. Кроме этого в ней содержатся и характеристики для суммарной величины $(X+Y)$.

Характеристики семантической связности	Выборочные средние значения коэффициентов связности	Выборочные дисперсии коэффициентов связности	Доверительные интервалы для средних коэффициентов связности
<i>Сообщения с экспликацией</i>			
X	3,30	4,14	$3,30 \pm 0,37$
Y	0,80	0,64	$0,80 \pm 0,15$
$(X+Y)$	4,10	5,31	$4,10 \pm 0,42$
<i>Сообщения с дополнением</i>			
X	2,20	0,92	$2,20 \pm 0,26$
Y	0,60	0,46	$0,60 \pm 0,19$
$(X+Y)$	2,80	1,98	$2,80 \pm 0,38$
<i>Сообщения с авторизацией</i>			
X	1,85	1,08	$1,85 \pm 0,34$
Y	1,10	0,64	$1,10 \pm 0,26$
$(X+Y)$	2,95	2,10	$2,95 \pm 0,47$
<i>Сообщения с оценкой</i>			
X	2,51	1,36	$2,51 \pm 0,25$
Y	0,68	0,43	$0,68 \pm 0,14$
$(X+Y)$	3,19	2,51	$3,19 \pm 0,34$
<i>Сообщения с развитием</i>			
X	1,84	1,44	$1,84 \pm 0,37$
Y	1,16	1,11	$1,16 \pm 0,33$
$(X+Y)$	3,00	3,67	$3,00 \pm 0,60$

Примечание: X — семантическая изотопия, Y — включенная информация, $(X+Y)$ — насыщенность семантической информацией.

Как видно из данных, приведенных в таблице, среднее значение коэффициента семантической изотопии при экспликации выше, чем при дополнении, что объясняется следующим.

1. При экспликации поясняется один из элементов предложения, который в большинстве случаев повторяется во втором предложении как эксплицируемое; при этом экспликация, особенно развернутая, содержит в себе ряд лексических единиц, которые соотносятся с единицами, характеризующими эксплицируемое в первом предложении.

2. При дополнении второе предложение вводит дополнительные новые факты, которые в гораздо меньшей степени, чем при экспликации, находятся в связи с фактами, изложенными в первом предложении, что объясняется, в частности, второстепенностью дополнения. Кроме того, в отличие от экспликации при дополнении реже наблюдается потребность обобщенного выражения содержания первого предложения при помощи обобщающих слов.

Что касается включенной информации, то разница здесь несущественна.

Значительное отличие среднего значения коэффициента семантической изотопии в авторизующем предложении от соответствующих коэффициентов в предложениях с экспликацией и дополнением объясняется тем, что для связи второго предложения с первым при авторизации в подавляющем большинстве случаев достаточно только обобщенных слов типа *das* (*dies*); остальные изотопические элементы встречаются довольно редко.

Увеличение среднего значения коэффициента включенной информации при авторизации связано с тем, что указание на автора, выраженное в форме отдельного предложения, создает больше возможностей для включения дополнительной информации о месте, времени и адресате.

В сравнении с авторизующими предложениями при оценке наблюдается повышение среднего значения коэффициента семантической изотопии, так как оценка в ряде случаев требует повторного обозначения объекта оценки и его классификации, а также обоснования оценки. Это влечет за собой увеличение семантической емкости второго предложения, и возможности включенной информации уменьшаются, поскольку даже при

восприятии таких микротекстов семантической памятью реципиента накладываются определенные ограничения на сочетания матричной (основной) и включенной информации.

Среднее значение коэффициента семантической изотопии в сообщениях с развитием примерно совпадает с соответствующим коэффициентом сообщений с авторизацией. Это объясняется тем, что при этих семантико-синтаксических отношениях связь между элементами двух контактных предложений менее тесная: при авторизации в качестве нового факта выступает номинация автора, а при развитии вообще описывается новое событие, которое не требует тесной связи с предыдущим предложением и большой опоры на уже известную информацию.

Самое высокое значение коэффициента включенной информации предложений с развитием объясняется тем, что включенная информация оказывается особенно важной при характеристике дальнейшего развития одного события или характеристике события, являющегося результатом событий, изложенных в первом предложении.

Каждый тип семантико-синтаксических отношений имеет свой коэффициент семантической изотопии, включенной информации и насыщенности семантической информацией. Во всех типах отношений среднее значение коэффициента семантической изотопии превосходит соответствующую величину для включенной информации, поскольку включенная информация является факкультативной, а семантическая изотопия — обязательной (ее отсутствие ведет к разрыву связности). Максимальное число семантических связей между контактными предложениями наблюдается при экспликации, минимальное — при авторизации и развитии. В то же время при авторизации и развитии наблюдается самое высокое значение коэффициента включенной информации.

Таким образом, можно констатировать наличие такой закономерности, согласно которой семантические связи рассматриваемых типов взаимно дополняют друг друга, или, другими словами, недостаток связей одного типа компенсируется за счет избытка связей другого типа.

Среднее значение коэффициента насыщенности семантической информацией для выделяемых нами типов отношений равно $3,5 \pm 1$. По всему объему выборки

относительная частота появления сообщений, у которых величина коэффициента насыщенности семантической информацией превысила 7, составила 0,041. Таким образом, гипотеза Миллера нашла статистическое подтверждение и в нашем случае.

Что касается корреляции этих коэффициентов внутри каждого типа, то она, вопреки ожиданиям, оказалась не отрицательной, а положительной: дисперсия $D_v[X+Y]$ во всех случаях больше суммы дисперсий $D_v[X]$ и $D_v[Y]$, т. е. в преобладающем числе рассмотренных случаев увеличение признака X от его среднего значения ведет к аналогичному увеличению признака Y , а уменьшение признака X — к уменьшению признака Y . Это объясняется зависимостью коэффициентов семантической связности от длины всего сообщения и составляющих его предложений.

Полученные при исследовании данные дают основание полагать, что предлагаемая методика пригодна для анализа других микротекстов и последовательности предложений в текстах большего размера на материале разных жанров и типов речи, включая диалог.

Список литературы: 1. Бухбиндер В. А. О возможностях изменения текстовой структуры // Проблемы текстуальной лингвистики. К., 1983. С. 43—49. 2. Габ М. А. Семантическая изотопия и ее роль в адекватной интерпретации текста: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1990. 3. Гмурман В. Е. Теория вероятности и математическая статистика: Учеб. пос. для вузов: Изд. 5-е перераб. и доп. М., 1977. 4. Григорьева Л. М. Логико-семантические отношения между контактными предложениями текста (на материале хроникальных заметок газет ГДР). Х., 1984. Рукопись деп. в ИНИОН АН СССР. № 19085. 5. Ее же. Динамическая структура текста и перевод // Теория и практика научно-технического перевода: Тез. докл. науч.-практ. семинара, 25—26 марта 1986. Воронеж, 1986. С. 8—9. 6. Ее же. Экспликация как вид конкретизации — семантико-синтаксического типа связи смежных предложений // Вестн. Харьк. политехн. ин-та. 1987. № 244: Иностранные и русский языки во вузе. С. 28—29. 7. Ее же. Динамика развертывания научно-технического текста и перевод // Методика и практика научно-технического перевода: Тез. докл. к зон. семинару, 22—23 февраля 1988 г. Пенза, 1988. С. 13. 8. Ее же. Семантико-синтаксические связи между контактными предложениями в процессе обучения второму языку // Семантика в преподавании русского языка как иностранного: Тез. докл. и сообщ. обл. межвед. науч.-метод. конференции. Харьков, 3—5 апреля 1990 г. Х., 1990. Вып. 3. Ч. 2. С. 170—172. 9. Скороходько Э. Ф. Распределение межфразовых связей в тексте // Науч.-техн. информация. Сер. 2. Информационные процессы и системы. 1980. № 4. С. 23—30. 10. Ejger G. W., Grigorjewa L. M. Über die syntaktisch-semantische Entfaltung des

Поступила в редколлегию 11.11.91

Д. А. ГРОМОВА

ИЗУЧЕНИЕ ЯВЛЕНИЯ СУБСТАНТИВАЦИИ НА ОСНОВЕ ПОЛЕВОГО МЕТОДА

Общеизвестно, что языковым явлениям присуще взаимодействие. Однако исследователи по-разному трактуют это понятие, особенно на уровне частей речи, имея в виду разные стороны этого процесса, а именно результаты взаимодействия. Под воздействием часто понимают переход слов одной части речи в другую [1]. В данной статье, посвященной явлению субстантивации в современном английском языке, мы будем придерживаться именно этого положения. Кроме того, мы разделяем широко распространенную точку зрения, что «переход относится к явлениям диахронного процесса, хотя начальные стадии охватывают и определенный синхронный срез» [2], и что переход частей речи — это процесс постепенного накопления словами исходной части речи элементов нового качества, «накопления» и закрепления их в производном слове. Помимо того, что это процесс «изменения лексико-грамматических признаков исходной части речи и приобретение признаков другой, новой части речи» [3] растянут во времени, он также характеризуется неравномерностью развития, так как, во-первых, не любая единица исходной части речи способна «переходить» в другие классы слов; во-вторых, элементы нового качества у переходящих единиц накапливаются неодинаково и, в-третьих, не все единицы способны достичь полного «перехода», часть из них «застывает» на определенном этапе своего развития, а другая часть может встретиться окказионально, даже не выходя за рамки своего окказионального употребления.

В центре нашего исследования — проблема перехода в существительные образований с разной степенью выраженности значения «предметности».

Исходя из того, что к признакам частеречной принадлежности относятся: а) категориальное значение, б)

лексическое значение, в) частные грамматические значения, г) валентность, д) синтаксические функции, необходимо ответить на вопрос: становится ли переходящее в другую часть речи слово подлинным представителем новой части речи (осуществляется ли полный «переход»), если данное слово приобретает максимум признаков новой части речи? Для этого рассмотрим несколько примеров: He has heard my **no** many times, (M. Puzo) Then, in the middle of absolutely **nowhere** she locks her leg to the frame... (Chatwin) If it had not been **for** ... If only... Were it not. Those useless **ifs** of history. (Swift)

Приведенные примеры субстантивирующихся единиц показывают, что при наличии признаков существительного у них отсутствует то лексическое значение, тот ономаσιологический базис, в зависимости от которого распределяются по группам существительные. Содержательные характеристики переходящих единиц у них сохранились от производящих единиц, хотя они и приобрели ту или иную степень предметности, и поскольку все остальные параметры существительных у них присутствуют, то, вероятно, их можно выделить в особую ономаσιологическую группу существительных, в которой прослеживается тенденция к коммуникативной дифференциации предметности как ономаσιологического базиса. Да и по своим формальным характеристикам эти субстантивные номинации не отвечают полностью ряду имен существительных, так как они обнаруживают как признаки исходной части речи, так и признаки новой части речи. Эти образования, по-видимому, можно выделить в отдельный субстантивный класс гибридного характера, ведь переходные явления, как отмечает В. В. Бабайцева, объединяют качественно различные, хотя и тесно связанные между собой трансформационные и гибридные языковые явления [1].

Неравномерность распределения признаков наблюдается не только в выделении частей речи, она свойственна и внутренней структуре отдельных частей речи и лежит в основе возникновения подклассов, а следовательно, полевой структуры частей речи. Описываемые случаи субстантивных номинаций характеризуются такой неравномерностью, а кроме того они настолько разнородны (от фонетических в буквенном выражении до синтаксических сущностей), что можно предположить, что эти явления могут быть организованы по принципу язы-

кового поля. Однако в силу указанных выше причин, а также из-за очень большой разнородности их нельзя, как нам представляется, включить в полевую структуру существительного, хотя некоторые группы единиц могли бы войти в периферийную зону поля существительного, например. *The main road into Danemouth from the downs does a big round island.* (Christie), а некоторые не могли бы занять место и в периферии поля существительного, например «... but is that true wisdom which can comprehend that there is a **might-have-been** which is more true than truth ...» (Faulkner).

Поэтому подобные субстантивные образования могут составить отдельное самостоятельное языковое поле со своим центром и периферией, центральная часть которого может быть наложена на периферию поля существительного, что вполне отвечает структуре языкового поля, которое обладает сложной структурой и предполагает деление на микрополя, способные перекрещиваться в некоторых участках и в совокупности образовывать единое макрополе [4].

В данной статье мы предлагаем описание микрополя выражения предметности. В основе предлагаемой классификации субстантивов, описываемой на основе «полевого» метода, лежат следующие критерии: содержательные характеристики; валентность; формальные параметры.

Что касается синтаксических функций, то все исследуемые образования имеют ту или иную свойственную существительному функцию в предложении.

Ядро поля занимают морфологические категории — квантификативный детерминант *other/another*, предметно-квантификативные местоимения (*a somebody, nothings*), вопросительное наречие *why (a why, the whys, that why)*, порядковые и количественные числительные, например *“I’ll make up a four”*, said Dr Saunders (Maugham), союзы (*a big if, ifs, this if, the but*), междометия (*a thank you, goodbyes, your OK, the good morning*) и звукоподражательные образования (*the muted sss, little oohs, a few dignified ho-ho’s, a quick thud-thud...*).

Перечисленные конститuenty ядра несут большую содержательную нагрузку, все валентные свойства существительного и все или почти все формальные показатели — окончание *s* во множественном числе, артикль *a/the, ’s* в категории притяжательности.

Немного дальше от ядра располагается группа субстантивирующихся предлогов (*his behind, downs, the in between*), личные местоимения (*a she, the I of personality*), вопросительные местоимения и наречия (кроме *why*), наречия места, времени и образа действия (*tomorrows, anywheres, the here and now*). Эти субстантивы, хотя и несут большую семантическую нагрузку, но лишены одного из существенных формальных характеристик существительного — формы множественного числа (отсутствует у субстантивов — личных местоимений, у субстантивов — вопросительных местоимений и наречий), а такой показательный параметр, как неопределенный артикль, отсутствует у зафиксированных субстантивов-предлогов, наречий времени, места и образа действия, что свидетельствует, вероятно, о меньшей коммуникативной степени предметности у перечисленной выше группы субстантивов.

Еще дальше от ядра будут расположены неличные формы глагола (*a to do, a being so beautiful*) и наречия (*yes, no, many, much, most, few*). Данная группа субстантивов сочетается только с артиклем: неличные формы глагола — с неопределенным, а наречия — с определенным.

Периферию исследуемого поля занимают фонетические и синтаксические образования — сказуемые сочетания, например *How do you say it? The fur would jump about, eh? "Would fly" is the correct expression, sir (Christie)*, синтаксические образования в виде словосочетаний, фраз, предложений (на периферии поля данные конститuenty также расположены неравномерно), фонетические образования (*her h's, cross t's and dot i's*).

На периферии наблюдаем ослабление признаков существительного как в содержательном, так и в формальном отношении. Ослабление признаков и, прежде всего, снижение степени выражения предметности идет вплоть до того, что элементы дальней периферии предметно соотносены только позиционно и стилистически: **More difficult to accept is the fact that we can often become terribly angry even at those we love most.** (*Reader's Digest*)

Наблюдения над средствами выражения предметности позволяют заключить, что значение предметности в современном английском языке передается разнообразными и неоднородными средствами, которые можно опи-

сать по принципу «полевого» метода, и проведенный «полевой» анализ показал, что поле субстантивов — самостоятельное языковое поле, частично перекрещивающееся с микрополем существительного и в совокупности с ним образующее единое макрополе субстантивности.

Список литературы: 1. *Бабайцева В. В.* Переходные конструкции в синтаксисе. Воронеж, 1967. 2. *Бортэ Л. В.* Глубина взаимодействия частей речи в современном русском языке. Кишинев, 1977. 3. *Неменко В. Н.* О разграничении частей речи в современном русском языке. Горький, 1975. 4. *Шур Г. С.* Теория поля в лингвистике. М., 374.

Поступила в редколлегию 11.11.91

О. И. ДЕНИСОВ

МНОГОКОМПОНЕНТНЫЕ ИМЕННЫЕ ФРАЗЫ КАК ПРИЗНАК ИНДИВИДУАЛЬНО-АВТОРСКОГО СТИЛЯ

Задача данной статьи — показать, что выявление в языке разных авторов закономерностей, определяющих особенности употребления многокомпонентных именных фраз (МИФ), которые, подобно другим типам словосочетаний, обычно трактуются лишь в качестве грамматических единиц, способствовало бы рассмотрению их (т. е. МИФ) и в качестве определенного стилистического средства, вполне оформленного признака индивидуального стиля, поддающегося достаточно объективной характеристике.

Приступая к сравнению употребления какой-либо синтаксической единицы в произведениях разных авторов, но относящихся к одному функциональному стилю и совпадающих по типу (романы и рассказы социально-бытовой направленности), логично предположить, что результаты докажут их сходство, а не различия. Однако уже простое сопоставление количества структурных типов МИФ*, отмеченных в произведениях С. Мозма (139), Гр. Грина (138), Ф. Скотта-Фитцджеральда (189) и Э. Хемингуэя (223), заставляет усомниться в точности подобного прогноза.

* Объем анализируемых текстов каждого автора составляет 500 тыс. печатных знаков.

Таблица 1

Автор	Структурные типы МИФ					Случаи употребления МИФ				
	Слитные	Неслитные				Слитные	Неслитные			
		Всего	Союзные	Бессоюзные	Смешанные		Всего	Союзные	Бессоюзные	Смешанные
С. Моэм	68 48,9%	71 51,1%	29 40,8%	31 43,7%	11 15,5%	830 73,3%	302 26,7%	105 34,8%	186 61,5%	11 3,7%
Гр. Грин	94 68,1%	44 31,9%	31 70,4%	8 18,2%	5 11,4%	1312 93,8%	87 6,2%	65 74,7%	16 18,3%	6 7%
Ф. Скотт-Фитцджеральд	101 53,34%	88 46,6%	43 48,7%	43 48,7%	2 2,6%	1428 78,4%	393 21,6%	128 32,6%	262 66,7%	3 0,7%
Э. Хемингуэй	103 46,2%	120 53,8%	35 29,2%	73 60,8%	12 10%	1117 82,5%	237 17,5%	56 23,6%	169 71,3%	12 5,1%

О наличии существенных различий свидетельствуют и данные, приведенные в табл. 1. Как видим, колебания отмечаются в обеих частях данной таблицы. Например, сравнение процентных показателей для структурных типов «слитных» и «неслитных» МИФ показывает, что писатели образуют как бы две группы — к первой относятся С. Моэм и Э. Хемингуэй, в текстах которых количество структурных типов «неслитных» МИФ выше, чем «слитных», а ко второй — Гр. Грин и Ф. Скотт-Фитджеральд, текстам которых присуще обратное. На крайних позициях в данном плане оказываются Гр. Грин и Э. Хемингуэй. Если рассматривать процентные показатели для структурных типов трех видов «неслитных» МИФ, то необходимо отметить, что, хотя для всех авторов общей чертой является преимущественное употребление союзных и бессоюзных МИФ, у С. Моэма и Ф. Скотта-Фитджеральда эти показатели практически совпадают, а для текстов Гр. Грина и Э. Хемингуэя опять-таки характерны полярные позиции — резкое преобладание структурных типов союзных МИФ у Гр. Грина и бессоюзных — у Э. Хемингуэя.

Сопоставление случаев употребления «слитных» и «неслитных» МИФ показывает, что для С. Моэма типичным является наиболее широкое использование «неслитных» конструкций. В текстах этого автора на их долю приходится 26,7 % от общего числа употреблений МИФ. В текстах же Гр. Грина данный класс встречается реже, чем у остальных авторов, — на долю 87 случаев употребления «неслитных» МИФ приходится всего 6,2 % от общего числа употреблений МИФ. Соответственно в текстах Гр. Грина самые высокие, а в текстах С. Моэма самые низкие процентные показатели употребления «слитных» МИФ — 93,8 и 73,3 %. Разница, составляющая более 20 %, означает, что подобные тенденции в употреблении «слитных» и «неслитных» МИФ следует считать специфическими свойствами индивидуально-авторских стилей этих писателей.

Рассмотрим теперь, как соотносятся между собой случаи употребления трех видов «неслитных» МИФ. В первую очередь обратим внимание на данные в графе «бессоюзные МИФ», поскольку, с нашей точки зрения, именно этот тип «неслитных» МИФ наиболее часто используется для реализации функций воздействия в художественных текстах. У трех авторов процентные показатели бессоюзных МИФ значительно превосходят по-

казатели союзных. Лишь в текстах Гр. Грина на союзные МИФ приходится 74,7 %, а на бессоюзные — 18,3 %.

Таблица 2, составленная по несколько иному принципу, чем табл. 1 (процентные показатели здесь следует рассматривать в вертикальном плане), позволяет более рельефно обозначить уже отмеченные тенденции в произведениях названных авторов.

По плотности употребления МИФ на первом месте находятся произведения Ф. Скотта-Фитцджеральда. Причем на их долю приходится не только самый высокий процент употребляемости «слитных» МИФ (доминирующего класса, так как «неслитные» МИФ в текстах романов и рассказов встречаются в среднем в 4,6 раза реже), но и «неслитных» атрибутивных словосочетаний. Весьма ровные показатели и в текстах Э. Хемингуэя — в первых трех графах они стабильно занимают третье место. Наибольшими колебаниями отличаются произведения С. Моэма и Гр. Грина. Так, произведения С. Моэма находятся на последнем месте по плотности употребления МИФ, что объясняется прежде всего низкой употребляемостью «слитных» словосочетаний — по количеству случаев они на последнем месте. По количеству случаев употребления «неслитных» МИФ произведения С. Моэма занимают вторую позицию. Произведения Гр. Грина, напротив, имеют второе место в графе «слитные МИФ» и последнее (8,2 %) — в графе «неслитные МИФ». Среди особенностей в употреблении бессоюзных МИФ следует отметить незначительную долю этих словосочетаний в текстах Гр. Грина (только 2,5 %). Среди других наиболее значимых особенностей назовем употребление союзных МИФ в произведениях Э. Хемингуэя — 15,8 % (последнее место), что даже ниже, чем в текстах Гр. Грина, хотя по общему количеству случаев употребления «неслитных» МИФ здесь соотношение 1:2,72 в пользу текстов Э. Хемингуэя (см. табл. 1).

Одной из самых заметных различительных особенностей в табл. 1 и 2 является низкая употребляемость «неслитных» МИФ (в первую очередь бессоюзных) в произведениях Гр. Грина. Частично причины подобной закономерности объясняются тем, что Гр. Грин относится к той группе писателей, для которых характерна тенденция к «understopping» — ослабленной пунктуации. Для Гр. Грина типично неупотребление знаков пре-

пинания даже в тех случаях, когда, казалось бы, они обязательны. Например, при повторении одних и тех же атрибутов:

"Darling, I'm sure you won't mind my using the old old term..."

(May We Borrow Your Husband, p. 70)

Таблица 2

Автор	Случаи употребления МИФ					
	Всего	Слитные	Неслит- ные	Союзные	Бессоюз- ные	Смешан- ные
С. Моэм	1132 19,8%	17,7%	29,6%	29,7%	29,4%	34,3%
Гр. Грин	1399 24,5%	28%	8,2%	18,3%	2,5%	18,8%
Ф. Скотт- Фитцджеральд	1821 31,9%	30,5%	38,6%	36,2%	41,4%	9,4%
Э. Хеминг- уэй	5706 23,8%	23,8%	23,6%	15,8%	26,7%	37,5%
Всего	5706 100%	4687 100%	1019 100%	354 100%	633 100%	32 100%

Однако независимо от причин данного явления сам факт незначительного употребления в прозе Гр. Грина «неслитных» МИФ, впрочем, как и широкую распространенность единиц этого класса в произведениях С. Моэма, следует рассматривать как еще один пример, демонстрирующий стилеразличительный потенциал МИФ.

В плане употребляемости в текстах различных авторов МИФ различной глубины выделяется стиль Э. Хемингуэя. В романах и рассказах данного автора отмечается наименьший удельный вес трехкомпонентных «слитных» и «неслитных» МИФ — самого распространенного разряда многокомпонентных именных фраз. На их долю в текстах Э. Хемингуэя приходится соответственно 85,4 и 48,9 % от общего числа случаев употребления «слитных» и «неслитных» МИФ. Для сравнения приведем аналогичные цифры произведений С. Моэма — 90,1 и 74,5 %. К дифференцирующим особенностям следует отнести и то, что в текстах Гр. Грина практи-

чески не употребляются МИФ, имеющие более пяти компонентов. Единственным исключением из этого правила стала восьмикомпонентная «слитная» именная фраза. В текстах Э. Хемингуэя отмечено 16 случаев употребления МИФ, имеющих шесть и более компонентов. Из них четырнадцать являются «слитными», что составляет примерно 6 % от общего количества случаев употребления МИФ этого класса в текстах американского писателя. Как видим, данный критерий — сопоставление употребления МИФ с учетом числа компонентов — также может рассматриваться при описании особенностей индивидуально-авторского стиля.

В завершение сопоставим наиболее часто встречающиеся в произведениях четырех англоязычных авторов структурные типы. Сравним первые десятки самых распространенных трех- и четырехкомпонентных структурных типов. Выясняется, что только один структурный тип (AAN) имеет четыре одинаковых места. В остальных случаях отмечаются колебания различной степени. Например, структурный тип Num of Num N в текстах С. Моэма занимает 7 место среди трехкомпонентных, а в произведениях Гр. Грина встречается только один раз. Структурный тип A, AN употребляется в проанализированных произведениях Ф. Скотта-Фитцджеральда 134 раза (4 место), а у Гр. Грина — 6 раз. Еще заметнее колебания среди четырехкомпонентных ИФ. Так, структурный тип ANNN является самым распространенным в произведениях Э. Хемингуэя, а в текстах С. Моэма он вообще не представлен.

Итак, подводя итог сказанному, необходимо отметить, что каждый автор имеет свой ряд «излюбленных» структурных типов, из чего следует, что и отдельные структурные типы могут являться одной из дифференцирующих возможностей многокомпонентных именных фраз.

Поступила в редколлегию 14.11.91

**ПРИСОЕДИНИТЕЛЬНАЯ КОНСТРУКЦИЯ
В ДИАХРОНИЧЕСКОМ АСПЕКТЕ**
(на материале английских драматургических
произведений XVI—XX вв.)

В лингвистической литературе последних лет большое внимание уделяется проблемам организации текста, изучению языковых единиц, участвующих в его формировании. Большинство исследований выполняется в синхронном плане на материале современных языков. В плане же диахронии вопросы, касающиеся данной проблемы, почти не разрабатываются. Тем не менее тщательное диахроническое исследование языковых явлений поможет вскрыть природу многих инноваций современного языка. Так, диахронический подход к изучению структуры высказываний позволяет совершенно по-новому осмыслить явление присоединительной конструкции*, которое большинство исследователей квалифицирует как синтаксическую тенденцию языка второй половины XX в., т. е. как явление сугубо современное. Проведенное исследование позволяет утверждать, что подобная точка зрения не является правомерной: анализ английских литературных диалогических текстов XVI—XX вв. показывает, что корни присоединительной конструкции (ПК) уходят в глубь веков. Однако в разные периоды развития языка формирование и функционирование ПК имело характер явления то в большей степени синтаксического, то стилистического. Так, сравнительно-сопоставительный анализ произведений английской драматургии XX в. и текстов XVI—XX вв. вскрывает следующие различия: если в первом случае функционирование изучаемых структур, чисто разговорных по форме, в авторском диалогическом тексте создает экспрессивную окраску, придавая письменному языку живость и динамичность разговорного языка, т. е. представляет собой синтаксико-стилистическое явление, то во втором случае наличие подобных структур в авторском тексте является результатом чисто синтаксических преобразований.

* Дмитренко В. А. Структурно-семантические особенности и функции сложных предложений и присоединительных конструкций с сочинительной связью (на материале английских диалогических текстов): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Одесса, 1989.

Развитие ПК не всегда шло по восходящей линии. Так, в пьесах авторов XVI—XVII вв. ее средняя частотность на одну страницу печатного текста составляет от одной до трех конструкций; в произведениях драматургов XVIII—XIX вв. — три-четыре конструкции, и в пьесах авторов XX в. — от одной до шести. Расцвет драматургического жанра приходится на XVI в. и связывается с появлением произведений великого английского драматурга эпохи Возрождения Уильяма Шекспира. Для произведений драматургов XVI в. характерны ПК усложненной структурно-синтаксической модели. Видимо, это объясняется тем, что диалог в этих произведениях имеет форму чередующихся монологических высказываний, иногда по объему достигающих полутора страниц текста и довольно сложных по своему тематическому содержанию. Структуре ПК присуща модель, в которой ее компоненты (основополагающее высказывание и присоединяемая часть) выражены последовательностями нескольких следующих друг за другом реплик. В семантическом аспекте в произведениях данного периода можно выделить ПК, в которых присоединяемые части характеризуются семантикой обобщения, перечисления, завершения мысли, уточнения и переключения мысли на другой предмет.

В драматургических произведениях XVII в. наблюдается постепенное упрощение структуры ПК, появляются свои специфические характеристики данной конструкции, хотя одновременно сохраняются многие черты, присущие ПК XVI в. Тем не менее нередко встречаются ПК с расчлененной структурой, причем довольно своеобразные в структурном выражении. Например, разъединение присоединяемой части (принадлежащей речи первого коммуниканта) выражается эксплицитными прерывистыми репликами, усложненными синтаксическим повтором, например:

Mosca: His pulse beats slow and dull.

Corbaccio: Good symptoms still.

Mosca: **And from his brain —**

Corbaccio: Ha! how? not from his brain?

Mosca: Sir, **and from his brain —**

Corbaccio: I conceive you, good.

Mosca: **Flows a cold sweat.**

(B. Jonson)

В пьесах драматургов XVIII в. отточенность фраз, вычурность языка и аффектированный характер речи

персонажей отражается на структуре и семантических особенностях ПК. Так, цепной характер присоединяемых реплик, выраженных разнофункциональными союзами в препозиции к ним, существенно влияет на семантическую направленность исследуемой конструкции. Во многих исследованных примерах этого периода наблюдаются такие явления, как наложение присоединяемых реплик друг на друга, расчленение структуры ПК, синтаксические повторы и др., например:

Mrs Cannon: She brought him on purpose to discover them.

Sir Benedict: And I tell you I had it from one —

Mrs Cannon: And I have it from one —

Sir Benedict: Who had it from one, who had it —

Mrs Cannon: From one immediately. But here comes Lady Sneerwells.

(R. B. Sheridan)

Синтаксические повторы в присоединяемых частях способствуют выявлению скрытой насмешки. Последняя реплика с союзом *but* служит как бы сигналом к прекращению обсуждения.

В драматургических произведениях XIX в. происходят существенные изменения в стиле и языке. Интересным явлением, характерным для данного периода в структурно-семантическом плане, можно считать впервые зарегистрированные случаи расчлененного основополагающего высказывания. Семантически недостаточные по своей природе, союзы семантизируются в рамках ПК и, не увеличивая ее объема, несут дополнительную информацию, расширяя при этом содержание окружающего ее контекста. Приведем пример ПК, в которой основополагающее высказывание, принадлежащее реплике первого коммуниканта, разъединяется восклицанием другого:

— **It was merely a gentle tonic —**

— Strychnine!

— — **to brace her up.**

— But she got measles after it.

(B. Show)

Стиль литературных произведений XX в. отличается сжатостью, отрывистостью и динамичностью формального выражения. Наиболее предпочтительными единицами являются небольшие по объему высказывания, как простые, так и сложные. Сложные предложения усложненной синтаксической модели почти полностью исчезли.

из языка, зато значительно возросло количество номинативных предложений. Распространенным явлением становятся ПК, в которых присоединяемая часть передает значение эмоционального нарастания действия (сюда относятся конструкции с перечислительно-уточнительной семантикой):

Edmund: My friend, be drunken with wine, with poetry, or with virtue. And if sometimes on the stairs of a palace, or on the green side of a ditch, or in the dreary solitude of your own room you should be awaken, ask of the wind, and of the wave, or of the star, or of the clock, ask what hour it is.

(E. O'Neill)

Одной из наиболее характерных черт драматургических произведений XX в. является употребление таких параречевых средств, как ремарки*. По нашим наблюдениям, авторская ремарка становится структурным компонентом присоединительной конструкции, эксплицитным средством членения ее частей, убедительным доказательством того, что ПК представляет собой формальное разъединение, но семантическое присоединение следующего за основополагающим высказыванием предложения. Например:

Mary: It always stood between us.

(She gets up-abruptly)

But let's not talk of old things.

(E. O'Neill)

Ремарки различных семантических типов (акциональные ремарки, ремарки, содержащие звуковые характеристики диалогического процесса в драматургическом произведении, интродуктивные ремарки или ремарки, обозначающие паузы) эксплицитно выражают момент паузации, столь характерный для ПК. Одновременно ремарка является индикатором изменения семантического значения и прагматической направленности структуры ПК.

Обращение к драматургическим произведениям XVI—XX вв. позволило проследить закономерности употребления присоединительной конструкции в диахронии и

* Дмитренко В. А., Солощук Л. В. Участие паралингвистических факторов в формировании присоединительной конструкции // Тез. Всесоюз. науч. конференции «Потебня — исследователь славянских взаимосвязей», Харьков, октябрь 1991 г. X., 1991. Ч. 1. С. 204—206.

выявить особенности ее функционирования. Исследование структурно-семантических и прагматических характеристик ПК в плане диахронии в драматургическом произведении способствует дальнейшему изучению данного явления в лингвистике.

Поступила в редколлегию 14.11.91

А. И. ДОРОДНЫХ, д-р филол. наук, В. В. РЕКАЛО

НЕКОТОРЫЕ СООБРАЖЕНИЯ ПО ВОПРОСАМ ЛИНГВИСТИКИ ТЕКСТА

Лингвистика текста — сравнительно молодая отрасль лингвистики, о чем свидетельствуют не только хронологические данные, но и вариативность диапазона явлений, вовлекаемых в сферу ее компетенции.

Чаще всего имеет место расширение объема понятия, обозначаемого термином «лингвистика текста». Так происходит, когда текстом именуют все речевые произведения, включая диалог, или же когда термины «текст» и «дискурс» употребляют как синонимы.

Сосредоточение интереса исследователей лишь на художественном тексте имеет двоякий эффект. С одной стороны, свойства художественного текста абсолютизируются и создается впечатление об уникальности структуры художественного текста. С другой стороны, увлечение художественным текстом приводит к вторжению лингвистики текста в области, традиционно относимые к стилистике и лингвостилистике.

Термин «дискурс» часто покрывает явления устной и письменной речи, хотя на практике «анализ дискурса» концентрирует внимание на процессе непосредственного вербального общения, т. е. главным образом на диалогической речи. Исследователи, которые видят отличие диалога от других типов дискурса, настаивают на том, чтобы лингвистические и экстралингвистические особенности диалогической речи изучались отдельно, в пределах «конверсационного анализа» [5].

Мы настаиваем на принципиальном отличии текста и диалога и считаем необходимым присоединиться к тем исследователям, которые рассматривают текст как произведение письменной речи, обладающее законченностью хотя бы с точки зрения создателя текста.

В отличие от текста «диалог» — прежде всего процесс, а не произведение, это основной вид устного общения. Диалог в художественном тексте — имитация, он не отражает всех особенностей спонтанного речевого взаимодействия в реальных ситуациях устного общения.

Целью излагаемого здесь исследования является рассмотрение особенностей и общих черт текстов разных стилей и жанров. Для анализа отобраны три художественных текста (рассказы), три публицистических и три научно-технических текста. Выбор конкретных текстов был произвольным.

В ходе исследования выяснилось, что явления, именуемые текстовыми категориями, нуждаются в более пристальном рассмотрении.

Следует различать связь и связность. Связность имеет глобальный характер и характеризует текст в целом, связь носит преимущественно локальный характер. Связность — логико-семантическая категория, связь — явление структурно-семантическое. Предложения, входящие в один тематический блок, как правило, объединяются тема-рематической связью, анафорической связью, повторной номинацией, а также с помощью различных соединительных слов.

Очевидно, что категория проспекции и ретроспекции, как ее обычно представляют, объединяет разные явления. Прежде всего это метатекстовое явление, чаще наблюдаемое, судя по выборке, в научных текстах. Имеются в виду отсылки к предыдущим и последующим отрезкам текста (ср. «как было сказано выше», «см. ниже», «см. раздел/параграф такой-то» и т. д.). Если же речь идет о предшествовании одних событий другим или о последующих событиях, то ретроспекцию и проспекцию следует отнести к внутритекстовым явлениям.

Можно, конечно, использовать один термин в разных значениях, но вряд ли в этом есть необходимость, тем более что предшествование и следование входят в понятие таксиса, синтагматической категории. Более всего выражение таксисных отношений характерно для художественных текстов.

Но и в художественных текстах частотность форм, выражающих отношения предшествования и следования, невелика, особенно форм, выражающих следование. При иконическом изображении последовательности событий таксисные отношения выражаются самой последовательностью грамматически однородных предикатов, а пер-

фект прошедшего времени и так называемое «будущее в прошлом» употребляются, когда нарушается естественная последовательность предикатов, описывающих ход излагаемых событий, а также в косвенной речи.

Привлекает внимание попытка представить структуру текста в виде блоков, образуемых сочетанием так называемых изобразительного и информативного регистров, и использовать эти регистры в качестве дифференцирующих признаков текстов, относящихся к разным функциональным стилям [2, с. 349—351].

Модель Г. А. Золотовой обладает достоинствами, которые достаточно четко сформулированы самим автором. Вместе с тем, как нам представляется, она содержит некоторые противоречия. В современной лингвистической литературе термин «регистр» означает набор языковых средств, употребляемый в определенной ситуации речевого взаимодействия [4, с. 31—35; 6, с. 24]. У Г. А. Золотовой регистр — коммуникативный тип речи, что тоже предполагает понимание его как набора средств, но регистр у нее часто идентифицируется с лексическим и грамматическим значением формы глагола.

«Информативный регистр» определяется как сообщение о фактах или сообщение мыслей, а «изобразительный регистр» остается немаркированным [2, с. 350]. Если быть последовательным, то «изобразительный регистр» сообщает не о фактах действительности, а мысли он может сообщать и действительные, т. е. мысли автора, и вымышленные, т. е. мысли персонажей. Однако в таком случае в художественном тексте не место информативному регистру, так как язык художественного текста интенционален и лишен денотативных значений, вернее, в роли денотатов выступают элементы возможного мира, создаваемого воображением писателя.

Противоречие заключается также в том, что, согласно Г. А. Золотовой [2, с. 350], нижняя граница блока, формируемого изобразительным или информативным регистром, может совпадать с границами предикатной единицы — как самостоятельной, так и в составе сложного предложения. Столкновение же в одном предложении-высказывании двух регистров, понимаемых как ситуативно обусловленный набор языковых средств, принято считать проявлением недостаточной коммуникативной компетенции. Кроме того, становится нецелесообразным членить текст на блоки изобразительного и

информативного регистров, если граница между блоками будет проходить внутри предложения, хотя и сложного.

Исходя из того, что целостность и членимость текста являются взаимосвязанными и взаимодействующими характеристиками текста, предполагаем изучить степень участия отдельных элементов и их совокупностей в членении разных текстов.

В самом начале решено было не рассматривать роль связующих слов, так как их удельный вес невелик по сравнению с другими средствами локальной связи в тексте за исключением некоторых устных рассказов.

Анализ тема-рематических связей между предложениями показывает, что лучше всего членению на основе этих связей поддаются научные и технические тексты.

Напротив, членение на основе чередования индикаторов личностного, временного и пространственного дейксиса в наибольшей степени свойственно художественным текстам. Более того, художественный текст в некоторых случаях отчетливо делится на крупные блоки с помощью индикаторов только личностного или только временного дейксиса. Индикаторы личностного, временного и пространственного дейксиса, как показывает анализ, не эффективны при членении научных и технических текстов.

Была также предпринята попытка деления связного текста на композиционно-семантические блоки (КСБ) с помощью следующих семантических маркеров: смена времени и/или места действия; смена возможного мира, которая сигнализируется употреблением предикатов, выраженных глаголами типа «хотеть», «сниться», «представлять», «вспоминать», «мечтать» и т. д.; изменение перспективы повествования за счет варьирования форм речи (диалог, авторская речь, прямая речь, косвенная речь, несобственно прямая речь и т. д.). Нетрудно заметить, что нами заимствованы наиболее важные из предложенных Т. ван Дейком [1, с. 622] маркеров смены темы, вводящих новые эпизоды.

Анализ результатов членения текстов на блоки на основании тема-рематической прогрессии, координат личностного, временного и пространственного дейксиса, а также критериев, заимствованных у Т. ван Дейка, позволяет утверждать следующее.

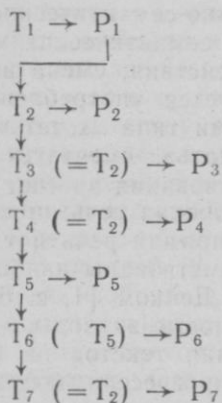
Хорошо делятся на блоки эпизоды по двум последним наборам критериев художественные и частично пуб-

лицистические тексты. Менее всего поддаются такому членению научные и технические тексты. Относительно последних можно утверждать, что попытки их членения нецелесообразны, тем более что в большинстве случаев научные и технические тексты делятся на соответствующие разделы самими авторами в соответствии с канонической структурой научной статьи.

Сравнение блоков, выделенных по наборам критериев, показывает, что между такими блоками обнаруживается лишь небольшое количество отклонений, что свидетельствует о их надежности, но лишь в пределах художественных и частично публицистических текстов. Что касается тематических связей, их можно использовать для характеристики отношений между предложениями в пределах выделенных КСБ.

Иногда, при наличии сквозной темы, объединяющей предложения, возможно выделение блоков на основании только тематического анализа, что характерно преимущественно для описательных фрагментов текста.

Ср.: (30) "I am a widower", he said. (31) "My wife was a Swiss, a native of Geneva. (32) She was a very cultivated woman. (33) She spoke English, German, and Italian perfectly. (34) French, of course, was her native tongue. (35) Her Russian was much above the average for a foreigner. (36) She had scarcely the trace of an accent".

Следствием сужения области интересов лингвистики текста до пределов художественного текста явилось, на наш взгляд, гипертрофирование некоторых свойств художественного текста. Так, наличие изобразительно-

го регистра считают основной характеристикой художественного текста, причем утверждается, что изобразительно-повествовательный регист формируется, в частности, особым чередованием аористых и имперфектных форм глагола, создающих так называемое сюжетное время.

Однако наличие сюжета характерно и для рассмотренных нами дополнительно бытовых устных рассказов, причем, как и в художественном рассказе, в них наблюдается чередование аористных и имперфектных форм. Тем не менее изобразительно-повествовательный регист выделяют только в художественных рассказах. Поэтому представляется, что определяющим для этого регистра является не чередование аористных и имперфектных форм, а отсутствие экстенционала в семантике знаков, используемых в художественном тексте.

В нашей выборке устные рассказы повествуют о подлинных событиях. При этом, если исключить немногочисленные сопутствующие реплики или вопросы аудитории, чередование аористных и имперфектных глагольных форм тождественно их чередованию в художественных рассказах.

С известной осторожностью можно утверждать, что структура устных рассказов ближе к традиционной схеме (экспозиция, завязка, развитие действия, кульминация и развязка), чем структура современных художественных рассказов.

Это позволяет сделать предположение, что традиционная схема повествования заимствована из рассказов о подлинных событиях, иконически отображающих последовательность этих событий, поэтому писатель осознанно или интуитивно стремится создать эффект «обманутого ожидания» [3, с. 73], тем самым подтверждая тезис о том, что стиль — это отклонение от нормы, например, иконического изложения событий, подлинных или воображаемых.

Со временем «нарушение нормы» само становится нормой. На этом этапе для создания эффекта обманутого ожидания необходимо нарушить вновь установившуюся норму, «узаконившую» прежние нарушения.

Список литературы: 1. Дейк Теун ван. Язык. Познание. Коммуникация. М., 1989. 2. Золотова Г. А. Коммуникативные аспекты русского синтаксиса. М., 1982. 3. Риффатер М. Критерии стилистического анализа // Новое в зарубежной лингвистике. М., 1980. Вып. 9. С. 69—97. 4. Швейцер А. Д. Социальная дифференциация английского

языка в США. М., 1983. 5. Allen D. E., Guy R. F. Conversation analysis: the sociology of talk. Paris, 1979. 6. Halliday M. A. K., Intosh A., Stevens P. The users and uses of language // Varieties of presentday English. N. Y.; London, 1973. P. 9—39.

Поступила в редколлегию 11.11. 91

Г. В. ЕЙГЕР, Г. Я. УЗИЛЕВСКИЙ

О СТРУКТУРЕ И СОСТАВЕ ШАХМАТНОГО ЯЗЫКА

В настоящее время в семиотике начинают активно исследоваться эволюционно развившиеся искусственные языки, основой которых является естественный язык. Отдельную проблему составляют эволюционно развившиеся искусственные языки, основанные на иконических знаках и симбиозе последних с естественным языком. К языкам такого рода относятся язык геометрических изображений в инженерной и машинной графике и шахматный язык [1]. Остановимся на последнем, который представляет особый интерес в связи с тем, что он едва ли не единственный, используемый для воспроизведения игры (за исключением шашек). Другие игры (карточные, нарды и пр.) специально не воспроизводятся, поскольку, во-первых, их анализ не может доставить эстетическое наслаждение, а во-вторых, фактор случайности снижает эвристическую ценность изучения записи партии.

Следует отметить, что семиотики давно пытаются найти аналогию между языковыми системами и шахматами [2; 3, с. 24—25, 61, 120—121, 128, 139; 4; 5]. Мы также предпримем попытку провести такую аналогию между шахматной игрой и языком.

В шахматах имеются фигуры-знаки («абстрактные действующие лица»), но в них нет конкретных действующих лиц (как в волшебной сказке, см. [6]), не существует и жестких правил комбинирования шахматными фигурами-знаками. Если в естественных языках, библиографическом языке и языке волшебных сказок в качестве «невидимых и видимых дорожек», с помощью которых мчатся наружу высказывания, библиограммы и «сказограммы», выступают абстрактные синтагматические блоки, то в шахматном языке эту роль выполняют горизонтали, вертикали и диагонали. В связи с этим на основе таких нежестких правил выстраиваются фигуры-

знаки на видимых «дорожках» в позиции (высказывания), которые и составляют шахматную партию (текст/речь).

При «порождении» позиций (высказываний) большую роль, помимо социально-унифицированных правил комбинирования шахматными фигурами-знаками, играют трансформационные правила, с помощью которых осуществляется оценка позиций и трансформация одних позиций в другие для достижения промежуточных (получение позиционного и материального перевеса) и конечной (мат) целей. Иными словами, в парадигматический класс шахматиста входят и правила комбинирования шахматными фигурами, и правила (канонизированные и неканонизированные) оценки позиций и свертывания шахматной ситуации, «перевода» одних позиций в другие*.

Особый интерес представляет глубинная семантика шахматной доски. В первую очередь отметим семантику окрашивания полей в различные цвета, что способствует определению структуры позиции, значимости (сильное, слабое) полей, различению функций фигур (белый слон, черный слон), диагоналей (белая, черная) и др. Шахматной доске также присуща закономерность, открытая Н. Тарабукиным для живописных композиций, согласно которой ось диагонали из правого нижнего в левый верхний угол картины создает эффект пассивности, противоположная — из левого нижнего в правый верхний — активности и напряженности. [7]. Если рассмотреть на шахматной доске диагонали «a1 — h8» и «h1 — a8», то для опытного шахматиста первая диагональ может ассоциироваться с комбинационными активными началами «староиндийская защита» или «защита Грюнфельда», а вторая — с позиционным дебютом Рети и новоиндийской защитой**.

Уместно сказать и о том, что с ростом профессионализма у шахматистов может иметь место редуцирование зрительных образов, которые теряют свою четкость и конкретность при увеличении эффективности мыслительных процессов в связи с повышением активности бессознательного.

* Эта особенность шахмат используется с успехом в последнее время для исследования эвристической деятельности человека.

** Экспериментальное исследование этой закономерности представляет интерес для психологии шахматной игры, а также в аспекте психосемиотики.

Перейдем теперь непосредственно к рассмотрению шахматного языка. Отметим, что в парадигматической «наборной кассе» партнеров по игре имеется набор типовых позиций (канонизированных и неканонизированных), позволяющих при дефиците времени наметить план «перевода» определенной позиции в позицию более благоприятную.

Типовые позиции условно можно рассматривать в качестве терминалов (узлов, слотов), конкретные позиции — в качестве значений терминалов, а трансформационные правила — как правила идентификации конкретных позиций и «перевода» в типовые позиции (или наоборот).

Сила шахматиста зависит не только от имеющихся в его памяти типовых позиций (стереотипных ситуаций — фреймов) и трансформационных правил, позволяющих сводить сложные позиции к стереотипным, но и от того, системны ли для шахматиста шахматные фреймы, может ли он выявлять структуры в неизвестных для него позициях и использовать их для заполнения и переструктуризации фреймов или для создания новых.

По-видимому, шахматные фреймы двухкомпонентны: они состоят из темы и ремы, фиксируемых с помощью шахматной нотации (алгебраической и описательной), позволяющей записывать шахматные ходы и регистрировать ход шахматной партии.

Тема состоит из совокупности некоторых парадигматических узлов (смысловых вех), которые и можно рассматривать как модель шахматной партии. В свою очередь, ремами являются синтагматические цепочки, строящиеся во «внутренней речи» шахматиста.

Так как в шахматной игре нет конкретных действующих лиц, то речевые знаки, замещающие шахматные фигуры и поля доски в конкретной партии, совпадают с языковыми. Сочетание речевых знаков, а именно сокращенного названия какой-либо шахматной фигуры и некоторого поля шахматной доски, приводит к однозначной записи хода (высказыванию партнера).

Здесь, как и в случае создания библиограмм, ссылок и цитаций, запись хода однозначно обозначает деинотат (движение фигуры) с сохранением многозначности концепта (назначение хода, его смысл и т. д.). Это позволяет шахматистам в зависимости от их способности и знаний «черпать» различную информацию из одной и той же партии.

Мы полагаем, что шахматная нотация является определенным дейксисом, позволяющим реконструировать синтагматику по парадигматическим узлам, «перевести» языковые знаки в речевые, заполнить слоты фрейма квазисинтагматическим развертыванием фигур, существующих как принципиально парадигматические.

Анализ шахматных диаграмм (в опубликованных или существующих в рукописном виде шахматных партиях) служит подтверждением того, что шахматный язык имеет двухуровневую структуру: на нижнем уровне находятся языковые знаки (абстрактные фигуры и поля шахматной доски), а на верхнем — трансформационные правила и шахматные фреймы, актуализирующиеся в виде диаграмм.

Шахматный язык, цель которого состоит лишь в фиксации шахматных ходов и позиций, позволяет интеллекту быть безразличным к форме его знакового выражения и функционирования, чего нельзя сказать об естественных языках, библиографическом языке и языке волшебных сказок, где работа интеллекта определяется их возможностями.

Перейдем теперь к более подробному рассмотрению шахматной нотации. Система шахматных знаков определяется структурой шахматной доски: наличием 8 горизонталей и вертикалей, количеством фигур, способом их передвижения. Для обозначения хода используются 5 наименований-сокращений фигур, 8 латинских букв (от а до h), 9 цифр (от 0 до 8) и две комбинации цифры 0 в сочетании с дефисом (0-0 — короткая рокировка, 0-0-0 — длинная рокировка). Такое специфическое обозначение рокировки объясняется тем, что это единственные варианты хода, в котором участвуют одновременно две фигуры, действующие в данном случае по особым правилам. Обозначение этих правил заняло бы слишком много места.

Для представления последовательности ходов применяются обычные цифры. Не трудно заметить, что использование цифр полифункционально. Для обозначения фигур в каждом национальном языке используются первые заглавные буквы соответствующего наименования, например: К — «конь» в русском языке; K («König») — «король», S («Springer») — «конь» в немецком. Однако в последнее время в связи с бурным развитием многонациональной коммуникации получает развитие иконическое изображение фигур, которое используется

в международных специальных шахматных журналах и справочниках. В национальных шахматных изданиях такая форма записи соседствует с традиционной.

Пешки специального наименования не имеют: отсутствие символа при обозначении соответствующего поля означает, что сделан ход пешкой. Исключение составляет запись отложенной позиции или запись позиции задачи. В этом случае применяется обозначение «п» (ср. с нулевой морфемой в естественных языках).

Запись хода должна отражать передвижение фигуры с одного поля на другое. Для этого необходимо лишь указать поле, на которое переместилась фигура, с указанием самой фигуры, например Кр. е6 означает, что король перешел с предыдущей позиции на поле е6. Предыдущая позиция определяется по разыгрываемой партии. Такая форма записи широко применяется при фиксировании ходов на бланке и в шахматной литературе. Наряду с ней используется и первоначальная система полной записи, когда полностью указываются обе позиции, например Kg 1—f 3. В этом случае появляется еще один (разделительный) знак — тире. Полная запись несколько облегчает разыгрывание партии, чаще всего она применяется в монографических изданиях.

Но и при краткой записи иногда возникает необходимость в полной записи хода. Это имеет место в том случае, когда две одинаковые фигуры могут занять одно и то же поле и возникает возможность ложной интерпретации (как и в естественном языке).

Кроме рассмотренных знаков используется еще и пробел, который, как и в письменной речи на естественном языке, выполняет разделительную функцию: отделяет ход белых от хода черных. После очередного хода белых или черных точка не ставится (за исключением тех случаев, когда за ходом следует комментарий на естественном языке). После порядкового номера хода ставится точка*.

Таким образом, в принципе можно списком перечислить любые ходы любой фигурой с любого поля. Это будет список «отмеченных» ходов (ср. «отмеченные» предложения в естественном языке). Интересно отметить, что в шахматной композиции существует проблема отмеченности («легальности») позиции: для реше-

* Это соблюдается не во всех шахматных нотациях. Например, в немецкой шахматной литературе точка в указанном случае не используется.

ния задачи требуется доказать, что данная позиция возможна, и сделать из этого соответствующий вывод (так называемый «ретроградный анализ»).

Список отмеченных ходов может быть изменен только при изменении правил игры* (так, например, в шашках при переходе от 64-клеточной доски к 100-клеточной изменились некоторые правила, что привело и к изменению нотации). Изменения в правилах хода в «сказочной» шахматной композиции (серийные композиции или композиции, в которых правила изменены *ad hoc* — только для данной задачи) также приводят к изменениям в нотационной записи хода при описании решения задачи.

Среди знаков, используемых в шахматной нотации, можно выделить два вида: обязательные и факультативные. К обязательным относятся знаки, обозначающие последовательности ходов, наименование фигур и цифро-буквенное обозначение хода. Кроме того, систематически используются знаки, обозначающие взятие фигур (пешек) — «:», для взятия пешки (фигуры) другой пешкой, в сокращенной записи употребляется сочетание знаков рядом расположенных вертикалей, например «ав» (при полном варианте а2:в3). Шах обозначается «+», двойной шах — «++», мат «X»; при сдаче партии или ничьей эти действия оформляются на естественном языке: «ничья» (вариант «пат»), «белые (черные) сдались». В последнем случае появилась тенденция обозначать результаты игры цифрами: «1:0» — белые выиграли, «0:1» — черные выиграли. Строго говоря, только окончание игры по соглашению требует специального маркирования; во всех остальных случаях характер хода определяется позицией, т. е. устанавливается по контексту. Отметим, что все указанные выше символы используются систематически.

К факультативным знакам относятся знаки, комментирующие позицию или ход. Этот вид знаков получает в последнее время особое развитие (в таблице приводится список таких знаков). Первоначально употреблявшиеся знаки, назовем их исходными, заключены в скобки, что дает возможность проследить развитие комментирующих символов.

* О двух вариантах модернизации шахматной игры «круглый супрачесс» и «квадратный супрачесс» см.: [«64». 1991. № 14. С. 23].

Эти знаки сокращают объем комментариев к записи партии и облегчают их восприятие. Естественно, они не могут заменить подробных комментариев на естественном языке*. В них нередко вкрапляются отдельные ходы и варианты, что говорит о симбиозе естественного языка с шахматным. Однако если в тексте комментариев не приводятся конкретные ходы, то нотационное обозначение фигур не допускается. Например, не допускается фраза «Кр. черных не успевает в квадрат».

Отметим также, что вся нотационная запись может осуществляться как горизонтально, так и вертикально. Первый вид, естественно, более экономичен, второй — более нагляден.

Вышеизложенное позволяет нам сделать следующие выводы.

Шахматный язык, как и другие эволюционно развившиеся языки (библиографический, волшебных сказок, «детский» язык, язык геометрических изображений и др.), имеет двухуровневую структуру. На нижнем уровне находятся языковые знаки (абстрактные фигуры и поля шахматной доски) и социально унифицированные правила комбинирования шахматными фигурами. На верхнем — трансформационные правила и шахматные фреймы, актуализирующиеся в виде диаграмм.

Особенность шахматного языка по сравнению с эволюционно развившимися искусственными языками, основанными на естественном языке, заключается в том, что языковые знаки совпадают с речевыми.

Шахматный язык отличается также от других эволюционно развившихся искусственных языков специфической шахматной нотацией, которая способствует, с одной стороны, однозначному обозначению хода, а с другой — сохранению его многозначности (назначение хода, его смысл и т. д.).

Шахматный язык, цель которого состоит лишь в фиксации шахматных ходов и позиций, не ограничивает работу интеллекта, чего нельзя сказать об естественных языках, библиографическом языке и языке волшебных сказок, где работа интеллекта определяется их возможностями.

Необходимо также отметить, что шахматная нотация находится в постоянном развитии, для нее характерна

* Изучение различных информационных и стилистических характеристик этих комментариев — отдельная задача.

Факультативные знаки для шахматной нотации

Символы	Значения символов	Символы	Значения символов
$+$	у белых несколько лучше	$\triangle$	с идеей
$=$	у черных несколько лучше	$\square$	единственный ход
$(\pm)$	у белых лучше	$\bigcap$	лучше
$(\mp)$	у черных лучше	N	новинка
$(+ -)$	у белых решаю- щее преимущество	$\longleftrightarrow$	линия
$(-+)$	у черных решаю- щее преимущество	$\gg$	королевский фланг
$(=)$	равно	$\ll$	ферзевый фланг
$=$	компенсация за материал	$\times$	слабый пункт
∞	неясная позиция	$\perp$	эндшпиль
$\bigcirc$	преимущество в пространстве	!?	ход, заслуживающий внимания
$\rightarrow$	с атакой	RR	примечание редакции
$\uparrow$	с инициативой	$\bigcirc \bigcirc$	сдвоенные пешки
$\rightleftharpoons$	с контригрой	$\bigcirc \dots \bigcirc$	изолированные пешки
$(!)$	очень хороший ход	$\bigcirc$	связанные пешки
$(!!)$	отличный ход	$\bigcirc$	
$(?)$	слабый ход (ошибка)	R	разные ходы
$(??)$	грубая ошибка	$\perp$	с
$(?!)$	сомнительный ход	$\lrcorner$	без
		II	и т. д.
		—	смотри

тенденция к иконическому представлению шахматной информации.

Поскольку шахматной игрой увлекаются миллионы людей в мире, представляется целесообразным дальнейшее психосемиотическое исследование шахматного языка. Заслуживает внимания и комплексное исследование шахматной нотации, что будет иметь не только научное, но и практическое значение, так как издание шахматной литературы в мире неуклонно возрастает

Список литературы: 1. *Узилевский Г. Я.* О структуре естественных и структуре эволюционно развившихся искусственных языков // НТИ. Сер. 2. 1991. № 9. С. 1—7. 2. *Ревзин И. И.* К развитию аналогии между языком как знаковой системой и игрой в шахматы // Тез. докл. IV Летней школы по вторичным моделирующим системам. Тарту, 1970. С. 77—85. 3. *Соссюр Ф.* Труды по языкознанию. М., 1977. 4. *Carrol M. P.* A structuralist looks at chess // *Semiotica*, the Hague. 1980. Vol. 31, N 3—4. P. 273—287. 5. *Daniell K. J.* Chess and language // *Studia Neophilologica*. 1974. Vol. XLVI. P. 3—8. 6. *Сорокин Ю. А., Узилевский Г. Я.* Естественные и искусственные языки и фреймы: некоторые универсалии // Теория и практика формирования и использования информационных ресурсов. М., 1989. С. 199—211. 7. *Тарабукин Н.* Смысловое значение диагональных композиций в живописи // Учен. записки Тарт. ун-та. 1973. Вып. 308. С. 472—481.

Поступила в редколлегию 11.11.91

Ю. Н. ЖЕЛЕЗНЯКОВ

КОММУНИКАТИВНЫЙ СТАТУС ОЦЕНОЧНЫХ АНТРОПОЦЕНТРИЧЕСКИХ СЛОВСОЧЕТАНИЙ В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Общеизвестно, что процесс коммуникации имеет не только информативные, но и оценочные характеристики [1; 7; 8]. Как слово, так и словосочетание часто не столько называют предмет, сколько характеризуют его. Например: *horrible; naughty; fool; dull brown hair* (J. Galsworthy); *little smelly street girls* (S. Longstreet); *blue-nosed ambulance chaser* (J. Hudson).

Одним из наиболее распространенных способов реализации оценочных интенций коммуникантов в английском языке служит употребление атрибутивных словосочетаний типа «прилагательное+существительное». Среди последних преобладают словосочетания с антропоцентрической направленностью, которые дают бога-

тый материал для научных изысканий. Например: *sick snobs* (S. Longstreet); *horrible old bear* (R. Aldington); *semieducated peasant type* (R. Denise); *fierce bandit-hero* (Ch. Brontë).

Вопреки распространенному мнению о свободном творчестве коммуникантов, о якобы конструировании ими атрибутивных словосочетаний в момент общения, подавляющее большинство таких комплексов даны говорящим в готовом виде и детерминированы концептуально, социолингвистически, лексико-фразеологически. Например, следующие словосочетания известны практически каждому исконному носителю английского языка: *dear friend*, *strange person*, *eager beaver*, *unworthy man*, *brave soldier*, *big cat*, *hard little thing*.

Языкотворчество на фразеоматическом уровне фиксируется в диалогической речи персонажей литературных произведений. Как правило, окказиональные антропоцентрические словосочетания наряду с интеллективной оценкой несут в себе и значительный эмоциональный заряд. Например: *silly young ass* (W. Golding); *rotten old corpse* (I. Shaw).

Оценка, особенно преувеличенно низкая и высокая, достаточно широко представлена в диалогах. Человек оценивает своего партнера по коммуникации или лицо, о котором идет речь в разговоре, с помощью сравнительно небольшого набора лексических единиц (как компонентов атрибутивных комплексов). Это существительные широкой семантики: *man*, *chap*, *person*, *object*, зоосемизмы, личные имена; прилагательные, обозначающие цвет, а также *dear*, *pleasant*, *rotten*, *cheap* и некоторые другие. Количество компонентов, таким образом, вполне поддается исчислению.

На первый план, в свою очередь, выходит реализация оценочного потенциала атрибутивных комплексов, обусловленная приращением прагматических коннотаций к семантическим структурам слов (как компонентов комплексов «прилагательное+существительное»). Окказиональные словосочетания характеризуют человека с неожиданной для слушающего (читающего) стороны. Например: *large-eyed squirrel* (J. Osborn); *benevolent man-killer* (I. Shaw); *little sunny-faced girl* (Ch. Brontë).

Источником «появившихся» коннотаций с равной вероятностью могут быть экстралингвистические моменты (социальный статус коммуникантов, условия ком-

муникации и т. д.) и субъект коммуникации. Интересно отметить в связи с этим, что в атрибутивных оценочных словосочетаниях мы часто имеем дело не с двумя (или тремя) оценочными словами, а со словами, имеющими практически нулевой оценочный потенциал. Например: *small grass* (вечно суеющийся человек), *yellow tree* (унылый человек).

Правомерно, таким образом, утверждать, что существительные и прилагательные с определенной оценочной направленностью и без таковой дают не просто механическое сложение своих семантических структур в словосочетаниях, здесь возникает новое качество.

Перевод виртуального понятия в актуальное неоднократно привлекал внимание исследователей и квалифицировался как комбинированное приращение смысла [6], гиперсемантизация [4], обогащение слова смысловыми оттенками [5], семантико-стилистическая транспозиция слова [2], семантическое осложнение слова в контексте [3] и т. д. Анализ данной проблемы протекал, однако, большей частью на лексематическом уровне, фразеоматический уровень — сравнительно новое поле исследования.

Для объяснения лексической возможности употребления слов в структурах «прилагательное+существительное» будем основываться на концепции, согласно которой необходим учет коллигации, и прежде всего — коллокации [9]. Лексико-фразеологическое обоснование использования в разговорной речи атрибутивных словосочетаний открывает широкий простор для анализа антропоцентрических оценочных структур в плане взаимодействия сем компонентов таких структур. Предлагается выделить, в частности, следующие группы словосочетаний:

1. Словосочетания с солидарными семами компонентов, где положительная оценка присутствует в незначительном их количестве, причем она может быть определена, скорее, как отсутствие отрицательной, так как «плюсовой» момент не везде выражен в полной мере. Например: *good angel* (D. Robins), *spidery idiot* (J. Galsworthy), *impertinent ruffin* (J. Joyce).

2. Словосочетания, где семы вступают в своего рода конфликт или просто не поддерживают друг друга. Например: *successful cop* (J. Hudson), *horrid regular beauties* (J. Galsworthy).

3. Словосочетания с существительными широкой семантики и близко стоящими к ним существительными диффузной семантики. В обоих случаях оценочность сконцентрирована в прилагательном. Например: *foolish wife, brilliant girl, solitary thing, sinful creature*. Представляется правомерным в эту же группу отнести и словосочетания, выражающие различную глубину качества, степень его реализации, «законченности». Особенность этих словосочетаний в том, что качество концентрируется в существительном, а прилагательные усиливают это качество, придают ему элемент полноты. Например: *regular honey, pure fool, real rouser, pretty rouser*. Механизм семантического взаимодействия компонентов данных словосочетаний аналогичен механизму взаимоотношений компонентов словосочетаний с существительными широкой и диффузной семантики.

4. Словосочетания, в которых один компонент нейтральный, а другой оценочный (в большинстве случаев нейтральным является существительное). Например: *undutiful children, good citizens, young rascal*.

Необходимо отметить, что деление атрибутивных оценочных комплексов типа «прилагательное+существительное» на четыре группы проводилось без учета идиоматических словосочетаний в силу их особой природы. Анализ семантического взаимодействия составных частей идиом — предмет отдельного исследования.

Для нас в данном случае важно подчеркнуть, что реализация оценочного потенциала упомянутых атрибутивных комплексов сопровождается семантической «игрой» компонентов этих комплексов, результатом чего является достижение оптимального коммуникативного эффекта.

Список литературы: 1. *Авганова Н. А.* Синтаксические конструкции оценочной семантики (на материале английского языка): Дис. ... канд. филол. наук. М., 1975. 2. *Азнаурова Э. С.* Слово как объект лингвистической стилистики: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 1974. 3. *Банникова И. А.* Контекстные характеристики семантически осложненных слов в современном английском языке: Дис. ... канд. филол. наук. Л., 1973. 4. *Вейнрейх У.* О семантической структуре языка (языковые универсалии) // Новое в лингвистике. М., 1970. Вып. V. С. 163—249. 5. *Гальперин И. Р.* Глубина поэтического текста (на материале одного стихотворения А. Блока) // Теория языка. Ангlistика. Кельтология. М., 1976. С. 31—40. 6. *Ларин Б. А.* О разновидностях художественной речи (семантические этюды) // Эстетика слова и язык писателя: Избр. ст. Л., 1974. С. 54—101. 7. *Ретунская М. С.* Оценочный потенциал словосочетаний «прилагательное+существительное» // Семантико-синтаксическая

структура словосочетания и предложения: Межвуз. сб. науч. тр. Горький, 1988. С. 15—23. 8. Темкина В. Л. Содержательная сущность оценочности (на материале английской лексики): Дис. ... канд. филол. наук. Челябинск, 1984. 9. Тер-Минасова С. Г. Словоупотребление в научно-лингвистическом и дидактическом аспектах. М., 1981.

Поступила в редколлегию 14.11.91

В. В. КОЛБИНА

О МОДЕЛЯХ ИНТЕРПОЗИЦИИ ПРИДАТОЧНЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЙ В СОВРЕМЕННОМ НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКЕ

Большинство лингвистов считает интерпозицией любое срединное положение придаточной части предложения без учета структурных различий сложного предложения, т. е. без учета того, к чему именно придаточное предложение относится. Они рассматривают это как интерпозицию потому, что после вклинения придаточной части предложение продолжается или перед ней стоит часть предложения. В некоторых случаях такое определение ставится под сомнение, так как считается, что интерпозитивные придаточные предложения включаются между структурно обязательными (подлежащее — сказуемое, вспомогательный глагол — причастие) элементами предложения, реализуя функцию обстоятельственного распространителя всего предложения в целом и выражая дополнительное сообщение. Обязательным условием в таком случае является отсутствие синтаксических связей на границе включения [3]. Некоторые, например Максимов [4], исходят в своем определении интерпозиции из того, что интерпозиция придаточной части тесно связана с такими категориями, как вводность и присоединение. В отличие от вводно-модальных слов и вставочных предложений придаточные интерпозитивные части всегда соединяются с главным предложением по правилам, свойственным данному типу, и сохраняют свое категориальное значение. Поэтому значение вводности, которое может проявляться с различной силой, имеет обычно сопровождающий характер и прямо связано с категорией придаточной части. Ниже рассматриваются основные модели интерпозиции придаточных предложений и некоторые суще-

ственные количественные характеристики их реализации в речи.

Вклиниваясь в элементарное предложение, интерпозитивное придаточное предложение нарушает его линейную последовательность в том смысле, что некогда контактные его члены удаляются друг от друга на дистанцию, которая часто превышает длину* самого элементарного предложения, т. е. теперь уже суммы его частей.

Зависимое предложение может вклиниваться как в главное, так и в придаточное предложение, которому оно подчинено. Эти предложения, которые можно опустить, не нарушая грамматическую конструкцию (придаточные определительные, обстоятельственные ситуативные), вклиниваются нередко после первого члена придаточного предложения первой степени. Вклинение может быть столь глубоким, что зависимое предложение включается в придаточный комплекс непосредственно после союза, вводящего его. Как главное, так и придаточное предложения могут иметь несколько разрывов. Однако вклинение нескольких предложений в другое, особенно накопление следующих друг за другом «индикаторов» различных функций придаточного предложения (daß, wie, wenn и т. п.), затрудняет понимание, хотя и не противоречит грамматическим нормам [5].

Как показал анализ примеров из научно-технической и художественной литературы, наиболее часто (около 43 % в главном и 70 % в придаточном предложении) разрывается связь между подлежащим и сказуемым. Выбор контактного или дистантного построения группы подлежащее — сказуемое обусловлен актуальным членением предложения и его стилистическими особенностями. Для аналитико-синтетического немецкого языка характерной является норма контактного размещения подлежащего и сказуемого [3], поэтому при интерпозитивном введении придаточных предложений она оказывается разорванной наиболее часто. Причем эта связь столь прочная, что может выдержать несколько последовательных (до 4) или вклинивающихся друг в друга (до 3)** разрывателей.

Менее часто (23 % в главном и около 11 % в придаточном) разрыв происходит внутри аналитических форм.

* Исходим из метрической системы Адмони [1].

** Максимальное количество разрывателей в наших примерах.

сказуемого: модальный глагол — инфинитив, вспомогательный глагол — инфинитив (причастие, предикатив), глагол — отделяемая приставка. Это объясняется тем, что для немецкого языка характерна рамочная конструкция предложения, т. е. компоненты аналитической формы образуют рамку, не теряя при этом целостности и слитности. Именно это делает возможным построение рамочных структур большой протяженности, что используется не только в научном языке, синтаксис которого

Таблица 1

Частотность моделей интерпозиции

Модель разрыва	Удельный вес разрывов, %	
	HS _a —R—HS _b	NS _a —R—NS _b
S/P	43,4	70,3*
SP _a /P _b	23,5	10,9
SP/Adv	20,3	3,5
SP/O	7,6	7,4
Konj./NS _{ab}	—	6,6
Однор. чл.	5,0	0,9
Subst/Attr.	0,1	0,4

сам по себе сложен, но и в художественном [2]. Может разрываться также (см. табл. 1) связь между сказуемым и дополнением (обстоятельством), однородными членами предложения и даже, хотя и довольно редко, между несогласованным определением и определяемым словом, а также внутри инфинитивного оборота. Основные модели разрывов в главном (HS) и придаточном (NS) предложении: S/P, SP_a/P_b, SP/Adv, SP/O, Konj./NS_{ab}**.

Как показал анализ сложноподчиненных предложений с интерпозитивными придаточными, в большинстве

* Высокий процент разрывов придаточных предложений по данной модели объясняется тем, что сказуемое стоит в конце придаточного предложения, поэтому дистантное положение главных членов в таком предложении обусловлено еще и грамматически.

** Условные обозначения: S — подлежащее, P — сказуемое, O — дополнение, Adv — обстоятельство, Konj. — союз. Не приведены модели разрывов контактной связи между определением и определяемым словом, а также однородными членами предложения, поскольку эти модели занимают 2 последних места в таблице частотности.

случаев (72 % в главном и 65,9 % в придаточном) правая часть разорванного предложения, т. е. после вклинения интерпозитивного придаточного предложения, больше, чем левая. Иными словами, информационная цепь до разрыва меньше, чем после него. Объясняется

Таблица 2

Длина сложноподчиненного предложения до (а) и после (b) вклинения интерпозитивного придаточного предложения

Анализируемые части СПП	Удельный вес анализируемых частей, %	
	HS_a-R-HS_b	NS_a-R-NS_b
$a > b$	21,8	26,2
$b > a$	72,0	65,9

Таблица 3

Длина сложноподчиненного предложения до (а) и после (b) предложения в зависимости от модели разрыва

СПП	Анализируемые части	Модели разрывов, %					
		S/P	P_a/P_b	CP/Adv	SP/O	однор. чл.	$K_{onj./NS_{ab}}$
$HS_a-R--HS_b$	$a > b$	29,5	41	9,2	11,0	9,2	—
	$b > a$	48,9	16,8	24,2	6,1	3,9	0,2
$NS_a-R--NS_b$	$a > b$	75	16,7	1,7	1,7	5	—
	$b > a$	75,5	6,6	3,3	4	0,7	9,9

это, во-первых, объемом оперативной памяти человека. Объем оперативной памяти ограничен, а в процессе говорения человек удерживает в памяти все уже сказанное, строит новое предложение и согласовывает разорванные части. Поэтому количество предложений-разрывателей ограничивается одним-двумя, хотя встречаются примеры и с четырьмя разрывателями. Во-вторых, немецкое предложение представляет собой напряженное единство, внутри которого появляются промежуточные

напряжения [5]. Это особое психологическое напряжение, которое возникает из различной ситуации между говорящим и слушающим. Оно возникает в начале предложения, когда говорящий знает, о чем он будет говорить, а слушающий — нет. Разрешается это напряжение по ходу предложения и усиливается в его конце. Поэтому интерпозитивные придаточные предложения включаются ближе к началу предложения (см. табл. 2, 3), так как они сами, нарушая плановый ход разрешения напряжения, усиливают напряжение всего единства и нет необходимости усиливать его в конце. Пространство для его разрешения не может увеличиваться безгранично. Эта зависимость еще больше выражена в сложно-подчиненных предложениях с несколькими последовательными разрывателями.

Таковы основные модели интерпозиции придаточных предложений в главном или другом придаточном предложении и их некоторые существенные характеристики.

Список литературы: 1. Адмони В. Г. Размер предложения и словосочетания как явление синтаксического строя // *Вопр. языкознания*. 1966. № 4. С. 111—118. 2. Беданкова С. К. Позиция придаточного предложения как синтаксическая проблема (на материале временных придаточных в современном французском языке): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1980. 3. До контрастивного аналізу «розриву» мовного ланцюга (на матеріалі російської, української, англійської і німецької мов) / В. Б. Андропова, Л. О. Вороніна, Г. В. Ейгер та ін. // *Нариси з контрастивної лінгвістики*. К., 1979. С. 159—163. 4. Максимов Л. Ю. О порядке частей в сложноподчиненном предложении // *Рус. яз. в школе*. 1968. № 1. С. 94—102. 5. Boost K. Neue Untersuchungen zum Wesen und zur Struktur des deutschen Satzes: Der Satz als Spannungsfeld. Berlin, 1955.

Поступила в редколлегию 14.11.91

В. П. КРИВЕНКО, канд. филол. наук

К ВОПРОСУ О ПОЯВЛЕНИИ КАТЕГОРИИ СПОСОБА ДЕЙСТВИЯ В СОВРЕМЕННОМ НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКЕ

Вопрос о соотношении и разграничении времени реального и времени грамматического до сих пор не решен однозначно и остается одним из запутанных вопросов современного языкознания и германистики. Лингвисты дают различные характеристики грамматическим временам в современном немецком языке, к которым относятся временная, акциональная и вневременная.

Временная характеристика грамматических форм времени, которой придерживается большинство лингвистов, предполагает, что грамматическое время выражает время реальное. По нашему мнению, разногласия акциональной и временной трактовок грамматических форм времени не являются принципиальными, так как время и действие — это разные стороны одного логического понятия времени, они соотносятся как философские категории пространства и времени и являются диалектическим единством. Поэтому, чтобы свести воедино эти понятия, представляется целесообразным показать, как постепенно понятие вида и способа действия отделились от понятия времени и стали рассматриваться как самостоятельные грамматические категории. В этой статье также делается попытка объяснить, почему до сих пор некоторые германисты говорят о наличии видов в современном немецком языке и иногда отождествляют претерит с русским несовершенным видом, а перфект — с совершенным видом.

Следует сказать о том, что уже древние философы и грамматисты разграничивали время реальное и время грамматическое. Уже у Платона и Аристотеля находим три объективных ступени времени: настоящее, прошедшее и будущее. Однако при этом еще не проводилось четкого разделения между временными основами, а аорист и имперфект ассоциировались теснее, чем, например, презенс и имперфект. Ими еще не была понята сущность презентной основы, которая по своей природе выражала длительность, непонятным для них оставалось и ее отличие от аористной основы [9, с. 172]. И лишь когда древние стали систематически заниматься грамматикой, они столкнулись с вопросом, почему грамматических времен фактически оказалось больше, чем три логически мыслимых времени. Поэтому уже стоики различали такие времена, как презенс, перфект, имперфект и плюсквамперфект. Они также разработали систему грамматических времен, которая позже была усовершенствована Дисколом [10, с. 7]. В этой системе времена распределяются следующим образом: времена определенные и времена неопределенные. В свою очередь, времена определенные делятся на времена несовершенные (презенс, имперфект) и совершенные (перфект, плюсквамперфект). По этой классификации к временам неопределенным относятся футур и аорист. Если вспомнить определение аориста А. А. Потебни, ут-

верждавшего, что при употреблении аориста наша мысль скользит по прошедшему событию, не останавливаясь, то можно прийти к выводу, что аорист обозначает действие в чистом виде, какое-то изменение [3, с. 174]. А пока идет изменение, ничего определенного о времени сказать нельзя. Видимо, поэтому стойки и относили аорист к временам неопределенным, т. е. они ближе всех подошли к выделению видов.

С именами александрийских грамматистов связан дальнейший прогресс грамматической теории. По-прежнему остается неясным, как же воспринимался древними грамматистами аорист, однако находятся четкие следы того, что античные грамматисты распознали истинную природу аориста или, по крайней мере, как считает Г. Хербиг, его совершенный вид [9, с. 177]. Таким образом, древнегреческие грамматисты, предполагая, что время имеет еще какие-то другие характеристики, вплотную приблизились к выделению видов и способов действия, пытаясь вычленив оппозицию аорист-имперфект. Однако в полной мере им это сделать не удалось.

Древнеримские грамматисты всю греческую терминологию перевели на латинский язык, более или менее удачно подогнав ее под грамматический строй своего языка. Латинские грамматисты были менее склонны выделять понятие вида из времени. Однако же отдельные правильные наблюдения и догадки древних грамматистов были заменены неверными представлениями, и в общем античная теория не внесла никакой ясности [9, с. 178]. Эта неясность и неточность в объяснении темпоральной системы еще более усилилась и была, можно сказать, увековечена, когда европейские грамматиканы заимствовали из латинского языка весь грамматический понятийный аппарат вместе с терминологией. К успехам грамматической теории этого периода следует отнести попытки дать какую-то определенную трактовку латинскому плюсквамперфекту, которая впервые самым тесным образом была связана с понятием относительного времени. Появление понятия относительного времени привело к очень важным исследованиям по вопросу одновременности и предшествования двух действий [9, с. 179]. Постепенно внимание грамматистов начинает привлекать загадочная категория — аорист. Хотя сущность аориста по-прежнему остается неясной, его уже не рассматривают как прошедшее время, а

употребление аориста считают вневременным, потому что он мыслим как в прошедшем, так и в настоящем и будущем [8, с. 123]. В теории Харриса очень важной оказалась мысль о том, что действие можно разделить на три ступени — начало, середину и конец. Для уточнения значения форм глагольного времени Г. Шмидт вводит такие понятия, как «действие» и «состояние». Действие и состояние у Г. Шмидта — чисто акциональные характеристики, но они неотделимы от времени, а отношение между действием и состоянием является для него возможностью определить сущность глагольного времени [11, с. 6]. Тем самым Г. Шмидт наиболее близко подошел к понятию глагольного времени, не выделяя при этом вид в самостоятельную категорию. Последний шаг в этом направлении сделал Г. Курциус, который выделил две группы временных понятий — «временная отнесенность» и «вид времени». По определению Г. Курциуса, «временная отнесенность» — это значение настоящего, прошедшего и будущего. Для него это субъективная категория, так как говорящий сам по своему усмотрению помещает действие на ту или иную временную ступень. Понятие «вид времени» объективно, потому что оно не зависит от воли говорящего. Оно обозначает характеристику действия (начинаемость, длительность, завершенность) [5, с. 179]. Понятия временной соотнесенности и вида времени для самого Г. Курциуса были понятиями временными. Но в связи с тем, что раскрывая понятие «вид времени», он говорит не о времени, а о том, как протекает действие, эта категория впоследствии была истолкована не как вид времени, а как вид действия, разграничение же времен на временную отнесенность и вид времени — как разграничение глагольного времени и вида [1, с. 426]. После того как в славянских языках были выделены виды, эта новая категория начала активно переноситься в другие языки, в том числе в романские и германские. Причем она стала отождествляться со славянской оппозицией «совершенный/несовершенный вид» [10, с. 7]. Исследовав механизм образования видов в славянских языках, В. Штрейтберг начинает говорить о глагольных видах в германских языках и отождествлять их со славянскими видами. Еще более запутанным становится вопрос о глагольных видах после 1908 г., когда С. Агрелль предложил выделять в польском языке грамматические категории совершенности и несовершенности,

которые он называет словом «аспект», а все остальные видовые значения западнославянских глаголов предложил считать лексическими характеристиками двух основных видов — совершенного и несовершенного. Эти лексические характеристики он предложил называть термином «способ действия», который раньше служил для обозначения вида [4, с. 78]. Таким образом, вид (аспект) оказался грамматической категорией, а способ действия — лексической. Сторонники В. Штрейтберга согласились считать «перфективный и имперфективный способ действия» категорией лексической. Им даже не пришлось менять терминологию. Кроме терминологии, осталась неизменной и сущность определений «имперфективный и перфективный способ действия», и она почти ничем не отличается от определения категории вида в академической грамматике русского языка [2, с. 424]. При сравнении определения категории способа действия в немецком языке [7, с. 501] и определения вида в русском языке видно, что они почти идентичны, хотя это и не одно и то же. Подобная идентичность определений является источником того, что по-прежнему появляются работы, в которых отождествляются виды в русском языке и способы действия в немецком. Однако термины перфективность/имперфективность в русском и немецком языках соответствуют двум разным понятиям. В русском языке эти термины являются интернациональными обозначениями совершенности/несовершенности, а в немецком языке соответствуют значению предельности/непредельности глаголов и ничего не говорят о действительной завершенности действия [6, с. 65]. И все же вопрос о соотношении видов и способов действия в русском и немецком языках нельзя считать окончательно решенным и закрытым, так как в некоторых последних работах убедительно доказывается, что способ действия в немецком языке — категория грамматическая.

Список литературы: 1. Виноградов В. В. Русский язык (грамматическое учение о слове). М., 1972. 2. Грамматика русского языка / Редколлегия: В. В. Виноградов, Е. С. Истрина, С. Г. Бархударов. М., 1960. Т. 1: Фонетика и морфология. 3. Потебня А. А. Из записок по русской грамматике. М., 1977. Т. 4. Вып. 2: Глагол. 4. Agrell S. Aspektänderung beim polnischen Zeitwort. Lund, 1908. 5. Curtius G. Erläuterungen zu meiner griechischen Schulgrammatik. Prag, 1870. 6. Duden: Grammatik der deutschen Gegenwartssprache, 3. Aufl., Bd. 4. Mannheim; Wien; Zürich, 1973. 7. Grundzüge einer deutschen Grammatik. Berlin, 1981. 8. Harris J. Hermes of Philo-

sophical Inquiry Concerning Universal Grammar. L., 1746. 9. Herbig G. Aktionsart und Zeitstufe // Indogermanische Forschungen. 1896. Bd. 6. Hf. 3—4 S. 157—269. 10. Holt T. Etudes d'aspect. Kbenhavn, 1943. 11. Schmidt H. Doctrinae temporum verbi graeci et latini expositio historica // Halis Saxonum, MDCCCXXXVI—MDCCCXLII.

Поступила в редколлегию 11.11.91

А. П. МАРТЫНЮК, канд. филол. наук, С. А. БАШКИРЕВА

СИНТАКСИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ПОЛОВОЙ ДИФФЕРЕНЦИАЦИИ РЕЧИ В СОВРЕМЕННОМ АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

В зарубежной лингвистической литературе, посвященной синтаксическому анализу речи, довольно широко распространено мнение о том, что синтаксическое построение речи мужчин и женщин имеет существенные различия. По утверждению Есперсена, «при сравнении длины периодов (предложений) мужчин и женщин у первых отмечается большее количество сложноструктурных предложений, когда одно придаточное разрывает другое, дополнительное предложение находится в середине условного и наоборот, с подчинением и соподчинением, в то время как типичным способом образования периодов у женщин служит сочинение, когда одно предложение соединяется с другим на одном уровне, а связь между соответствующими идеями обозначается не грамматически, а эмоционально, ударением или интонацией, а на письме подчеркиванием. Используя лингвистическую терминологию, можно сказать, что мужчины предпочитают гипотаксис, а женщины паратаксис» [2, с. 25].

С целью проверки подобных гипотез мы провели анализ высказываний сложной структуры (с учетом как их частотности, так и качественных характеристик) в разговорной речи представителей двух полов. Конкретным языковым материалом для исследования послужили записи диалогической речи, представленные в "Listen to this" (Mary Underwood, 1971), "Varieties of Spoken English" (Leslie Diskinson, 1974).

На основании полученных данных (см. табл. 1) можно прийти к выводу, что представители обоих полов используют сочинительную связь гораздо реже, чем подчинительную, что, вероятно, объясняется существова-

нием естественной внутренней потребности к проведению аргументации, сопоставления, сравнения, альтернативы в организации речи.

Показательно, что женщины менее красноречивы, чем мужчины. Следует также отметить, что, если собеседник прерывает свое высказывание, женщины обычно

Таблица 1

Вид связи предикаций	Количество связанных предикаций			
	мужчины		женщины	
	число	%	число	%
Всего	2127	100	1420	100
Сочинение	903	42	663	47
Подчинение	1224	58	757	53

завершают его логически, не внося при этом оттенка агрессивности, стремления высказать свое отношение к вопросу во что бы то ни стало, что часто свойственно мужчинам. Возвращаясь к гипотезе Есперсена, нельзя не подвергнуть сомнению его сравнение мужского сложного предложения с китайскими ящиками, каждый из которых находится внутри другого или вмещает его, а женское сложное предложение с ниткой жемчуга, где одна жемчужина следует за другой, как составные части сложносочиненного предложения, соединенные союзом and [2, с. 26].

Проследив динамику использования союзных средств (наиболее часто употребляемых союзов and, but, or), а также бессоюзного типа связи, мы пришли к выводу, что как качественная, так и количественная разница в использовании сочинительных союзных средств мужчинами и женщинами практически отсутствует (см. табл. 2).

Таблица 2

Типы союзных средств	Количество употребленных союзных средств	
	мужчины	женщины
Союзы		
and	175	150
but	75	50
or	12	8
Бессоюзный	190	175

Не менее интересна динамика использования мужчинами и женщинами придаточных предложений, отраженная в табл. 3.

Таблица 3

Типы придаточных предложений	Количество употребленных предложений	
	мужчины	женщины
Вводные	150	100
Подлежащие	9	8
Предикативные	30	8
Дополнительные	130	105
Определительные	120	50
Причины	40	30
Следствия	20	15
Условия	40	45
Сравнительные	5	3
Образа действия	10	8
Места	5	15
Времени	30	35
Уступки	20	15

На основании этих данных можно заключить, что в количественном отношении женщины в целом используют меньше придаточных предложений, чем мужчины. Исключение составляют лишь условные, места и времени, где доминирует женский показатель.

Значительный интерес представляет проблема продолжительности периодов в высказываниях мужчин и женщин (т. е. количество предикаций, связанных сочинительной или подчинительной связью).

Максимальная продолжительность периода как у мужчин, так и у женщин колеблется в одинаковых пределах и зависит прежде всего от компетентности говорящего в обсуждаемой проблеме, его образования, некоторых психологических факторов и фактора адресата. Очевидно, что пол говорящего не является мерилom возможного количества связанных предложений.

Таким образом можно заключить, что в процессе исторического развития грамматические особенности женской речи сглаживались по мере ликвидации социального неравенства женщин и выхода их на арену общественной и политической борьбы. Думается, что в какой-то мере с этим можно связать тенденцию синтаксического выравнивания мужской и женской речи.

Список литературы: 1. Coates J. Women, men and language. A sociolinguistic account of sex differences in language. London; New York; Longman, 1984. 2. Key Mary Ritchie. Male/Female. Language, Scarecrow Press, Metuchen, 1975. 3. Max K. Adler. Sex differences in human speech. A sociolinguistic study. Helmut Buske Verlag. Hamburg, 1984. 4. Meillet A. Etudes de la linguistique générale // Meillet A. Linguistique historique et linguistique générale. II ed. P. 1926. 5. Швейцер А. Д. Языковая ситуация в США // Социальная лингвистика и общественная практика: Аспекты социокультурного варьирования полиэтнического английского языка. К., 1988.

Поступила в редколлегию 11.11.91

Е. И. МОРОЗОВА, канд. филол. наук

ФРАГМЕНТ КОНЦЕПТУАЛЬНОГО АНАЛИЗА СЛОВА «ЛГАТЬ»

Язык, как известно, является не только средством коммуникации, но и источником значительной части сведений о культуре и познавательных процессах, доступ к которым открывается «изнутри», рефлексивно. Анализ метаязыка культуры и, прежде всего, ее ключевых терминов, таких, как «истина» и «ложь», «добро» и «зло», «творчество», «долг», «закон» и т. п., может проводиться в различных лингвистических плоскостях, так как «частный» язык данных понятий располагает характерным для него синтаксисом, своим — ограниченным и устойчивым — лексиконом, основанным на образах и аналогиях, своей фразеологией, риторикой и шаблонами, своей областью референции*.

Ключ к когнитивно-семантической модели такого важного мировоззренческого понятия, как ложь, может дать, в частности, анализ соответствующего глагола в многообразии семантических переходов на материале широкого круга языков. Метод «лингвистической палеонтологии»** позволяет реконструировать общую картину концептуализации исследуемого понятия в европейской культуре.

В настоящей статье делается попытка сопоставить выделенные таким методом когнитивные основания лжи с толкованиями данного понятия в пословицах и поговорках, а также во фразеологизованных и метафорических номинациях английского и русского языков.

* Логический анализ языка: Культурные концепты. М., 1991. С. 3.

** Маковский М. М. Удивительный мир слов и значений: Иллюзии и парадоксы в лексике и семантике. М., 1989. С. 32.

Глагол «лгать» определяется в словаре С. И. Ожегова как «говорить ложь», а «ложь», соответственно, как «намеренное искажение истины». Искажение как ментально-речевой процесс переходит из абстрактной сферы в конкретно-физическую в случае, скажем, искажения лица или изображения и сближается с глаголом «гнуть», который можно определить как его когнитивное основание.

Связь в цепочке «лгать» — «гнуть» можно проследить в ряде слов, происходящих от индоевропейских корней **mei*-и **ak*-: **mei*-—«гнуть, связывать»: *a. moor*—«пришвартовывать корабль», *дс. meiss*—«корзина», *да. mand*—«корзина» (букв. «плетеная»), *динд. mithu*—«лживый» (-«гнутой»), *гот. maidjan*—«обманывать».

На данном когнитивном основании построены переносы значения следующих метафорических единиц: *to bend the truth*—искажать истину, *on the bend*—нечестным путем, *scooked*—нечестный, мошеннический, *double cross*—надувательство и др. **ak*-—«гнуть» > «связывать»: *динд. акпа*—«согнутый», *лит. áklas, латыш. aklas*—«слепой» (спрятанный, закрытый, темный), *лат. asía*—«нитка», *гр. ακεω*—«немой, молчащий».

В этом ряду эксплицируется еще одно важное когнитивное основание лжи—сокрытие, умолчание, утаивание истины. Правда в европейской культуре ассоциируется со светом, белизной, а ложь—с тьмой, чернотой. На этом когнитивном основании базируются многочисленные метафорические и фразеологизованные номинации: *Truth is the spark that shines in the dark*; *What is done by night appears by day*; *You cannot hide an eel in a sack* (*рус.* Шила в мешке не утаишь); *Truht filters through stone*; *A clean hand wants no washing*; *He who conceals his hatred has lying lips* (*Prov. 10: 18*) (Кто скрывает ненависть, у того уста лживые (*Пс. 10: 18*)); *to throw dust in smb's eyes*—втирать очки; *whited sepulchre*—«гроб поваленный», лицемер; *two blacks do not make a white*—Из лжи правды не вырастить.

Значение индоевропейского корня **ten*- («идти») непосредственно примыкает к значению «гнуть» (буквально «сгибать ноги»), что подтверждается рассмотрением следующих слов: *лат. mannus*—«конь» (<«бегающий, гнувший ноги»), *двн. mein*—«лживый, обманчивый»; *лат. mendax, mentior*—«обманывать», *mendo*—«вина» (-«то, что согнуто»).

Значение «идти, ехать» позволяет выделить следующее когнитивное основание — «(быстро) двигаться», на котором базируются, в частности, следующие пословицы и поговорки, метафорические выражения: *Lies have short legs; Give a lie a twenty-four hours' start, and you can never overtake it; Long ways, long lies; to pass off for* — сойти за что-либо, *to pull a fast one.* — амер. обманывать, надувать; *to play fast and loose* — нарушать обязательства, обманывать кого-либо; *to lead smb. up the garden* — вводить кого-либо в заблуждение; *to hunt the wrong hare* — пойти по ложному следу; *to run with the hare and hunt with the hounds* — служить и нашим и вашим, вести двойную игру; *on the wrong track* — на ложном пути; ср. рус.: обойти, обвести, объехать.

Когнитивное основание лжи «движение» проявляется также в словах индоевропейского корня **kel-*: динд. *kālayati*; гр. *κεχω* — «гнать», лат. *celer* — «быстрый», гр. (аттич.) *κλέω* — «околдовывать», лат. *calvio* — «обманывать», дирл. *celim*, двн. *helan* — «прятать». Наряду с этим находим и такие слова этого корня, как лат. *caleo* — «гореть», кимр. *clyd* — «теплый», дсак. *halóian* — «гореть», что дает нам основания выделить еще один когнитивный параметр — «гореть», который тесно связан со смежным понятием «кипеть, вариться». Проследим данную цепочку семантических сдвигов на следующем ряде примеров: лит. *vertėti* — «крутить(ся)», друс. *вьрю* — «кипеть», рус. *варить*, лит. *virti, vėrdu* — «бурлить, кипеть», арм. *varem* — «зажигаю», *varim* — «горю», латыш. *virt* — «кипеть», рус. *врать*, ср. рус. диал. *верать* — «прятать», динд. *apivrnóti* — «покрывает, прячет», рус. *вор*. Это когнитивное основание проявляется в следующих метафорических номинациях: рус. *сострять*, *отливать/лить пули*, *жареные факты*; англ. *to burn* — «обманывать», *to concoct* — «сострять» (от *to cook* — «готовить»), а *hot* (сл.) — «ложь», *to forge* — «подделывать» (от *to forge* — «ковать»), *hot air* — амер. «болтовня, хвастовство, пустые слова».

Когнитивная цепочка «лгать» — «двигаться» — «гореть» приобретает еще одно звено — «резать, бить» — в следующих примерах: да, *lidian* — «резать», дирл. *luid* — «пошел», нд. *lottern* — «идти, бродить», ср. н. *lodern* — «пылать» (об огне), норв. *lue* — «гореть», рус. диал. *луда* — «ослепительный свет», *лудить* — «обманывать», гот. *liuta* — «обманщик», *liutai* — «обман», *lutōn* —

«обманывать», *да.* lot — «обман», *дс.* lyta — «вредить, лишать чести».

На когнитивном основании «бить, резать» возникают следующие устойчивые выражения: *to break one's faith* — «нарушить слово», *sharp practice* — «бесчестное поведение, мошенничество».

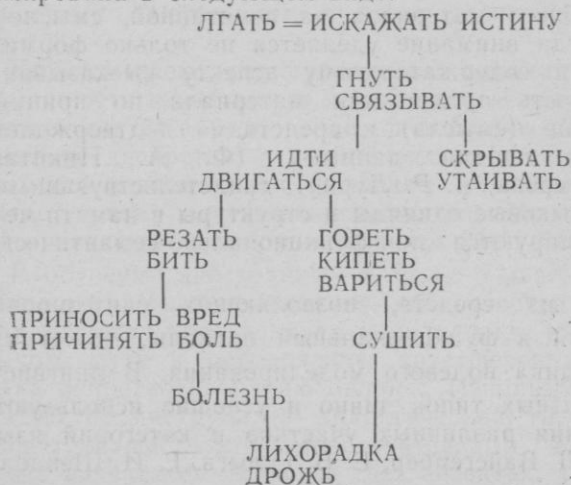
Значение «бить, резать» тесно смыкается со значением «причинять вред, боль», которое естественным образом предполагает «болезнь», нередко сопровождающуюся «дрожью, лихорадкой». Связь этих значений прослеживается в следующих рядах:

1) *лат.* doló — «рубить», *doleó* — «испытываю боль, страдаю», *dolus* — «хитрость, обман»;

2) *да.* drýge — «сухой», *dréahnian* — «сушить», *лит.* drugys, *латыш.* drudzis — «лихорадка», *пол.* drzeć — «дрожать», *рус.* дрожать, *ав.* družaiti — «лжет, обманывает», *драога* — «обман», *динд.* drúhyati — «вредит», *хет.* dwarnahhun — «я сломал».

Очевидно, что значение «дрожь, лихорадка» связаны с понятием «ложь» не только через цепочку «болезнь» — «боль, вред» — «резать, бить», но и через цепочку «сушить» — «гореть, кипеть, вариться».

Вышеописанная схема семантических переходов, узловые пункты которой, как было показано, являются когнитивными основаниями в образовании метафорических и фразеологизованных номинаций лжи в современном английском и русском языках, может быть суммирована в следующем виде:

Поступила в редколлегию 11.11.91

О НЕКОТОРЫХ ЛИНГВОДИДАКТИЧЕСКИХ АСПЕКТАХ
ПОЛЕВОЙ МОДЕЛИ

В течение десятилетий в преподавании иностранных языков главенствовал структурный подход, целью которого являлось овладение языком прежде всего как системой. На его формирование большое влияние оказала структурная лингвистика, начиная с работ Ф. де Соссюра, Ч. Фриза и Р. Ладо. Не отрицая таких преимуществ структурной грамматики, как точность и адекватность описаний, строгость категорий, нельзя не отметить, что использование этой концепции как основы различных методов обучения предполагает формирование «лингвистической компетенции» (Н. Хомский), в то время как для владения языком как средством общения целью должно быть формирование также и компетенции «коммуникативной» (Д. Хаймз), предполагающей не только владение совокупностью языковых навыков, но и умение соотносить эти навыки с задачами и условиями общения.

Для коммуникативно ориентированного обучения характерны функциональный подход к изучению языка, который, помимо усвоения системных свойств, предполагает также учет правил и закономерностей функционирования различных языковых средств, участвующих в передаче содержания высказывания, и организация учебного материала на понятийной, смысловой основе, когда внимание уделяется не только формальному, но и содержательному аспекту высказывания. Правомерность презентации материала по принципу «от функции (смысла) к средствам» подтверждается экспериментальными данными (Ф. А. Никитина, Н. П. Бехтерева, А. Р. Лурия), свидетельствующими о том, что языковые единицы и структуры в памяти человека группируются по функционально-семантическим принципам.

Одним из средств, позволяющих синтезировать структурный и функциональный подходы, может служить методика полевого моделирования. В лингвистике поля разных типов давно и успешно используются для описания различных участков и категорий языка (И. Трир, Л. Вайсгербер, Е. В. Гулыга, Е. И. Шендельс,

Г. С. Щур, А. В. Бондарко и др.), но их дидактический потенциал явно недооценивается.

Языковое поле представляет собой системно-функциональную [2, с. 34] модель организации языковых средств, интегрирующим стержнем которой служит определенный инвариантный семантический признак. Модель эта является экспериментально-теоретической, ибо основывается на обработке большого эмпирического материала, получаемого в процессе речевой деятельности. Полевая модель обладает большой объяснительной силой, ибо позволяет предложить обучаемым общую схему, охватывающую всю совокупность разнородных средств выражения некоторого понятийного содержания, причем объектами усвоения выступают не отдельные факты и правила изучаемого языка, а специфические закономерности строя языка, проявляющиеся в его функционировании. Такое системно-обобщенное представление материала дает возможность выработать единый подход к обучению различным аспектам языка [1, с. 23].

Языковое поле имеет сложную иерархическую структуру, отражающую качественную и количественную стратификацию его конститuentов. Анализ плана выражения поля позволяет проследить распределение функциональной нагрузки между его элементами, обратить внимание обучаемых на наиболее специализированные средства выражения данного значения, сужение инвариантного признака в направлении «ядро — периферия», специфику сочетаемости и взаимодействия компонентов.

Как комплекс разнородных единиц поле дает возможность изучать грамматические, лексические, синтаксические и, в ряде полей, фонологические средства языка не дискретно, а в их взаимодействии, что соответствует естественным условиям речевого общения, создает основу для формирования способности к быстрой ориентации в выборе синонимов [1, с. 126].

В обучении иностранным языкам большую роль играют контрастивные описания, ибо сопоставление — основа сознательного подхода к овладению иностранным языком, путь к преодолению интерференции родного языка и прогнозированию ошибок. Использование поля в качестве инструмента дидактической типологии позволяет осуществлять сопоставительный анализ родного и изучаемого языков в трех аспектах: 1) содержа-

ние, 2) выражение, 3) функционирование [2, с. 28], на практическом уровне определять их соизмеримые и несоизмеримые элементы, национально-языковую специфику как в плане содержания, так и плане выражения сравниваемых категорий.

В общих чертах возможности педагогической эксплуатации полевой методики рассматривались М. М. Гохлернером и Г. В. Ейгером [1], Е. В. Тарасовой и Л. Н. Черноватым [3], и ее дальнейшее уточнение и экспериментальное подтверждение, вероятно, могут оказаться весьма полезными для создания когнитивно и коммуникативно ориентированной модели преподавания иностранных языков.

Семантические признаки, лежащие в основе многих полей, часто граничат с универсалиями, т. е. с понятиями общечеловеческими, отражающими единство восприятия внеязыковой действительности. К числу важнейших из таких межъязыковых универсально-константных значений относится понятие времени, которое находит отражение во всех естественных языках, но проявляется в них по-разному, в зависимости от национально-культурных особенностей концептуализации объективного времени носителями языка, с одной стороны, и структурного типа языка — с другой [2, с. 41].

Видо-временная система английского языка всегда представляла значительные трудности для усвоения в русскоязычной аудитории, что, несомненно, связано с определенными различиями в специфике восприятия времени национальным и языковым сознанием носителей данных языков. С чем связано, что одной форме прошедшего времени в русском языке противостоят шесть в английском? Несут ли они одинаковую функциональную нагрузку в речи? Как выражается в английском языке категория временной соотнесенности, отсутствующая в русском? Какой вклад в выражение временных понятий вносят различные части речи? Чем определяются закономерности сочетаемости и варьирования средств разных уровней, каков их удельный вес в передаче временного содержания? В чем принципиальные различия в передаче аналогичных временных ситуаций средствами английского и русского языков? Какие фрагменты английской временной системы окажутся наиболее сложными для усвоения русскоязычными учащимися? На каких участках наиболее вероятна интерференция родного языка?

Ответить на эти и многие другие возникающие в процессе преподавания вопросы представляется возможным, если в качестве основной стратегии при обучении системе языкового времени использовать полевую модель темпоральности с ее четкой структурной организацией, отражающей не только своеобразие входящих в нее компонентов, но и идиознание особенности преломления временной структуры действительности носителями английского и русского языков.

Список литературы: 1. Гохлернер М. М., Ейгер Г. В. Системность языковых форм и значений и проблема переноса навыков и умений при обучении второму языку // Психоллингвистика и обучение иностранцев русскому языку. М., 1972. С. 122—130. 2. Тарасова Е. В. Языковое поле как единица дидактической типологии. К., 1991. 3. Тарасова Е. В., Черноватый Л. Н. О дидактических аспектах теории языкового поля // Вестн. Харьк. ун-та. 1992. № 367: Структурно-семантическое и прагматическое описание романских и германских языков в дидактических целях. С. 13—20.

Поступила в редколлегию 11.11.91

Т. А. НЕНАШЕВА

ЛИНГВИСТИЧЕСКОЕ СОДЕРЖАНИЕ АМЕРИКАНСКИХ ПРОЗВИЩНЫХ АНТРОПОНИМОВ И ИХ ФУНКЦИОНАЛЬНЫЕ ПОТЕНЦИИ

Прозвища являются подклассом антропонимов, почти не изученным современной лингвистикой, хотя еще Г. Менкен [4] отмечал, что они могут составить великолепный объект исследования. В отечественной ономастике пока не существует даже обобщения фактического материала и его классификации, отсутствуют словари прозвищ. Американские прозвища, рассматриваемые в настоящей работе, лишь частично анализировались советскими исследователями в составе американских реалий [1; 2].

В зарубежной лингвистике серьезное изучение прозвищ, по свидетельству Т. Холланда, также находится на начальной стадии [3, с. 268]. Не определены критерии прозвищной номинации, не изучена семантическая структура. Внимание исследователей прозвищ в американской лингвистике привлекает прежде всего их социальная роль прозвищ [3; 5]. В настоящей работе анализируется связь между функциями американских

прозвищных антропонимов и лексическим значением их антрополексем.

Сложность изучения прозвищ во многом обусловлена «двойным своеобразием» их семантики: отличием семантики собственных имен от нарицательных и своеобразием семантической структуры прозвищ внутри класса собственных имен. С одной стороны, прозвища представляют собой номинативные единицы, основной функцией которых является референция, отнесенность к конкретному объекту (а не выражение понятия, как у нарицательных имен). С другой стороны, прозвища — единицы вторичной номинации, обладающие характеризующим значением, которое возникает в связи с их живой внутренней формой.

Объектом анализа послужили публичные прозвища, принадлежащие широко известным лицам. Эти прозвища в американском варианте английского языка составляют довольно многочисленную группу, что объясняется особым пристрастием американцев к прозвищам, которое отмечали многие исследователи [2; 3]. Функционирование публичных прозвищных имен в речи основано на экстралингвистической информации, составляющей языковую компетенцию носителей языка.

По характеру информации, содержащейся в публичных прозвищах, они могут быть разделены на следующие группы 1) прозвища, в основу которых положены личные качества лица (его физические характеристики, привычки, происхождение и т. п.) — Old Honest Abe, Bull Moose, Duke; 2) прозвища с аллюзиями, намеками на отдельные факты биографии, случаи, получившие в обществе широкую известность, — Trickie Dickie, Sunset Sox; 3) прозвища, отражающие стереотипное представление о популярном лице в данном социуме, — The Great Emancipator, The American Foremost Architect.

Антропонимы первой группы наиболее близки по своей коммуникативной роли к личным именам и часто полностью вытесняют их в неформальном общении: Duke — прозвище американского джазового музыканта Э. Эллингтона, Babe — прозвище популярного спортсмена Рута. Такого типа прозвища, как правило, отражают личностные качества эпонима, нерелевантные в социальном отношении, носящие узко-личностную направленность. Лингвистическое содержание антрополексем практически не оказывает влияния на коммуника-

цию. Существенным является не лексическое значение составляющих прозвище нарицательных лексем, а фамильярный оттенок прозвища, приобретаемый в результате использования слов, характеризующих личные качества лица. Как справедливо замечает Дж. Скиппер, "Nicknames indicate intimacy" [5, с. 136]. Употребление прозвища как бы позволяет коммуникантам встать на одну ступеньку с кумиром, считать его в какой-то степени равным себе. Хотя характеристика присутствует в подобных прозвищах изначально, но в общении она часто нейтрализуется. Главными функциями таких имен являются идентифицирующая и социальная.

Вторая группа антропонимов включает прозвища, полученные популярными актерами, спортсменами, президентами в результате каких-либо приобретших широкую огласку инцидентов, фактов биографии. Употребление прозвищ основано на апелляции к фоновым знаниям носителей языка: *Trickie Dickie* — прозвище Р. Никсона, полученное им после скандала «Уотергейта»; *Old Sink or Swim* — прозвище президента Дж. Адамса, аллюзия на его знаменитую фразу, известную всем американцам: "Sink or swim, survive or perish, I am with my country from this day on".

Главной функцией данных прозвищ является аллюзивная. Более полное лексическое наполнение аллюзивных прозвищ, хотя и не выраженное эксплицитно, несколько ограничивает рамки их употребления по сравнению с прозвищами первой группы.

Существует также большая группа прозвищ, которые логичнее было бы назвать «почетными титулами». Они даются лицам, вклад которых в определенную сферу деятельности особенно значителен. Чаще всего они включают антрополоксемы типа *Father*, *Mother*, *King*, отмечая тем самым приоритетную роль эпонима в какой-либо области деятельности: *The Father of the Declaration of Independence* — президент Т. Джефферсон; *The Father of the Helicopter* — авиаконструктор И. Сикорский; *The Mother of the Red Cross* — основательница американского Красного Креста К. Бартон; *The Film Queen* — киноактриса К. Хэпберн.

К этой же группе относятся прозвища-автономасии с определением *American*: *The American Kipling* — Джек Лондон; *The American Renoir* — Вальдо Пирс; *The American Socrates* — Бенджамин Франклин.

Часто характеризующие прозвища даже не содержат метафоры: *The American Foremost Architect* — Стэнфорд Уайт.

Данные прозвищные антропонимы носят энциклопедический характер и являются концентрированным выражением стереотипов восприятия известного лица членами общества, заключая в себе характеристику качества лица, релевантного для всего общества. В речи они выполняют кумулятивную функцию, позволяя избежать пересказа общеизвестных фактов. Если же имеется в виду историческое лицо какого-либо прошлого периода, то такие прозвища активизируют фоновые знания носителей языка с помощью краткого напоминания об определенном качестве именуемого объекта.

Устойчивое лексическое содержание ограничивает сферу употребления прозвищ этой группы определенными контекстами. Следствием является возникновение у популярных лиц нескольких прозвищ с индивидуальными сферами употребления: американский государственный деятель Самюэль Адамс — *The Last of the Puritans, The Father of America*; президент Бенджамин Франклин — *The American Socrates, The Liberator of the New World*.

Условием успешного функционирования прозвищ всех трех групп является наличие референтной соотнесенности, что является отличительной чертой семантики всех собственных имен. При этом для успешной коммуникации при употреблении прозвищ первой группы референтная отнесенность является минимальным достаточным условием, так как лексическое значение составляющих в общении обычно нейтрализуется. Аллюзивные прозвищные антропонимы требуют осведомленности о фактах экстралингвистической реальности, лежащих в основе номинации, так как их употребление строится на актуализации фоновых знаний реципиента. Прозвища энциклопедического характера содержат эксплицитную информацию об эпониме и их функционирование полностью обусловлено лингвистическим значением.

Вышеизложенное позволяет сделать вывод о зависимости между релевантностью для функционирования прозвища лингвистического содержания его антрополексем и его речевыми потенциями. Нейтрализация лексического значения составляющих является предпосылкой широкого использования их в различных контекстах.

Сохранение преимущественно характеризующего значения ограничивает круг употребления прозвища контекстами дескриптивного характера.

Список литературы: 1. Томахин Г. Д. Америка через американизмы. М., 1982. 2. Его же. Реалии-американизмы. М., 1988. 3. Holland T. J. The Many Faces of Nicknames // Names. 1990. Vol. 38. P. 255—272. 4. Menchen H. L. The American Language. N. Y., 1948. 5. Skipper T. K. Nicknames, Coal Miners and Group Solidarity // Names. Vol. 34. N 2. P. 134—145.

Поступила в редколлегию 14.11.91

Э. Г. ПАПОВЯНЦ, канд. филол. наук

КОРРЕЛЯЦИЯ СТРУКТУР КАЧЕСТВЕННОЙ ХАРАКТЕРИЗАЦИИ В ИЗОБРАЗИТЕЛЬНО-ОПИСАТЕЛЬНЫХ ТЕКСТАХ СОВРЕМЕННОГО АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА

Задача изучения текста в динамике связана с процессами его порождения и развертывания во времени и пространстве. В связи с этим наряду с понятием связности текста, весьма полно разработанным в предыдущие десятилетия, в 70-е гг. выдвинулось на первый план понятие линейности текста. Возникла задача создания новой грамматики — грамматики линейных последовательностей и так называемых суксесивных отношений.

Целью настоящей статьи является изучение принципов аранжировки синтаксических структур качественной характеристики в тексте, проводимое с позиций грамматики суксесивных отношений, что существенно в плане решения задач типизации реального многообразия текстовых форм и структур общественной речи. Следует отметить, что закономерности мотивированного выбора той или иной языковой единицы из ряда вариантно соотносенных форм исследованы довольно полно, в то время как особенности последовательного употребления коррелятов, их взаимодействие с текстом представляют собой менее изученную область исследования.

Исходя из коммуникативной модели текста, представляющей его как расчлененную во времени единицу, как прагматически обусловленную последовательность речевых действий, будем рассматривать совокупность структур номинации качественного признака как тематически и прагматически когерентную коммуникативно-

номинационную цепочку структур качественной характеристики (КНЦСКХ).

Как показал анализ фактического материала, концепция структур качественной характеристики наблюдается прежде всего в текстах-характеристиках и текстах описаниях. Именно в текстовых блоках такого рода признаковые единицы способны раскрыть различные качества и свойства объекта.

Анализ структурно-семантической организации КНЦКХ позволил выделить два типа связи между ее компонентами. Это жесткий и свободный тип связи. В первом случае СКХ находятся в синонимических отношениях, обладая общим сигнификативным и денотативным значением. Релевантным признаком для таких структур является лексико-семантическая общность структурно-смысловых компонентов.

One of the things that Philip had heard definitely stated was that the unbeliever wasn't a wicked and a vicious man. There was neither vice nor wickedness in him, but only sincerity and loving-kindness. (Maugham).

При свободном типе связи коррелирующие структуры объединены лишь общим сигнификативным значением качественной характеристики и не находятся в парадигматических синонимических отношениях.

It was strange to feel, but this bustling, dominating, successful man had a great capacity for heroworship. He was a power in the college and would have been in any society. He had force, decision, the liking for action, he revelled in command. He was nearly fifty now, successful, within the modest limits he set himself, in all he undertook. (Show)

По способу выражения основного компонента номинации качественного признака, как известно, различаются адъективные, субстантивные и глагольные СКХ, которые в тексте различаются в цепочке различной конфигурации с преобладанием последовательностей следующих типов.

Следует отметить, что наибольшей способностью к сочленению в одном текстовом фрагменте обладают адъективные и субстантивные предложения, находящиеся как в синонимических, так и несинонимических отношениях. Наблюдаются различные вариации в аранжировке данных структур. Номинационные цепочки могут включать наряду с адъективными и субстантивными также и глагольные структуры. Однако корреляция

глагольных структур с иными структурными типами менее типична, очевидно, вследствие того, что частотность употребления глагольных СКХ крайне низка (1, 5 %).

Существенным параметром в синтактико-семантической организации коммуникативно-номинационной цепочки исследуемого типа является глубина связей, определяемая длиной цепочки и выявляющая число структур, являющихся ее звеньями или компонентами.

Коммуникативно-номинационные цепочки СКХ, как правило, состоят из трех, четырех, реже пяти и более компонентов, выступая маркером микротемы текста. Встречаются, однако, многозвенные цепочки значительной линейной протяженности, представляющие комбинации вышеперечисленных структурных типов, которые, как правило, придают экспрессивность текстовому фрагменту, являясь, таким образом, действенным средством стилистики.

Известный интерес представляет в этом отношении следующий фрагмент текста, в котором для детальной характеристики внешности человека, его внутреннего мира используется целый комплекс СКХ, органически вписывающийся в ткань текста.

Gerda could still look uncannily young. Of course she was faded and her features were less fine. She had a pale rather wide face and a nose which seemed to have become larger with age, the nostrils more powerfully salient. The eyes were dark brown and glowed like Sandy's like Henry's. She was neither short nor tall, perceptibly plumper. But still had the authority of a woman who had been a beauty. Watching her stride and turn, tossing her long blue and green skirt, he thought, she was a woman every second, bless her. Her old-fashioned coquetry was so natural it had become a grace.
(Murdoch)

В номинационных цепочках значительной линейной протяженности коррелирующие СКХ способствуют правильному восприятию речевых блоков и их делимитации.

Параметр прочности связей между компонентами номинационной цепочки СКХ детерминирован плотностью цепочки, зависящей от контактного или дистантного расположения его членов.

Связь между контактно расположенными предложениями производится перспективным способом, имеет

место координирование структуры связанных предложений по направлению от предыдущего предложения к последующему. Этот способ описания отражает естественный процесс порождения текста слева направо и связан с продвижением по тексту вперед и с восприятием все большего числа знаков.

Связь же между дистантно расположенными предложениями, будучи перспективной по направлению, прослеживается ретроспективно. При восприятии дистантно расположенных предложений срабатывает принцип возвращения, заключающийся в возвращении к прочитанному, его реконструкции благодаря идущему далее. В силу этого роль рассредоточенных компонентов номинационной цепочки (НЦ) в организации текста как целого значительно важнее, чем контактно расположенных компонентов.

Соотношение формально-языковых и смысловых свойств текста и его единиц отличается той особенностью, что в них доминируют смысловые критерии над формально-языковыми средствами организации текста как единицы общения.

Среди многообразия логику-семантических отношений между звеньями НЦ СКХ прослеживаются как отношения семантически аналогичные типичным реляционным средствам (противопоставление, причина), так и не соотносительные с последними, например отношения идентификации, включающие интерпретацию и конкретизацию и связанные с нею расхождения в объеме обозначаемых ситуаций.

Параллельное употребление СКХ в тексте может передавать контрастно соположенные признаки.

Life had meaning... if life was meaningless the world was robbed of its cruelty. (Maugham)

Звенья НЦ СКХ могут быть объединены причинной связью. Для причинно-следственных компонентов характерно варьирование глагольных и именных СКХ. Однако в качестве причинного компонента функционируют исключительно именные предикаты качественной характеристики.

To be sure he always tells lies, he is a terrible liar (Maugham). Your mysterious young friend... never thinks. He is some brainless, beautiful creature. (Wilde).

Текстовое варьирование СКХ, связанных отношениями конкретизации, определяется потребностью уточне-

ния степени признака, его конкретизации или эмпатического выделения.

Charles was a bold man — perhaps, he had that special boldness... that one found commonly in men born rich (Snow); He is not conceited — he never had an ounce of conceit. (Maugham)

При этом последующая структура в номинационной цепочке неизменно привносит дополнительные оттенки, развивая и конкретизируя информацию предтекста.

Альтернирующие структуры, находящиеся в отношении интерпритации, предотвращают его потенциальную монотонность и тавтологию.

Немаловажное место среди логико-семантических связей звеньев НЦСКХ занимает интенсификация. Коррелирующие структуры КХ во многих случаях позволяют выразить признак в градуальном представлении. Градация признака может передаваться посредством:

а) употребления различных по интенсивности номинат качественного признака:

It's him. He is a propagator of untruth. Untruth! Why, he's a lie himself. (D. Storey)

б) соответствующих модификатов:

Cecil Ayeston was a good deal of a mystic, a good deal of a ritualist..., frequently a drunkard, a gentleman, and always an adventure. (Jewis)

в) развернутой метафоры:

Sharp customer! he said. So said. So sharp, that he cuts himself sometimes. (Christie)

Из этого следует, что концентрация структур качественной характеристики обуславливает и ряд коммуникативно-стилистических характеристик текстом.

Таким образом, исследование НЦСКХ, проведенное на материалах изобразительно-описательных текстом современного английского языка, продемонстрировало значительную стабильность актуализации определенных типов структурных, семантических и стилистических отношений между коррелирующими структурами качественной характеристики, свидетельствующую о том, что исследуемые структуры являются существенным признаком языковой организации текста.

Поступила в редколлегию 11.11.91

ИССЛЕДОВАНИЕ ЭФФЕКТИВНОСТИ КОМПЛЕКСНОГО ПОДХОДА К ФОРМИРОВАНИЮ ИНОЯЗЫЧНЫХ ФОНЕТИЧЕСКИХ НАВЫКОВ

Обучение произносительным и просодико-интонационным нормам английского языка как иностранного ставит среди других важных вопросов и такой: чему следует обучать раньше — произношению или просодии и интонации, или более эффективным окажется параллельное обучение тому и другому?

Методические рекомендации к учебнику*, по которому проводится обучение в нашем вузе, предусматривают коррективный курс, согласно которому начинать следует с постановки произношения.

Каждое занятие необходимо начинать с гимнастики органов речи, а на «6—7 занятии можно подключить голос и проводить фонетическую зарядку на словах, составленных из пройденных гласных и согласных звуков»**. Тренировочные упражнения представляют собой или отдельные слова, или предложения вне контекста. Работа над упражнениями по интонации начинается только в 8-м уроке коррективного курса, хотя текст для чтения содержится уже в 5-м уроке.

Упражнений на выработку умений и навыков просодии вообще нет.

Таким образом, из-за малоэффективности такой организации обучения мы теряем время на первых уроках коррективного курса, отказываясь от работы над формированием просодико-интонационных навыков.

Некоторые зарубежные авторы*** считают наиболее полезной и стимулирующей такую последовательность методических рекомендаций.

1. Стадия восприятия: тренировка слуха с целью научить студента различать на слух изменения в ударе, интонации, звуке, в условии контекста. Если он не умеет этого делать, то естественно, не сможет ни имитировать, ни составить собственные интонационные модели и тем более не сможет отразить свое настроение и отношение к высказываемому.

* Аракич В. Д. Практический курс английского языка. М., 1985.

** Там же.

*** Haycraft B. The Teaching of pronunciation. Tongman, 1985.

2. Стадия воспроизведения: на материале коротких законченных предложений, взятых в контексте, тренировать простейшие просодические и интонационные модели. Параллельно корректировать трудные или важные звуки. Причем авторы дают практические советы, исходя из прогнозируемых мест интерференции родного языка. К сожалению, там нет рекомендаций для русскоговорящих.

Эффективность данной методики применительно к нашим условиям, т. е. к обучению русскоговорящих прежде всего просодии и интонации английского языка с попутной корректировкой произношения*, была исследована нами и изложена в данной статье.

Эксперимент был проведен на I курсе переводческого отделения факультета иностранных языков ХГУ. Испытуемые — 23 человека, юноши в возрасте от 17 до 23 лет, изучавшие английский язык в школе и в течение предшествующего года активно готовившиеся к вступительному экзамену по английскому языку. При выборе испытуемых мы руководствовались тем фактом, что именно на I курсе специального факультета окончательно формируются навыки чтения вслух.

Материал для эксперимента — 2 текста из оригинальных источников объемом 212 и 228 слогов — был тщательно подобран.

Каждый из текстов состоял из трех частей, принадлежащих к разным функциональным стилям, содержащим предложения различного коммуникативного типа и синтаксического состава.

Эксперимент проходил в три этапа. На I-м этапе был установлен исходный уровень владения навыками произношения, паузации, выделения логического центра высказывания и прочтения его с тоном, соответствующим степени важности сообщаемой информации в рамках конкретного функционального стиля.

На II-м этапе было проведено экспериментальное обучение указанным навыкам по методике приоритетной тренировки просодии и интонации на материале текстов, аналогичных контрольным.

На III-м этапе было проведено контрольное чтение текста и установлен приобретенный уровень владения указанными навыками.

* Далее этот подход называется комплексным.

I и III этапы тестирования проводились по одинаковой процедурной схеме: испытуемые имели возможность ознакомиться с текстом в течение двух минут, чтение текста каждым испытуемым и носителем языка записывалось на магнитную пленку; испытуемые не контактировали друг с другом во время эксперимента.

Чтобы было удобнее анализировать, мы напечатали тексты для каждого участника эксперимента и произвели их фонетическую разметку в соответствии с их озвученным вариантом.

Решив считать ошибкой каждый случай несовпадения с оригиналом (вариантом носителя языка), мы подсчитали количество произносительных, просодических и интонационных ошибок, а также случаи нелогического выделения центров высказывания в целом по группе и в среднем на одного испытуемого. По результатам эксперимента была составлена таблица.

Количество ошибок	Этап эксперимента		Улучшение результата	
	I	III	количество	%
В произношении				
Всего	180	82	98	54
В том числе:				
фонетических	121	64		
фонологических	59	18		
На одного испытуемого				
Всего	8	3,6	4,4	54
В том числе:				
фонетических	5	2,8		
фонологических	3	0,8		
В паузации				
Всего	96	26	70	73
В том числе:				
гезитации	39	10		
смысловых	57	16		
На одного испытуемого				
Всего	4,2	1,1	3,1	73
В том числе:				
гезитации	1,7	0,4		
смысловых	2,5	0,7		
В выделении логического центра				
Всего	272	69	203	74
На одного испытуемого	12	3	9	74
В выборе тона				
Всего	345	58	287	83
На одного испытуемого	15	2,5	12,5	83

Из таблицы видно, что целенаправленное обучение паузации, выделению логических центров и выбору тона дало качественный рост — 73%, 74 и 83 % соответственно.

Количество произносительных ошибок снизилось на 54 %. Не обнаружены ошибки на звуки, относящиеся к группе «непохожих» на звуки русского языка: [э:, 0, w], на ассимилятивные сочетания «альвеолярный — межзубной».

Однако устойчивыми оказались:

1) нарушения, вызванные интерференцией фонетической нормы русского языка — оглушение финальных звонких согласных, что привело как к фонетическим ошибкам в словах типа *cities*, *surprised* по аналогии с русскими «полоз» и «аккорд», так и к фонологическим в словах типа *food*, *said*;

2) ложные внутриязыковые идентификации. Например, в слове *Berlin* ошибочно ударение накладывается на I-й слог, очевидно, по аналогии с *Moscow*, *Paris*. Вероятно, испытуемые предположили, что смещение ударения со 2-го слога в русском варианте на I-й в английском в словах *Moscow* и *Paris* относится и к слову *Berlin*.

Смещение ударения со 2-го слога на I-й в слове *contribute*, вероятно, произошло под влиянием внутриязыковой интерференции по аналогии с другими трехсложными словами типа *organize*, *demonstrate*. Смещение же ударения на 3-й слог вызвано межъязыковой интерференцией (ср. с «контрибуция»).

Испытуемые значительно усовершенствовали свое умение делить высказывание на смысловые группы.

Качественный рост составляет 73 %. Ошибки были допущены за счет излишнего дробления или удлинения смысловых групп, что привело к увеличению количества главных факторов за счет второстепенных в первом случае и, наоборот, к потере единиц главной информации и переводу их в разряд второстепенных во втором случае.

Ошибки в выборе тона вызваны такими факторами:

1) подменой ожидаемого в данном контексте нисходящего тона восходящим из-за интерференции родного языка. Это нарушает акт коммуникации, так как вместо ожидаемого нейтрального отношения к высказываемому звучит заинтересованность;

2) явлением интерференции в случаях подмены мелодического рисунка более плавного нисходящего тона в английском языке резко нисходящим, характерным для русского языка.

Неумением найти логический центр в ситуативном высказывании, стремлением выделить последнее значимое слово объясняются ошибки, допущенные испытуемыми в выделении логического центра. Иными словами, испытуемые не умеют накладывать просодико-интонационный контур на содержание.

Итак, экспериментальное исследование комплексного подхода к формированию иноязычных фонетических навыков подтвердило его эффективность. За 48 часов обучения достигнут значительный качественный рост всех контрольных характеристик звучащей речи.

Источник большинства допущенных ошибок — внутриязыковая и межъязыковая интерференция. Последняя наиболее устойчива, так как в родном языке автоматизирована и требует дополнительных методических приемов для ее преодоления.

Обращает на себя внимание факт экономии учебного времени, потребовавшегося для формирования произносительных и просодико-интонационных навыков.

Комплексный подход может быть успешно использован в практике преподавания иностранного языка. Однако данные эксперимента нуждаются в проверке на большем количестве испытуемых и на более разнообразном материале.

Поступила в редколлегию 14.11.91

Н. В. ПРОКОФЬЕВА

МОДАЛЬНЫЙ АСПЕКТ АРГУМЕНТАТИВНОГО ДИАЛОГА

Понимание модальности как субъективной квалификации сообщаемого объединяет все разнообразие подходов к данному явлению (см. обзор в работе [9]). Наряду с конвенциональными (интонационными и лексико-грамматическими) средствами выражения модальных отношений «модальное значение может быть выражено единицами, употребление которых определяется не семантикой языковой формы, а речевой функцией,

закрепленной за данной единицей конвенцией употребления» [1, с. 3—4]. Коммуникативный аспект модальности, требующий выхода в сферу дискурса, как правило, не включается в лингвистический анализ, что его существенно обедняет.

Е. Н. Старикова [7] выделяет три слоя актуализации модальных значений. На первом уровне находится реализация модальных значений констатации, вопроса, побуждения при помощи морфологических средств и интонации. Второй слой образован речевыми актами с различной иллокутивной направленностью, совершаемыми с помощью утверждений, вопросов или побудительных предложений. Верхний, третий слой включает экспликацию отношения говорящего к сообщаемому с точки зрения его реальности/ирреальности, возможности, необходимости, оценки.

Целью данной статьи является рассмотрение языковой специфики реализации категории модальности на материале аргументативного дискурса.

Начнем с первого уровня — модальности как коммуникативной функции предложения. По мнению Э. Бенвениста, утверждение, вопрос, побуждение «отражают три основные позиции говорящего, который воздействует на собеседника своей речью: говорящий либо хочет передать собеседнику элемент знания, либо получить от него информацию, либо приказать что-то сделать» [2, с. 149]. Налицо предназначенность грамматизованной языковой формы для выполнения языковой функции [4, с. 8]. Однако это не значит, что существует однозначная корреляция между вопросительной, побудительной и констатирующей модальностью и соответствующим типом предложения. Например, вопросительное предложение может иметь констатирующую модальность:

(Кивая на свой старый трактор, герой говорит:)

— Да какое это дело (Это не дело) (Ф. Абрамов) или модальность побуждения:

(Муж возмущен тем, что жена утром очень долго не встает:)

«Это еще что за новая мода — с утра на вылежке? <...> Мясо-то, говорю, само в печь запрыгнет, а ле соседей позвать?» (Вставай, готовь еду) (Ф. Абрамов)

При анализе конкретного языкового материала не обнаруживается однозначного соответствия структурно-прагматического типа высказывания и функции совер-

шаемого в процессе спора речевого акта. Весьма интересным в этом плане представляется подход авторов работы [12]. Аргументация рассматривается как комплекс иллокутивных актов, каждый из которых обладает двумя иллокутивными силами: на уровне предложения (для утверждения — это констатация, умозаключение, ассерция) и на более высоком уровне, где высказывание приобретает аргументативную силу как часть целого. По мнению Серля, особенность речевых актов, задействованных в аргументации, заключается в том, что все они являются попытками убедить [14, с. 66] и, следовательно, прагматически сонаправлены.

Утверждения представляют собой один из самых естественных способов выражения аргумента и тезиса [11]:

— Большой, жар, видно. (тезис) Вон как горит. (аргумент)

— Пройдет, ничего страшного. (антитезис) (В. Быков)

Кроме выражения, подкрепления или отклонения точки зрения, констативы могут быть нацелены на выполнение не свойственных им функций, например прекращения коммуникации (Я не хочу об этом говорить, тебя не спрашивают и т. п.) или стимулирования речевой активности партнера. В рассказе Чехова «Скучная история» героиня просит совета у воспитавшего ее человека:

— Говорите же, умоляю вас! Клянусь вам, что я не могу дальше так жить! Сил моих нет! (...) Помогите! Императивы «говорите», «помогите» выражают коммуникативно-доминирующий (в терминах А. А. Прокопчука [5]) тип речевого действия. Коммуникативно-недоминирующая, констативная часть реплики служит для обоснования и интенсификации побуждения, являясь косвенным стимулом речевой активности партнера.

Помимо всевозможных запросов и уточнений, конструкции с вопросительной модальностью могут быть использованы для совершения следующих речевых действий:

1) возражения:

(Партизанам приказано уничтожить мост. Один из них считает, что это будет легко, второй — настроен скептически)

— А ночью?

— А зачем нам ночь? Днем и подпалим.

— Под носом у бобиков? (В. Быков)

2) выражения, отношения к получаемой информации:

— Well, I am getting old, Pat.

— Old? You're thirty-nine. (T. Rattigan)

3) выражения отношения к ходу разговора:

— Что ты так меня отчитываешь? (А. Иванов)

В этих случаях высказывания с вопросительной модальностью в поверхностной структуре по коммуникативно-прагматической функции сближаются с констативами. В то же время, обладая иллокутивной силой возражения на уровне дискурса, вопрос «А ночью?» не перестает быть вопросом на уровне диалогического единства и требует ответа.

Выражая оценку довода или хода интеракции, по направлению иллокутивной силы директив сближается с констативом с аксиологической модальностью.

(Один из соседей жены комиссара отвечает на ее жалобу о трудной жизненной доле)

— Брось, брось, Савельевна! Знаем твою жизнь, весь век комиссаришь!

— Не ври, Алейников! Я тебе не мальчишка! (А. Иванов)

Имплицитно сему негативной оценки, «Брось» и «Не ври» остаются императивами, корректирующими коммуникативное поведение реципиента.

Каждое из модальных значений третьего слоя (реальность/ирреальность, возможность и т. п.) обладают конвенциональными средствами выражения. Будучи включенными в контекст аргументативного диалога, они приобретают в ряде случаев вторичную модальность, не выраженную эксплицитно в поверхностной структуре и понимаемую на основе коммуникативной компетенции реципиента. Для иллюстрации возьмем модальность истинности [3] (достоверности [6], эпистемистическую [13]), имеющую значение констатации. Рассмотрим два примера:

1) побудительная аргументация, направленная на стимулирование действия:

— Put on your greatcoat, dearest.

— I don't think I want it.

— The wind is bitter. You ought to put it on.

(T. White)

2) когнитивная аксиологическая аргументация, спор об оценке действия:

(Немец не согласен с утверждением пленного партизана, что приютившая своих хозяйка не виновна)

— Не виновата? А вас принимала? На чердаке прятала?

(В. Быков)

В первом примере высказывание, содержащее истинностную модальность "The wind is bitter", употребляется в контексте побуждения. Описывая погоду, оно становится косвенным побуждением и приобретает вторичную побудительную модальность. Указание на действия хозяйки в форме риторических вопросов служит подтверждением ее виновности и приобретает вторичную аксиологическую модальность. В плане наличия вторичной модальности особенно показательна побудительная аргументация. Для побуждения к действию необходима его квалификация как желательного, необходимого и т. п.

Все вышеизложенное позволяет заключить, что модальный аспект аргументативного диалога характеризуется иерархичностью уровней актуализации. Выявление «обобщенного стратегического смысла» высказываний [10, с. 25] предполагает обращение не только к уровням предложения, речевого акта или диалогического единства. Полное выявление их коммуникативного потенциала возможно только при обращении к дискурсу.

Список литературы: 1. Беляева Е. И. Функционально-семантические поля модальности в английском и русском языках. Воронеж, 1985. 2. Бенвенист Э. Общая лингвистика. М., 1974. 3. Грелл М. О сущности модальности // Языкознание в Чехословакии. М., 1978. С. 277—301. 4. Плоткин В. Я. Соотношение коммуникации, высказывания и предложения в функционально-грамматическом аспекте // Вестн. Харьк. ун-та. 1987. № 312. Коммуникативная лингвистика и методика преподавания иностранных языков. С. 7—11. 5. Прокончук А. А. Коммуникативно доминирующие / недоминирующие высказывания в побудительных репликах // Языковое общение: Процессы и единицы. Калинин, 1988. С. 86—94. 6. Русская грамматика. Ч. 1. Прага, 1979. 7. Старикова Е. Н. К вопросу о категориях модальности // Вестн. Харьк. ун-та. 1989. № 339: Человек и речевая деятельность. 8. Старостина Н. В. Структурно-прагматические типы высказываний // Сб. науч. тр. МГПИИЯ им. М. Тореза. 1986. Вып. 267. С. 135—148. 9. Теория функциональной грамматики. Темпоральность. Модальность. Л., 1990. 10. Чулкова В. С. Ред. на кн.: Strecker B. Strategien des Kommunikation Handelns: Zur Grundlegung einer Grammatik der Kommunikation // Общественные науки за рубежом. Сер. Языкознание. 1988. № 6. С. 24—29. 11. Benjamin R. L. Utterance and commitment: A speech act analysis // Argumentation: Proc. of the Conf. on argumentation, 1986. Dordrecht, 1987. P. 18—26. 12. Eemeren F. H. van, Grootendorst R. The speech

acts of arguing and convincing in externalized discussions // T. of Pragmatics. 1982. V. 6. N 11. P. 1—24. 13. Palmer F. R. Modality and the English Modals. L.; N. Y., 1979. 14. Searle T. R. Speech Acts. An essay in the philosophy of language. Cambridge, 1970.

Поступила в редколлегию 11.11.91

Ю. Е. САВЧЕНКО

МОДЕЛИ ОППОЗИТИВНОГО ДИАЛОГА В МИКРОЮМОРЕСКАХ

Диалог представляет собой «процесс, оба участника которого проявляют значительную интеллектуальную, эмоциональную и функциональную активность» [2, с. 13].

Каждый персонаж микроюморески выступает в процессе речевого акта то в роли говорящего, то в роли адресата речи. Поэтому диалог — это альтернирующая цепочка предложений, образуемая чередованием высказываний двух или нескольких участников речевого акта.

«Состязательность (противоборство) как основное качество полемиического (оппозитивного, состязательно-го) диалога находит свое проявление в необходимости для коммуниканта пошаговой, последовательной оценки каждой реплики, продуцируемой партнером, и в ее нейтрализации (полном или частичном отрицании истинности ее смыслового содержания) или конфирмации (выражении согласия с содержанием реплики партнера, признании его истинным).

Каждая из реплик, последовательно продуцируемых в диалоге коммуникантом А, представляет для Б условие задачи, которая должна быть решена им эффективно и, что не менее важно, оперативно» [1, с. 35].

В результате классификации микроюморесок с оппозитивным диалогом нами было выделено шесть основных типов оппозитивного диалога.

Тип 1

Подтип 1

Х производит негативное речевое действие по отношению к Y.

Y критикует X.

Подтип 2

X предъявляет к Y ненормативное, с точки зрения Y, требование.

У, не соглашаясь с требованием Х, критикует его.

Тип 2

Подтип 1

Х критикует действия У.

У отвечает на критику Х (опровержение, возражение, защита).

Подтип 2

Х критикует У.

У отвергает критику Х.

Тип 3

Х произносит парадоксальное утверждение.

У с иронией реагирует на слова Х.

Тип 4

Х ставит неуместный вопрос.

У своим ответом показывает неуместность вопроса Х.

Тип 5

Подтип 1

Х совершает ненормативное действие по отношению к У.

У критикует Х.

Подтип 2

Х совершает ненормативное действие по отношению к У.

У критикует Х.

Х мотивирует свое действие ненормативным поведением У.

Тип 6

Х нарушает нормы поведения.

У критикует Х.

Сам по себе оппозитивный диалог уже предусматривает спор или «дуэль» между его участниками, они как бы находятся в оппозиции друг к другу, но, как показал анализ, не всегда диалог заканчивается конфликтом. Есть несколько случаев, когда словесная дуэль между участниками диалога заканчивается миром.

В случаях же, когда диалог приводит к конфликту, степени конфликта могут быть различными — от сарказма.

Судья спрашивает свидетельницу, сколько ей лет.

— Я недавно подошла к тридцати, — кокетливо сказала свидетельница.

— И что же вас так задержало в пути? — сухо спросил судья.

До иронии:

Kellner: «Darf ich Ihnen zu dem Kotelett noch etwas bringen?»

Gast: «Jawohl-ein Beil!» [3]

Поскольку реакция *Y* может иметь разный характер, каждый подтип имеет несколько вариантов. Рассмотрим это на примере микроюморесок типа 2 подтипа 2.

Вариант 1

Жена упрекает мужа:

— Вчера ты вернулся домой пьяным.

— Я был пьян? Кто мог сказать такую глупость?

— Ты же сам признался?

— Господи, чего человек не наболтает спьяна.

Вариант 2

X критикует *Y*.

Y возражает, используя слова *X*.

Мужчина обращается к женщине:

— Сними, пожалуйста, шляпку. Я заплатил 50 копеек за билет и хочу хоть что-нибудь увидеть на экране.

— А я за свою шляпку заплатила 50 рублей и хочу, чтобы ее все видели.

Здесь мы опять имеем дело с «бумерангом»: *Y* подхватывает форму высказывания *X*.

В следующих примерах *Y* как бы «цепляется» за одно предложение или слово из высказывания *X* и использует его в своем возражении:

Felix, du gehst jetzt schon zehn Jahre mit der Hedwig. "Warum willst du sie denn nicht heiraten? Die Leute reden schon über das Mädel".

"Eben darum nicht, "Felix, "ich werde mir doch kein Mädchen nehmen, über das die Leute reden" [3].

Der 17-jährige Sohn bittet den Vater immer wieder um Taschengeld. "Hör zu mein Lieber", sagt der Vater. "Im Leben gibt es viel wichtigere Dinge als Geld". "Das weiß ich, Papa. Aber, um mit diesen wichtigen Dingen tanzen zu gehen, dazu braucht man Geld" [3].

Вариант 3

X критикует *Y*.

Y, возражая, саморазоблачается.

В данном случае реплика *X* — это либо простой, либо риторический вопрос или замечание. Содержание вопроса таково, что сам вопрос является критикой в адрес *Y*.

"Sag, Jörg, wer deine Aufgabe gemacht?"

"Ich weiß nicht, ich habe geschlafen" [3].

— Пострадавший вас опознал, — говорит судья обвиняемому. — Это вы обокрали его квартиру!

— Он лжесвидетельствует! — кричит обвиняемый. — Он не мог меня видеть! Он крепко спал!

Вариант 4

Х критикует действия У.

У, оправдываясь, сваливает вину на абсурдные обстоятельства.

— Я просил новейший учебник анатомии. Неужели у вас только старые?

— А что, вы думаете, за последнее время произошли изменения в конструкции скелета?

“Junge, wieder kommst du zu spät.

Was ist los?”

“Ach, ich habe ein schlechtes Bett, ich kann von diesem Bett nicht früh aufstehen” [3].

— У вас есть книга «Борьба с кризисом»?

— Есть. Два фунта, пожалуйста.

— Два фунта?! Но ведь она строила только один.

— Да, но это было до кризиса.

Вариант 5

Х критикует У.

У возражает, ложно истолковывая слова Х.

У буквально понимает слова Х. У не понимает или не хочет понять критику Х.

“Warum versteckst du dich hinter falschen Rücken?”

“Aber, wie kann ich mich hinter meinem Rücken Verstecken” [3].

Иногда У, не зная, что возразить Х, переходит от защиты к нападению, например:

Жена мужу:

— Не понимаю, как можно проводить все вечера в пивной?

— Не понимаю, не понимаю! Зачем же ты говоришь о вещах, которые не понимаешь?

Иногда У нарочито ложно истолковывает слова Х в свою пользу, например:

— За відповідь твою, Сергійко, поставити трійку я не можу.

— Ні-ні,— Сергійко став казати,—чотири буде за-багато.

Вариант 6

Х критикует действия У.

У оправдывается, ложно истолковывая слова некоего третьего лица. В своем оправдании У ссылается на

авторитет третьего лица, но эта ссылка является ложной, так как она не оправдывает действий Y.

Richter: "Angeklagter, warum haben Sie den kostbaren Ring, den Sie fanden, nicht im Fundbüro abgegeben?"

Angeklagter: "Aber im Ring steht dort eingraviert: "Ewig dein".

Сущность анекдотов принято связывать с неожиданностью и остроумием, чем и отличаются реплики Y.

— Говоришь, этот галстук стоит 80 крон? Да за эти деньги можно купить пару туфель!

— Да, конечно, но согласись, что было бы довольно странно появиться с парой туфель на шее.

Критика X в адрес Y несправедлива, и Y пользуется приемом разоблачения; он доводит слова X до абсурда, тем самым доказывая несправедливость критики.

Ein Student kam zum Zahnarzt und bat ihn den kranken Zahn zu ziehen. Als er aber erfuhr, daß es 10 Mark kosten wird, nun dachte er sich: "10 Mark. Das ist sehr viel für das Ziehen eines Zahnes. Die Arbeit dauert doch nur 2 Sekunden".

Der Arzt unterbrach ihn basch: "Bitte, wenn Sie wollen, kann ich den Zahn auch langsamer ziehen". (3)

Таковы основные модели и варианты оппозитивного диалога, представленного в микроюморесках.

Дальнейшее исследование в этом направлении даст возможность установить конечный список моделей и на данном материале изучить взаимодействие различных стилистических средств для выражения комического эффекта в анекдотах.

Список литературы: 1. Радаев А. М. Об обучении технике полемики в диалоге на основе логики инвариантов смыслового содержания воздейственных (эффективных) диалогических реплик // Речевое воздействие: психологические и психолингвистические проблемы. М., 1986. С. 35—50. 2. Его же. Функциональная модель оппозитивного (полемического) диалога: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1984. 3. 1001 Witz. Berlin, 1988.

Поступила в редколлегию 11.11.91

ПОСТРОЕНИЕ АЛГОРИТМА ОБУЧЕНИЯ ЯЗЫКОВЫМ СРЕДСТВАМ, СЛУЖАЩИМ ДЛЯ ПЕРЕДАЧИ ОТТЕНКОВ ЗНАЧЕНИЯ ЦЕЛЕНАПРАВЛЕННОСТИ

Проблему обучения говорению на профессиональные темы необходимо рассматривать с позиций коммуникативного подхода, т. е. учитывая содержание учебно-производственной и профессиональной деятельности обучаемых. Анализ этого содержания показывает, что при беседе специалисты часто сталкиваются с необходимостью дать определение предмету своего исследования, классифицировать его, указать на функции, сферу применения, дать качественные и количественные характеристики и т. д. Перечисленные выше ситуации заключают в себе понятия, являющиеся орудием научного мышления. По мнению специалистов, каждое понятие — универсальная глубинная структура предложения, которая получает языковое выражение на уровне поверхностной структуры [1].

Например, понятие целенаправленности в английском языке может быть представлено совокупностью языковых средств двух уровней — лексического и синтаксического [5]. Система лексических средств включает лексемы различной категориальной отнесенности (существительные, прилагательные, глаголы, наречия). Базовой единицей этого уровня является лексема «purpose», а наиболее близкие ей синонимы — «intent», «aim», «desire». Синтаксические средства включают модели «for+N», «for+V ing», а также простой (to V) и составной (F+to V) структурные варианты инфинитивной фразы, где N — существительное; V ing — герундий; F — союзы «in order», «in order that», «so that»; to V — инфинитивная фраза. Перечисленные выше языковые средства имеют различные оттенки значения целенаправленности. Так лексические средства, а также модели «for+N» и «for+ V ing» указывают на назначение предмета, под которым понимается сфера применения. Если инфинитивной фразе предшествует один из следующих глаголов «use», «employ», «design», «serve», то в предложении идет речь о функции предмета, т. е. о совершаемой им работе. Если инфинитив стоит в начале предложения, то акцент переносится на *действие*, если

в конце, то подчеркивается *цель*, с которой совершается действие.

Данные исследования [5] могут быть использованы в методике преподавания иностранных языков, например, с целью оптимизации обучения лексико-грамматическому аспекту устной речи. Исходя из функциональной схемы порождения высказывания [4], процесс обучения может быть организован по принципу «от понятия, характерного для научного мышления, к языковым средствам его выражения».

Учитывая сказанное, была составлена экспериментальная программа обучения, цель которой — формирование лексико-грамматических навыков устной профессиональной речи по специальности радиоэлектроника [7].

По существующим данным, эффективность формирования навыков зависит от типа ориентировки [2] и объема учебной информации (УИ) — [8]. Адекватная ориентировка учащихся обеспечивается путем использования таких типов УИ, как речевой образец (РО), модель и алгоритм. В качестве основы предъявления языковых средств, передающих различные оттенки целенаправленности, был взят ветвящийся алгоритм в сочетании с РО и моделями. Для определения оптимальной последовательности шагов алгоритма были проанализированы учебные тексты из ряда пособий [3; 6] с точки зрения частоты встречаемости различных оттенков рассматриваемой понятийной категории. Было установлено следующее соотношение: назначение — 36 %, функция предмета — 23; акцент на действие — 31, акцент на *цель* совершения действия — 10 %.

Наиболее частотной явилась ситуация «назначение» предмета, это и определило ее выделение в качестве первого шага алгоритма. Следующими по частоте встречаемости идут ситуации, в которых акцент делается на совершаемое с определенной целью действие. Вместе с тем более близкой по значению к ситуации «назначение» является «функция» предмета. Учитывая этот факт, а также частую встречаемость, было решено выделить значение «функция» предмета в качестве второго шага алгоритма с тем, чтобы, начиная уже с первых занятий, вырабатывать у учащихся умение различать эти оттенки целенаправленности в речи и соответственно выбирать адекватные речевой задаче языковые средства. Третьим и четвертым шагами алгоритма стали со-

ответственно ситуации, в которых акцент делается на совершаемое *действие* и на *цель* совершения действия. В целом алгоритм имел следующий вид.

Для того, чтобы правильно выразить в речи значение целенаправленности, определите:

1. Нужно ли сказать об области применения предмета?

ДА

НЕТ

↓
Употребите одну из моделей: for + N, for + Ving,
for the purpose

2. Нужно ли сказать о функции предмета?

ДА

НЕТ

↓
Употребите одну из моделей: N (is/are) used,
employed, designed, N serve (s)

3. Нужно ли сделать акцент на *действие*?

ДА

НЕТ

↓
To V...

↓
... to V

На следующем этапе составления экспериментальной программы была разработана система упражнений. При ее составлении учитывались принципы поэтапного формирования умственных действий. Теория поэтапного формирования подразумевает следующую последовательность:

1. Создание ориентировочной основы действия (ОД).
2. Формирование действия во внешнепредметной форме.
3. Формирование действия в громкой речи.
4. Формирование действия во внешней речи «про себя».
5. Свободное выполнение действия.

ОД создавалась по второму типу ориентировки с использованием РО, модели, а иногда и дополнительно (внутришагового) линейного алгоритма.

Рассмотрим последовательность работы в рамках одного шага алгоритма. При создании ОД обучаемые, прочитав ряд РО, должны под руководством преподавателя определить языковые средства, с помощью которых передается рассматриваемый оттенок целенаправленности, составить РО и, выделив модель, зафиксировать ее на карточке. Данные карточки используются для обеспечения материализации действия при формировании его во внешнепредметной форме. Например, при

выполнении упражнений на аудирование обучаемые должны прослушать предложение, определить, говорится ли в нем о назначении предмета, а затем поднять карточку с той конструкцией, с помощью которой передается данное значение. При выполнении упражнений на имитацию обучаемые конструируют из предложенных карточек предложение и лишь затем проговаривают его вслух. При формировании действий в громкой речи и во внешней «про себя» используются упражнения на трансформацию. На этом этапе лишь некоторые действия выполняются в материализованном виде, т. е. с опорой на алгоритм. Предлагается, что на этом этапе алгоритм должен воспроизводиться по памяти или проговариваться скороговоркой. Свободное выполнение действия отрабатывается в различных коммуникативных упражнениях, включающих элементы ролевых игр.

Экспериментальное пособие [7] включает 8 уроков, построенных по единому принципу. Исследование, проведенное в ряде вузов, подтвердило эффективность предлагаемого способа организации материала при формировании навыков говорения на профессиональные темы.

Список литературы: 1. Бархударов А. С. К вопросу о поверхностной и глубинной структуре предложения // *Вопр. языкознания*. 1973. № 3. С. 50—61. 2. Гальперин П. Я. Основные результаты исследования по проблеме формирования умственных действий и понятий: Автореф. дис. ... д-ра психол. наук. М., 1965. 3. Головачева А. К. Частотный курс ускоренного обучения английскому языку по профилю радиоэлектроники. Л., 1978. 4. Зимняя И. А. Психологические аспекты обучения говорению на иностранном языке. М., 1985. 5. Мандыч Э. Г. Синтаксико-лексическое поле целенаправленности в современном английском языке: Дис. ... канд. филол. наук. К., 1976. 6. *Пособие по английскому языку для электротехнических и радиотехнических вузов* / К. А. Иванова, Е. Я. Краснова и др. М., 1977. 7. Свердлова И. А. Методические указания по формированию навыков употребления в речи различных оттенков значения целенаправленности. Х., 1988. 8. Черноватый Л. Н. К вопросу о соотношении типов учебной информации в процессе формирования иноязычных грамматических навыков: дис. ... канд. пед. наук. Х., 1980.

Поступила в редколлегию 11.11.91

ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКОЕ ПОЛЕ ХАРАКТЕРА
КАК ВЫРАЖЕНИЕ ПРИЗНАКА
АНТРОПОЦЕНТРИЧНОСТИ ЯЗЫКА

Художественный текст, являясь единицей эстетической коммуникации, обладает некоторыми специфическими свойствами. Одно из основных — свойство антропоцентричности, означающее, что познание мира в произведениях направлено на познание человека, а все изображаемые события есть средство его всестороннего показа. В последнее время в лингвистике возрос интерес к «человеческому фактору», к способам выражения позиций субъекта в отношении оцениваемого фрагмента объективного мира. Писатель как центральный субъект художественно-познавательной деятельности свои ценностные представления о человеке выражает в системе образов. Читатель, воспринимая эти образы, дополняет их своим субъективным смыслом. Антропоцентричность художественного произведения имеет свой особый характер, выражающийся в дихотомии: внимание, интерес к конкретному человеку, его характеру, мыслям, чувствам и вместе с тем сосредоточенность на смысле человеческой жизни вообще, на вечных духовных ценностях. «Именно юни, отдельные характеры и личности, являются тем индивидуальным, конкретным, через которое постигается универсальное, общее» [1, с. 149]. Проблема изображения человека рассматривалась в основном литературоведением и лишь в своем содержательном аспекте, в центре которого находится соотношение концепции личности, присущей той или иной исторической эпохе и социальной среде, с ее художественным изображением. История изображения персонажа в художественном тексте отражает этапы развития представлений о человеке, что влияет на принципы отбора жизненного материала, на основе которого создаются характеры. В зависимости от литературного направления, к которому принадлежит творчество того или иного писателя, меняется подход к изображению действительности, а следовательно, и выбор изобразительных средств. Так, классицисты, проповедуя экономность использования изобразительных средств, пользовались методом классического повествования. Романтики использовали широкую сеть художественных средств с целью

создания гиперболического изображения явлений действительности. У натуралистов при отборе материала другая цель — дать как можно более точную, детальную копию натуры.

Представление о характере литературного героя создается как самохарактеристикой героя, содержащейся имплицитно в его репликах, так и авторской характеристикой, которая находит различные способы выражения в тексте художественного произведения — от обширных монологов автора в романах и рассказах до кратких авторских ремарок в драматургических произведениях. Характеристика персонажа, даваемая автором, отражает его внешнюю и внутреннюю суть, включая как портретное и биографическое, так и динамическое (поведенческое) описание. Авторская характеристика персонажа, обычно выраженная эксплицитно, не раз становилась объектом лингвистических исследований в плане ее структурно-семантических и прагматических особенностей [2; 3]. Но лингвиста интересуют и «способы выражения содержания или отношения средств выражения к выражаемому содержанию» [4, с. 91], а посему попытаемся рассмотреть изобразительные средства процесса характеристики автором своих персонажей, а конкретно — характерологическую лексику языка как один из видов лексико-семантического поля.

Мы считаем, что выделенное нами лексико-семантическое поле характера соответствует всем основным признакам лексико-семантического поля и организовано по полевому принципу: в наличии совокупность семантического признака (спецификатора) «характер человека» и различных семных конкретизаторов, варьирующих вышеназванный спецификатор по-своему (например, *charming*; *avarice*); а также ядро и периферия, являющиеся структурными элементами поля. К ядру мы относим базовую лексику, наиболее частотную, чисто характерологическую, а в периферию включаем как нейтральные слова, так и лексику других антропометрических слоев (портретного, психологического, поведенческого и др.), несущую дополнительные коннотативные признаки и приобретающую характерологическую нагрузку в контексте; а также лексику экспрессивного облика, т. е. несущую внешнюю характеристику лица.

Иерархия структурных компонентов лексико-семантического поля характера является аналогичной иерархии структуры любого лексико-семантического поля

(ЛСП), где самым сложным элементом является тематический ряд, а предельным — синонимический ряд. Вся совокупность лексических единиц (ЛЕ), составляющих ЛСП характера, делится на лексико-семантические группы (ЛСГ), внутри которых при необходимости можно выделить подгруппы. В системе языка, как известно, наиболее значимыми являются категории знаменательных частей речи — имени существительного, прилагательного, глагола, которые играют наиболее важную роль и в процессе номинации. Учитывая это, проведем следующую классификацию ядерной лексики:

- 1) ЛСГ существительных, выражающих «параметры» человеческой психики и называющих черты характера (wisdom, courage, defaults, assurance);
- 2) ЛСГ имен прилагательных, характеризующих человека (attentive, thankful, aimable, affable);
- 3) смежная ЛСГ существительных, являющихся ключевыми единицами разных слоев антропометрической лексики (air, âme);
- 4) ЛСГ глаголов (to love, to feel, encourage);
- 5) ЛСГ наречий (tenderly, guiltily, hardiment, naivement).

Полученный состав ЛЕ данного ЛСП характера необходимо считать условным, включающим не все единицы, которые могли бы быть отнесены к характерологическому плану в силу открытости лексико-семантического поля, под которой понимается способность пополняться новыми элементами за счет вторичной номинации. Границы поля всегда нечетки, расплывчаты, а периферия поля — подвижна и неустойчива. Из-за изменений в обществе в языке часто происходит переосмысление значений. Лексические единицы приобретают другую коннотацию, в результате чего слово может навсегда выпасть из данного ЛСП.

Для большинства ЛЕ данного ЛСП характерно совмещение в рамках значения двух структур: объективной (собственно семантической) и оценочной, тесно связанной с прагматической функцией языка. В современных лингвистических исследованиях, ориентирующихся на взаимосвязь семантики и прагматики, большое внимание уделяется изучению оценочного значения, отражающего реакцию говорящего или пишущего субъекта на объект. Системообразующий фактор оценки проявляется в способности изучаемого поля устанавливать широкие связи с группировками антропометрической

лексики в плане интеллектуальной, психологической, этической, эстетической характеристики человека, его деятельности и поведения.

Анализ характерологических слов позволил выявить в их структуре две оценочные семы «хорошо» и «плохо», что позволяет говорить о существовании в данном поле двух эмоционально-оценочных подсистем: положительной (например, *delicate, tender, intelligence*) и отрицательной (например, *hypocrisy, selfishness, aplomb*). Но среди ЛЕ данной ЛСГ встречаются слова, имеющие как положительное, так и отрицательное значение. Эти слова требуют уточнения, конкретизации в контексте. Мы относим их к «амбивалентной» группе слов, например *irony, fantasie*.

Итак, выделенное нами ЛСП характера соответствует всем признакам лексико-семантического поля (в нём может быть выделено полеобразующее ядро и изменчивая периферия разной степени глубины), оно вступает в различные семантические связи с другими группировками антропометрической лексики и является одним из средств выражения признака антропометричности и в языке, и в речи.

Список литературы: 1. Кухаренко В. А. Интерпретация текста. М., 1988. 2. Солощук Л. В. Структурно-семантические и прагматические характеристики ремарок в драматургическом произведении (на материале английского языка): Автореф. дис. ... канд. филол. наук: К., 1990. 3. Хватова М. Ю. Стилистическая и семантико-синтаксическая характеристика авторских ремарок в французских драматургических произведениях XX века: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Л., 1989. 4. Виноградов В. В. О языке художественной литературы. М., 1959.

Поступила в редакцию 11.11.91

Н. Н. СТАРЦЕВА

СТРУКТУРНО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ МЕТАФОР РЕЧЕВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В СОВРЕМЕННОМ АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Взаимоотношения когнитологии и лингвистики определяются в значительной степени установившимся соотношением когнитивных и языковых аспектов в планировании речевой деятельности человека. Основополагающим принципом следует считать то, что основные свой-

ства языка отражают структуру сознания говорящего на данном языке, а производство и понимание высказываний происходит в рамках структуры процессов текущей мыслительной деятельности.

Механизм понимания высказывания основывается на сопоставлении содержащейся в этом высказывании семантической информации с фиксированными универсальными схемами, относительно которых осмысливается некоторое событие, ситуация или факт [1]. Набор этих фундаментальных схем невелик и определяется культурной парадигмой. Использование универсальных схем очевидно при создании когнитивных метафор. Как отмечают Дж. Лакофф и М. Джонсон, метафоры «встроены» в понятийную систему человека и управляют его действиями в конкретных проблемных ситуациях [2].

Акт интерпретации метафоры требует от коммуникантов понимания схемы социального общения, в рамках которой говорящий, полагаясь на знания, языковую компетенцию слушающего, его способность к осуществлению логического вывода, ожидает от адресата конструирования того, что он произносит, а также понимания причин, стимулировавших порождение данного метафорического высказывания.

Акт метафоризации некоторого когнитивного содержания является актом представления его как установившейся категории человеческого мышления, т. е. существование определенной метафорической единицы свидетельствует о том, что она является некоторой частью фрейма и должна соответствовать некоторой части схемы — целостной концептуальной структуры, отражающей определенные фрагменты реального мира.

Процесс вербализации в целом и метафоризации в частности неязыкового опыта подразделяется на три основных типа [1]: процессы, связанные с организацией содержания (говорящий определенным образом структурирует извлекаемый опыт — структурный аспект); процессы, связанные с оценкой говорящим состояния ума адресата и его рабочих возможностей в пределах конкретного контекста речи (являются определяющими для соответствующего представления содержания сообщения в доступной для восприятия форме — семантический аспект); синтаксические процессы.

В настоящем исследовании мы остановимся на структурно-семантических аспектах метафор речевой

деятельности. В современном английском языке метафоры речевой деятельности могут иметь форму:

- 1) однословных наименований различной частеречевой — глагольных, например *to backbite*, *to blackguard*, *to baptize*;
— адъективных, например *interrogativ* (e. g. *tone*);
— номинальных, например *a double-talk*, *a cross-examination*;
- 2) глаголов с постпозитивами, например *to blurt out*, *to back up*, *to blanch over*;
- 3) фразовых глаголов, например *to raise one's voice*, *to answer a charge*;
- 4) фразеологизмов, например *to cry one's wares*, *to cry craven*.

По степени мотивированности значения и семантической слитности фразеологизмы подразделяются на:
— сращения типа *to cry roast meat*;
— единства типа *to cry stinking fish*;
— сочетания типа *to cry halves/shares*;
— выражения типа *There's no use crying over spilt milk*.

Первые полностью утратили мотивировку значения, вторые сохранили прозрачную внутреннюю форму, константные компоненты обоих полностью переосмыслены [3, с. 53]. Сращения и единства объединяются термином «идиомы». Идиомы основаны на переносе значений, на метафоре, ясно осознающей говорящим. Они сродни образным метафорам стилистической окраской и эмоциональной насыщенностью.

Во фразеологических сочетаниях переосмыслиется только один компонент сочетания, формирование нового значения протекает при доминации значения опорного слова так же, как это происходит и в метафоре. Этот вид фразеологической единицы соотносим по характеру аналитического значения со свободными сочетаниями слов, а по структурно-семантической организации — с когнитивной метафорой.

Лишь фразеологические выражения, представляющие собой пословицы и поговорки, не находят себе аналогов среди метафор.

Приведенный схематический перечень структурных типов когнитивных метафор речевой деятельности показывает, что превалирующим средством выражения здесь является глагол, который может выступать в качестве когнитивной метафоры как самостоятельно, так и в со-

ставе словосочетаний различного рода. Имена прилагательные с семой метафоричности уступают глаголам в употребительности, которым, в свою очередь, уступают имена существительные, представляющие номинализованные предикаты.

В метафорах речевой деятельности с глагольным ядром используются глаголы широкого семантического диапазона — от содержащих сему речевой активности в своей структуре (например, *to ask obedience, to demand satisfaction*) до глаголов физической активности. Глаголы физической активности в сочетаниях с существительными с семой речевой деятельности порождают когнитивные метафоры, которые в своей структуре содержат указание на форму или характер осуществления последней, т. е. освещают ее содержательный аспект или внешнее проявление, собственно процесс говорения, звучания речи. Отдельно можно выделить метафоры, семантики глагольного ядра которых передает звукоподражательную активность. К внешнему проявлению речевой активности отнесем непосредственно процесс порождения речи (например, *to give an answer, to make a speech*). Метафоры, отражающие внешнюю форму, в которой протекает речевая деятельность, делают акцент на таких характеристиках последней, как интензивность, темп, последовательность, четкость речи или же ее прерывистость, витиеватость, высота звучания, желание или нежелание осуществить речевое действие, его вынужденный или добровольный характер, трудность порождения высказывания или его спонтанность и т. п., например: *to assail somebody with questions, to falter out an excuse, to bandy words with somebody*.

Внутреннее содержание речевой деятельности передается сущностными характеристиками последней — отраженной в образной форме основной задачей данного речевого действия, например восхваления, порицания, упрека, призыва, чтения морали и т. д. (*to pay somebody a compliment, to cast aspersion on somebody*).

Подводя итог сказанному, отметим, что когнитивные метафоры речевой деятельности демонстрируют широкую вариативность структурного оформления — от однословных наименований до словосочетаний и выражений. Среди фразеологических единиц когнитивные метафоры преобладают во фразеологических сочетаниях. В современном английском языке метафоры речевой

деятельности представлены в основном признаковыми и номинализованными предикатами, которые демонстрируют широкий семантический спектр.

Список литературы: 1. Чейф У. Л. Память и вербализация прошлого опыта // Новое в зарубежной лингвистике. М., 1983. Вып. 12. С. 35—74. 2. Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем // Язык и проблемы социального взаимодействия. М., 1988. С. 126—172. 3. Смирницкий А. И. Лексикология английского языка. М., 1956.

Поступила в редколлегию 14.11.91

Е. В. ТАРАСОВА, Л. Н. ЧЕРНОВАТЫЙ

О ПОНЯТИИ ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО ФРЕЙМА

В середине 60-х — 70-х гг. стремительное расширение теоретических знаний и всех сфер экспериментально-практических исследований (то, что сегодня мы называем НТР) повлекло за собой коренную перестройку всего стиля научного мышления. Начала складываться новая, «деятельностная», как ее называли философы, парадигма научного познания, которая, среди прочего, положила начало ломке традиционных, веками сложившихся границ между науками. Утверждение когнитивной методологии (когнитологии) произошло сначала в физико-математических науках; гуманитарные, в том числе и языкознание, отреагировали несколько позднее.

В лингвистике когнитивный сдвиг связывают обычно с 80-ми гг., переключившими исследовательские интересы на реальные процессы понимания и использования языка. В роли стимуляторов этих изменений выступили прикладные направления — компьютерное моделирование речи, создание программ автоматической обработки текстов, машинный перевод, а также потребности массового обучения иностранным языкам. Именно на этой базе, а также благодаря достижениям некоторых других сопредельных языкознанию наук, прежде всего психологии, информатики и нейрофизиологии, и возникла когнитивная лингвистика (КЛ). Благодаря присущей ей познавательной установке на учет «человеческого фактора» в языковой реальности, способствовавшей гуманитаризации языковедческой проблематики, КЛ сразу же была воспринята как составная часть новой интегрированной исследовательской стратегии, ко-

торая получила название «веда гумана» и которая в настоящее время бурно развивается на основе обширного конгломерата наук о человеке.

Основная идея, заложившая фундамент КЛ, состоит в том, что язык существует не в вакууме, а является неотъемлемой частью триады «мышление — язык — познание». Поэтому главной своей задачей сторонники этого направления считают изучение сложных, многопараметрических взаимосвязей между мыслью, языком и действительностью.

Другая центральная мысль, лежащая в основе КЛ, заключается в том, что язык рассматривается прежде всего как инструмент организации, обработки и передачи информации. Когнитивные лингвисты исходят из убеждения, что информация и коммуникация — это две стороны одного и того же явления. Поэтому проблемы значения, смысла закономерно стоят в центре внимания когнитивного направления. Однако принципиально новый подход к этой проблеме, принятый в КЛ, в отличие от других направлений в языкознании состоит в том, что КЛ связывает значение с концептуализацией, ментальным опытом говорящего, когда смысл языковых единиц и выражений оказывается как бы «вплетенным» в определенные концептуальные системы (схемы), отражающие познавательный опыт их носителей, фиксируемый в языке. В результате в работах этого направления все более отчетливо звучит мысль об интерпрации ментальной и вербальной репрезентации знаний [22; 9; 12; 24], о бесперспективности противопоставления знания языка знанию мира, семантики и прагматики, убедительно демонстрируется, что разграничение теорий *competence* и *performance* уводит нас в сторону от рассмотрения фундаментальной связи языка и мира, выяснения роли языка в процессе познания. Когнитивный подход к языку как раз исходит из идеи о неразрывности происходящих в человеческом сознании процессов, определяющих построение и понимание языковых сообщений, и из того, что понимание некоторой новой ситуации сводится прежде всего к попытке найти в памяти знакомую ситуацию, наиболее сходную с новой.

Отсюда то пристальное внимание, которое уделяется в когнитивной науке вообще и в КЛ в частности проблемам концептуальной организации и представления знаний. Актуальность данной проблематики породила даже такие особые направления внутри когнитологии,

как «инженерия знания», «когнитивная архитектура» [15], «архитектоника познания» [2] и др.

В настоящее время для обозначения различных видов структур знания предложены самые разнообразные термины. Хронологически первый и самый широкоизвестный — это фрейм [26]. В ходу также такие обозначения, как схема [16; 30], сцена [19], глобальная модель [6], сценарий [13], псевдотекст [36], когнитивная модель [24], основа [25], матрица и др. Все они так или иначе представляют собой определенным образом структурированное знание о положении вещей в мире — реальном или воображаемом.

Как видим, понятие фрейма, природа и функционирование фреймоподобных структур занимает в КЛ важное место. Фреймы бывают разные. Есть фреймы *абстрактные* (конструктивистские) — исходные структуры в смысле Серля [32], к которым обращается интерпретатор, если в процессе коммуникации ему надо ответить на вопрос: почему в языке существует категория, представленная данной формой? Есть фреймы *интерпретационные* — ситуативные фреймы в смысле Минского [26], помогающие ответить, почему говорящий выбрал именно данную форму в данном контексте.

Следует, однако, отметить, что, несмотря на явную «моду» на фреймы, в существующих на эту тему исследованиях по сути не затрагивается вопрос о наличии непосредственной связи между понятийными фреймами как средствами организации опыта и языком.

Причина может быть в том, что фреймы фигурировали до сих пор преимущественно в исследованиях по искусственному интеллекту и когнитивной психологии (но не собственно в лингвистике), где фрейм воспринимался только как концептуальный каркас для представления знания в компьютере, но не как инструмент объяснения, например, лексических и грамматических значений. Можно заключить, таким образом, что концепция *лингвистического фрейма* практически не разработана.

Выход фреймовой проблематики из рамок психологии и теории искусственного интеллекта в лингвистическую область связан, по нашему убеждению, с использованием языкового, или, шире, информационного моделирования. «Наше восприятие есть модельное восприятие мира» [5, с. 28]. Собственный опыт человека, языковые и практические знания представлены в его памяти в качестве неосознанных опорных образований, кото-

рые являются результатами многократных обобщений, накопленных как отдельными индивидами, так и языковой общностью в целом в процессе разнообразной деятельности, в том числе речевой.

Языковое моделирование является, как известно, эффективным и широко распространенным приемом познания языка как деятельности системы. Однако в последнее время лингвисты все чаще стали задумываться над тем, в какой мере разрабатываемые ими модели описания языка (в частности, для целей обучения) соответствуют реальным возможностям и особенностям его функционирования в индивидуальном и коллективном сознании. Одним из симптоматических проявлений внимания лингвистики и лингводидактики к говорящему человеку следует считать переход от исследования речевых произведений как таковых к исследованию процессов их производства и факторов, определяющих эти процессы, к выяснению того, «как выглядит язык» в мозгу человека, в какой форме заложен он в сознание и обеспечивает речемыслительную деятельность.

Так, в сфере обучения иностранным языкам большинство применявшихся до недавнего времени моделей отличались схематичностью, при которой внимание сосредоточивалось на формальной структуре отдельных единиц и выражений, но не на основных мыслях, идеях, ключевых понятиях, что порождало изолированность и разобщенность разных звеньев языковой системы в языковом сознании обучаемого. Формирование языкового сознания при этом резко отличалось от того, как это происходит при овладении родным либо иностранным языком в естественных условиях [32]. Отрицательные последствия традиционного подхода к языковому моделированию связаны, таким образом, с тем, что становление языкового сознания учащегося происходило в виде усвоения некоторого фрагментарного искусственного кода, имевшего мало общего с тем, как это происходит у носителей языка [14]. Основная причина этого, по нашему мнению, заключается в том, что традиционные лингводидактические модели мало коррелируют с нейро- и психолингвистическими моделями языковой памяти человека. Все это делает весьма актуальным поиски иных, альтернативных традиционным моделям естественного языка, призванных осуществить переход от гипотетического списка формальных и часто абстрактных характеристик поверхностных структур языка к вы-

явлению универсальных составляющих речемыслительной деятельности. Создание моделей такого рода можно отнести к выделяемой А. Р. Лурия особой области исследований, которую он именует «нейролингвистикой» и основную задачу которой видит в познании факторов, лежащих в основе логико-грамматической организации речи.

В области КЛ насущная задача состоит сегодня в том, чтобы, выйдя за пределы узкого, чисто прагматического понимания языковой действительности, стремиться к созданию особых *интегративных моделей*, которые позволяли бы лучше соотносить друг с другом упорядоченность мышления, отраженную в системе языка, и хаос жизненных ситуаций и индивидуальных психологий, отраженных в речи. В последние годы требование разработки таких динамических интегрированных междисциплинарных моделей, способных учитывать двустороннюю направленность процесса коммуникации — по линии «система — речь» и «речь — система», звучит все отчетливее у языковедов различных направлений (например, [21; 27; 20; 7 и др.]). В конечном счете перед когнитивистами ставится задача воспроизведения в когнитивной модели такого способа переработки языкового материала, который по своему результату не сильно отличался бы от того, как знание существует в человеческом сознании.

По целому ряду присущих им особенностей такие модели представляется возможным соотнести и с термином фрейм. Понятие фрейма подразумевает хранение в языковом сознании и памяти определенной концептуальной схемы, содержащей системы фреймов, способных мгновенно актуализироваться в процессе порождения высказывания в зависимости от ситуации. По своей природе эти структуры — не лингвистические, а когнитивные, которые опираются, однако, на знаковые возможности того или иного языка. Можно предположить далее, что эти концептуальные семантические схемы, являющиеся основой языкового сознания, формируются как смысловые образования полевого характера.

Интересно рассмотреть в данной связи ряд аргументов, свидетельствующих в пользу фреймовой природы языкового поля, а также обсудить роль языкового поля как инструмента организации, обработки и передачи информации (знаний) и попытаться определить место

полевой методики в общем концептуальном аппарате КЛ.

Первым, кто отметил связь, существующую между понятиями фрейма и языкового поля, был Филлмор в 1985 г., у которого, правда, речь шла о чисто лексических полях в понимании Трира и Вейсгербера. Полностью разделяя убеждение Филлмора в том, что понятие фрейма может быть построено на достоинствах лингвистической теории поля [18, с. 217], рискнем высказать по этому поводу некоторые соображения.

Нам представляется, что лексические поля Трира и Вейсгербера, если и могут рассматриваться как фреймы, то, скорее, как такие, которые создаются языком, но не отражаются в нем. Иными словами, определенные лексико-семантические области (например, цветообозначения, термины родства и т. п.) интерпретируются в лексических полях только как собственно языковые феномены — их существование полностью зависит от связанных с ними языковых выражений. Их можно считать поэтому чисто языковыми, но не когнитивными моделями. В противоположность этому поля более сложные — грамматико-лексические или функционально-семантические — представляются нам более «полноценными» и высокоуровневыми фреймами, так как являются моделями одновременно и концептуальной, и языковой обработки действительности. Почему такое поле с большим основанием, на наш взгляд, считать единицей когнитивного моделирования? Потому что оно имеет когнитивное основание — план содержания, представляющий собой ментальное пространство — единую схематизацию опыта или знания. Однако в силу неразрывной связи языка и мышления оно не может существовать без языка — плана выражения. Особое лингвистическое содержание поля в том, что оно дает представление о вкладе, который вносят в семантику языкового выражения отдельные слова и структуры.

План содержания и план выражения поля соотносятся так же, как противостоят друг другу глубинная и поверхностная структуры. Первое (план содержания) отражает наши «знания о мире» — «общие схемы» как результат генерализации. Это — уровень мышления, в котором «происходят постоянные рекомбинации для образования новых концептов или модификаций прежних представлений, их уточнение в связи с новыми знаниями, новым опытом» [3, с. 47]. К этой информационно-

концептуальной системе можно применить термин Н. И. Жинкина — универсально-предметный код (УПК). В содержательной основе поля существует, однако, и инвариант смысла, который и является собственно глубинной структурой.

План выражения поля — это поверхностные структуры, отражающие средствами языка операции, совершающиеся в концептуальной системе человека в процессе восприятия и порождения речи. План выражения можно представить как своеобразный «банк данных» — упорядоченное множество извлеченных и бесконечных массивов разнообразных текстов и «записанных в памяти» речевых фактов (единиц, структур, выражений и т. д.), которые можно «запрашивать» в языковой памяти с соответствующими целевыми установками.

Данная трактовка поля как когнитивной языковой модели перекликается с концепцией М. Пешеля [10], который считает необходимым различать семантическую и синтаксическую стороны построения моделей. Семантика модели — это ее содержание, смысл. Эта сторона вряд ли поддается формализации. Синтаксис модели — «сосуд для семантики» — совокупность формальных средств для представления ее опорной информации.

Так, например, в семантической основе исследованного нами поля темпоральности лежит понятие хроногенеза (введенное Гийомом [19]), которое можно определить как «мыслительную операцию по конструированию времени», как некоторую ментальную хронометрическую модель, служащую для упорядочения идеализированных событий и несущую на себе, кроме прочего, отпечаток национального и возрастного своеобразия в восприятии реального времени.

В плане же выражения поле времени опирается на гетерогенную совокупность разнородных средств, набор и природа которых определяется системой правил предпочтения, присущих данному естественному языку. Таким образом, функционально-семантическое (грамматико-лексическое) поле-фрейм построено на представлении о речевой упорядоченности как результата когнитивной обработки отраженного в коллективном и индивидуальном сознании человеческого опыта.

Основными требованиями, предъявляемыми к когнитивной модели в рамках фреймового подхода, Лангекер считает следующие. Это должна быть строгая (austere) концептуально унифицированная прототипическая мо-

дель, представляющая собой сетку категорий и отношений между ними. Это должна быть модель таксономическая, предполагающая категоризацию определенного участка языка, а также многомерная и эмпирически надежная (empirically-reliable) [25]. Э. Рош [29] и Дж. Лакофф [6] в своей теории фреймов выделяют и такие признаки, как гетерогенность состава (heterogeneous membership), нечеткость (fuzziness), а также центральность (central tendency) — наличие элемента, обладающего максимальным числом признаков моделируемого содержания. В качестве важного аспекта когнитивной модели выделяется также обязательная способность к расширению, обеспечивающая возможность вводить все новые знания в уже построенную схему.

Все перечисленные признаки присущи полевой языковой модели. Она обладает логико-методологической универсальностью и представляет собой сетку категорий, которая может накладываться в принципе на любой участок действительности. Семантические признаки, лежащие в основе поля, образуют устойчивую базу, исходя из которой осуществляется мыслительная деятельность говорящих, а следовательно, и их коммуникативная деятельность.

Поле с полным основанием можно считать также синтезирующей интеграционной моделью, так как, отражая концептуально-речевые операции, она успешно сочетает в себе модели языковой компетенции и языковой деятельности. Прямая и обратная связь между механизмами языковой и мыслительной деятельности являются отличительными признаками этой динамичной модели. Важно подчеркнуть, что, в отличие от большинства авторов, в чьих трудах рассматривается и уточняется полевая модель языковой системы, мы считаем необходимым говорить о *полевой модели речемыслительной деятельности*.

Правомерность такой постановки вопроса вытекает также из того, что «полевая модель хорошо совмещается с современными представлениями об устройстве и функционировании коры головного мозга человека» [11, с. 8]. Как известно, группировка языковых единиц в памяти человека по полевому признаку была теоретически и экспериментально обоснована как психологами [4; 8], так и нейрофизиологами. Согласно гипотезе Блума [1], например, ассоциативную кору головного мозга, функцией которой считается образование ассо-

циативных связей между специализированными областями мозга и интеграция приходящей из них информации, образуют сложные многоклеточные ансамбли. Основная единица таких ансамблей состоит, предположительно, примерно из сотни связанных нейронов всех слоев коры. В такие колонки входят четыре типа нейронов, отличающихся по функциям, связанным с приемом и передачей сигналов. Для переработки информации ряд сходных в своей основе вертикальных структур объединяется в более крупное образование — модуль.

Предполагается, что модули образуют сложные системы, по которым информация циркулирует между кортикальными, субкортикальными мишенями и корой. Такие системы обеспечивают упорядоченное повторное поступление информации в вертикальные ансамбли. Каждая из систем, выполняя одну главную функцию (например, переработка зрительной, слуховой или двигательной информации), включает также подгруппы вертикальных единиц. Каждая подгруппа, в свою очередь, связана со сходными подгруппами других систем, выполняющих другие функции. Сложно переплетенные подсистемы таких подгрупп образуют своего рода сеть, широко разветвленную по всей коре [1, с. 193—194]. Согласно этой гипотезе сложно переплетенная система модулей в коре головного мозга в любой данный момент имеет как внутреннюю (повторную), так и внешнюю (об окружающем мире) информацию. На основе этих двух видов информации мозг осуществляет постоянный пересмотр воспринимаемых образов, сравнивает и тестирует реальность, что позволяет объединить образ, сложившийся на основе переработки предшествующей информации, с текущим образом внешнего мира и соответственно внести коррективы в ранее существовавший [1, с. 194].

Все это дает основание признать нейролингвистическую и психическую реальность полей как когнитивных фреймподобных образований, выступающих в качестве фона речевой деятельности. Если допустить, что поля существуют в индивидуальном и коллективном сознании носителей языка, аккумулируя, по выражению Лосева [7], «кумулятивную энергию речевого потока», то их когнитивная роль проявляется в том, чтобы организовывать и контролировать обработку информации в сознании и памяти говорящего и слушающего (обучаемого), актуализировать необходимое эпизодическое и более об-

щее семантическое знание, требующееся в конкретной ситуации. Кроме того, теоретико-познавательную сторону фреймообразной полевой модели нельзя отделить от присущей ей функции управления, ибо модель, построенная подобно полю на системно-функциональном принципе, «должна быть существенным вспомогательным средством для отыскания решений» [10, с. 12].

Подытоживая сказанное, можно сделать вывод о том, что языковое поле представляет собой интегратор информации, это по сути фрейм, но, в отличие от описанных ранее «классических» фреймовых структур, это *фрейм второго порядка*, фрейм лингвистический, который учитывает и язык, ибо интегрирует ментальную и вербальную репрезентации знания. Будучи формой дискретизации и категоризации внеязыкового опыта средствами языка, стратегическая полевая модель лучше других отражает диалектическое единство отражения, общения и познания, и в этом ее эвристическая ценность применительно к целям и задачам когнитивной лингвистики.

Мур и Карлинг [27] считают, что фрейм как модель знаний, используемая в процессе языкового функционирования, не является статическим «хранилищем информации», ведь использование языка в изменяющихся условиях коммуникации требует от человека обращения к постоянно адаптирующейся базе данных. Диахроническое изучение поля времени в английском языке привело нас к аналогичному выводу, а именно: поле следует рассматривать как изменяющийся феномен, как категорию исторического характера, динамическое образование, подверженное историческим сдвигам. Это естественно, ибо хроногенез отражает реальное время на уровне понятий, которые не остаются неизменными по мере развития человеческих знаний и представлений о временных отношениях объективной действительности. Соответственно меняется и план выражения. Наши данные показывают, что поле времени обнаруживает в своем историческом развитии способность к своего рода саморегуляции; оно обладает внутренними законами и механизмами развития, благодаря которым приводятся в соответствие противоречия между функциональным назначением его единиц и его системной организацией. Поле темпоральности выступает, таким образом, как многомерная, процессно-ориентированная фреймообразная модель, отражающая «логику» организации и раз-

вития (генезис) той категории, того участка действительности, который оно моделирует.

Когнитивную основу и функционально-адаптивный характер полевой модели можно проиллюстрировать также данными Вейста [34] по формированию фрейма темпоральности в сознании и речи англоязычных детей. Этот механизм включает, по наблюдению автора, четыре этапа, представляющих четыре системы времени, которыми пользуется ребенок на разных этапах усвоения родного языка: 1) время момента речи (speech time — ST); 2) время события (event time — ET); 3) референтное время — ограниченная система (reference time restricted — RTr); 4) референтное время — свободная система (reference time free — RT) [34].

Система ST действует в сознании ребенка до 1,5 — 2 лет. В этой системе время момента речи является единственным функциональным временным понятием. В пределах этой системы дети кодируют в языке события так, как они произошли в момент речевого акта, а точка временного отсчета совпадает с моментом речи.

Система ET начинает формироваться в 1,5 — 2 года. Так как точка отсчета времени на этом этапе по-прежнему совпадает с моментом речи, то ET имеет два функциональных временных понятия — «время момента речи» и «время события». Дети употребляют прошедшее время, но при этом не указывают эксплицитную точку отсчета (например, «вчера», «неделю назад» и т. д.). На основе их высказываний можно только сделать вывод о том, что они располагают некую ситуацию на временной оси как предшествующую моменту речи. Например: «Egpie fell off» (кукла Эрни только что упала) или «Mummy painted the wall» (мама покрасила стену два месяца назад) [34, с. 7].

Система RTr начинает формироваться в 2,5 — 3 года. Точка отсчета отделяется от момента речи. Первоначально временные конфигурации в пределах данной системы ограничены. Точка отсчета либо продолжает оставаться в моменте речи (как это имеет место в Present Perfect), либо же включает время события. У ребенка сформировано понятие о всех трех временах, но он в состоянии согласовать только два временных интервала. На этом этапе ребенок начинает употреблять наречия времени и обстоятельственные обороты для выражения точки отсчета (например, «вчера», «завтра»). Но даже если такие средства употребляются, времен-

ной интервал не всегда соответствует аналогичному понятию взрослых, т. е. субъективное восприятие времени ребенком на этом этапе может оставаться достаточно нечетким. Например, ребенок в 2,5 года: говорит «You came here last night when my mother was ironing», хотя событие произошло не вчера вечером (last night), а несколько месяцев назад. На этом этапе RTг ограничена двумя временными интервалами, т. е. либо RTг совпадает с ET и предшествует или следует за моментом речи, либо ET предшествует или следует за RTг, совпадающим с моментом речи. При этом последовательность простых предложений (в составе сложных) в речи детей ограничивается последовательностью событий в реальном мире, и это ограничение действует, по меньшей мере, до 4,5 лет, когда устанавливается свободная система референтного времени (RT) [34, с. 62].

Система RT предполагает способность манипулировать понятиями ST, ET и RTг независимо друг от друга. Дети начинают противопоставлять предлоги «до» и «после», употреблять Past Perfect, что требует координации трех временных интервалов. Такая способность, как установлено на материале усвоения различных языков [34; 17; 31; 33], формируется не раньше 4 — 4,5 лет, хотя и позже дети могут испытывать трудности в конструкции сложных предложений со свободным порядком главного и придаточного предложений.

Согласно предположениям, система ST функционирует на основе понятийной категории «постоянство объекта», а для функционирования системы ET необходимо наличие способности «вызывать» какую-либо ситуацию из памяти и осознавать, что эта ситуация была до наступления ST. Система RTг становится возможной только после овладения способностью переносить точку отсчета времени с момента речи на любую другую точку в прошедшем или будущем, т. е. ребенок должен быть способным отказаться от эгоцентрической точки зрения. Наконец, система RT может функционировать только на основе сформированной способности к серийности (установлению последовательности объектов, событий и т. д.) и способности к обратимости (изменению порядка следования объектов, событий и т. д.).

Формирование всех этих способностей, вероятно, связано с усложнением связей между модулями коры головного мозга и соответственно формированием фреймов (полей) в сознании.

В целом принятие фреймового статуса языкового поля существенно расширяет, на наш взгляд, возможность применения данной модели и способно задать новые направления как собственно лингвистическим, так и лингводидактическим изысканиям.

Список литературы: 1. Блум Ф., Лейзерсон А., Хорстедтер Л. Мозг, разум, поведение. М., 1988. 248 с. 2. Брутян Г. А. Лингвистическое моделирование действительности и его роль в познании // *Вопр. философии*. 1972. № 10. С. 89—96. 3. Горелов Н. И. Вопросы теории речевой деятельности. Таллин, 1987. 4. Залевская А. Л. Психолингвистическое исследование принципов организации лексикона человека: Дис. ... д-ра филол. наук. М., 1980. 5. Каменская О. Л. Текст и коммуникация. М., 1990. 6. Лакофф Дж. Лингвистические тешталты // Новое в зарубежной лингвистике. М., 1981. Вып. 10. С. 350—368. 7. Лосев А. Ф. В поисках построения общего языкознания как диалектической системы // *Теория и методология языкознания. Методы исследования языка*. М., 1989. С. 5—93. 8. Лурия А. Р. Язык и сознание. М., 1979. 9. Павленко Р. И. Проблемы смысла. М., 1983. 10. Пешель М. Моделирование сигналов и систем. М., 1981. 11. Полевые структуры языка. Воронеж, 1989. 12. Чесноков П. В. Логические и семантические формы мышления как значение грамматических форм // *Вопр. языкознания*. 1984. № 4. С. 5—14. 13. Abelson R. P. Difference between belief and knowledge systems // *Cognitive Science*. 1979. N 3. P. 355—366. 14. Allen T. P. B., Widdowson H. Teaching the Communicative Use of English // *Cognitive Science*. P. 122—142. 15. Anderson J. R. The architecture of cognition. Cambridge, 1983. 16. Barlett F. Remembering. Cambridge, 1932. 17. Bowerman M. The acquisition of complex sentences // *Language Acquisition*. 1979. P. 18—29. 18. Dressler W. U. Current Trends in Textlinguistics. Berlin; N. Y., 1981. 19. Fillmore Ch. J. Frames and the semantics of understanding // *Quaderni di semantica*. 1985. Vol. VI. N 2. P. 222—254. 20. Guillaum G. Leçons du linguistiques. Québec; Paris, 1971. 21. Halliday M. A. K. An Introduction to Functional Grammar. London, 1985. 22. Hartung W. Tätigkeitsorientierte Konzepte in der Linguistic. Ergebniss, Arenzen, Perspektiven. Zeitschrift für Germanistic. 1982. N 4. P. 400—427. 23. Janlert L. E. Studies in knowledge representation. Modelling change—the frame problem. Pictures and words. Univ. of Umea, 1985.—XVI. 24. Lakoff G., Johnson M. Metaphors We Live By. Chicago, 1980. 25. Langacker R. W. Space Grammar Analysability and the English Passive // *Language*. 1985. 26. Minsky M. A framework for representing knowledge. // *The Psychology of Computer Vision*. N. Y., 1975. P. 211—277. 27. Moore T., Carling Ch. Understanding language: Towards a post—Chomskyan linguistics. London, 1982. P. 219—222. 28. Motsch W. Soziale Funktionen und psychologische Bedingen als Erklärungs—hintergrund der Grammatik theorie // *Deutsche Zeitschrift für Philosophie* 31. Jg., 1983. N 1. P. 80—91. 29. Rosch E. H. On the internal structure of perceptual and semantic categories // *Cognitive development and acquisition of language*. N. Y., 1973. P. 111—144. 30. Rumelhart D. E. Introduction to human information processing. N. Y., 1977. X. P. 266—275. 31. Smoczynska M. Acquisition of Polish // *The Cross—Linguistic Study of Language Acquisition*. 1985. P. 36—49. 32. Searle J. R. Background meaning // *Speech Act*

Theory and Pragmatics. 1980. P. 221—232. 33. Trosborg A. Children's comprehension of "before" and "after" reinvestigated // Journal of Child Language. 1982. Vol. 9. P. 381—402. 34. Weist R. M. Time concepts in language and thought. // Psychological Time: A Life Time Perspective. Cambridge, 1987. 35. Widdowson H. The teaching of English as Communication. // The Communicative Approach to Language Teaching. Oxford, 1979. P. 117—121. 36. Wilks G. Natural Language Understanding System within AI Paradigm // Linguistic Structure Processing. Amsterdam, 1980. P. 341—398.

Поступила в редколлегию 11.11.91

Т. Н. ТЕСЛЕНКО, канд. филол. наук,

С. А. СКОРОХОДЬКО, канд. филол. наук

ПЕРЕДАЧА НАЦИОНАЛЬНОГО КОЛОРИТА ПРИ ПЕРЕВОДЕ ФАНТАСТИЧЕСКИХ ЖАНРОВ

Одной из проблем воссоздания жанрового своеобразия оригинала является передача его национального колорита. В жанрах фантастической литературы национальный колорит проявляется в различной степени: от максимально полной (в волшебной сказке, былине, поверье, мифе, легенде) до значительной (в утопии, антиутопии) и минимальной (в научной фантастике, «фэнтэзи»).

Хотя национальный колорит реализуется в тексте через комплекс лингвостилистических средств, однако важнейшим его носителем справедливо считают реалию [3, с. 55]. Вслед за Р. П. Зоривчак мы определяем реалию как «моно- и полилексемную единицу, основное значение которой вмещает (в плане бинарного сопоставления) традиционно закрепленный за ней комплекс этнокультурной информации, чужой для объективной реальности языка перевода» [4, с. 58].

Реалии в фантастических жанрах делятся на два типа: фантастические (волшебные) и бытовые (которые, собственно, и передают национальный колорит). Среди бытовых реалий в таких жанрах, как волшебная сказка и научная фантастика, отчетливо различаются следующие: а) этнографические (кафтан, свитка, онучи, вареники, паланица, горилка, сопилка); б) социальные (слобода, волость, царство, боярин, воевода, пан, казак, лорд, леди, пилигрим, красная девица);

в) ассоциативные (чисто поле, уста сахарные, скатерти браные, добрый конь).

Весьма многочисленную группу бытовых реалий составляют модально-междометные фразеологические единицы с окказиональными преобразованиями (так называемая «образная брань» с фантастической и волшебной семантикой): “Sizzling Saturn, Jumping Jupiter” [7, с. 56] “Nothing in the Universe, Great Galaxy, Holy Space, Great Time” [8, с. 6].

При употреблении в речи фантастических персонажей они резко усиливают эмоционально-экспрессивную окраску высказывания, причем выражают одновременно и фантастический, и национальный колорит. Наиболее удачным способом перевода подобных реалий можно считать функциональный аналог, основанный на национальных образцах: «Спопели його Сатурн, покарай тебе Юпітер, ніщо у Всесвіті» [1, с. 89] «Разрази меня Сатурн, Юпитер тебя возьми» [2, с. 103].

В современном переводе общепринятым является положение о недопустимости или крайней нежелательности подмены национального колорита [3, с. 101]. Наиболее часто заменяются реалией языка перевода бытовые реалии — названия мер длины, веса, обращения и формулы именования, названия пищи: «верста, придворная боярыня, водка» превращались в “league, lady in waiting, brandy” [10, с. 143]. Можно даже обнаружить обращение царя к подданным: “Oh, Boyars and gentlemen» [10, с. 208].

Фондом моделей для замены или компенсации реалий при переводе могут служить другие средства создания национального колорита: а) архаизмы и устаревшие слова (провещала ему змея, персты, детище, thee, lo and behold); б) возвышенная лексика, народно-поэтические словосочетания (писаный красавец, заморский гость, *my bonny lass*); в) разговорные и просторечные формулы (всем на диво, авось).

В качестве удачной попытки компенсировать стилистическую окрашенность фольклорных единиц оригинала можно привести перевод стилизованной под английскую народную балладу речи Отшельника на фантастической планете в повести Р. Шекли «Обмен разумов»: “The Hersaid: “Ere this moment came, a flight of geese Passed low o’erhead, presaging woe; The refuge and disconsolate owl did pass. This hid’n place of mine,

bereft of that which nature freely gives but man denies! The stars are silent when they light our home: The trees themselves proclaim the flight of kings" [9, с. 64].

Устаревшие грамматические формы и отступления от грамматической нормы компенсируются в переводе лексическими средствами: «Отшельник произнес: «Пришел тот час, когда навеет скорбь крик стаи журавлей, летящей вдаль; сова-беглянка минет стороной печальный мой приют, лишенный благ,— что дарит небо, отнимают люди! Мерцают звезды, молча глядя в окна; о бегстве королей вещает шумом лес».

«Он говорит,— перевело яйцо ганзера,— что почувствовал, что вы придете именно этой дорогой» [6, с. 264].

Стилизация фантастического текста под национальные особенности такого фольклорного жанра, как английская народная баллада, сюжетно значима — Отшельник дает понять главному герою, что он также родом с Земли. Отсюда и важность сохранения национального колорита. Однако в данном случае можно говорить о подмене национального колорита, так как в переводе прослеживается тенденция на поэзию периода русского классицизма.

Подмену или снижение национального колорита можно наблюдать и в переводах украинских сказок. Одной из особенностей народной речи является использование существительных и прилагательных с уменьшительными и ласкательными суффиксами: «серденько», «варенички», «хазяйствечко», «короленко», «поганеньке плаття».

Как правило, переводчики не пытаются найти средства компенсации таких форм и переводят их нейтральными соответствиями: «Був собі дід та баба, а в їх не було дітей. І дід журиться, і баба журиться: «Що ми під старість робитимем, що нам бог дітей не дає?» От раз баба й каже дідові: «Поїдь тай поїдь, діду, у ліс, вирубай мені деревинку та зроби колисочку, то я й положу деревинку в колисочку та й буду колихати; буде мені забавка!» [5, с. 144].

"Once upon a time there lived an old man and an old woman. They had no children and no one to look after them in their old age, and this made them very sad indeed. One day the old woman said to the old man: "Go to the forest, Old Man, and cut down a tree. We'll make a little cradle, I'll put a stick of wood in it, and

I'll rock the cradle and amuse myself this way" [10, с. 95].

Таким образом, очевидно, что, с одной стороны, перечисленные средства создания национального колорита (помимо реалий) составляют дополнительную трудность для переводчика. С другой стороны, многие из них имеют параллель в языке перевода или для них могут быть найдены в нем фольклорные средства компенсации (устаревшие и разговорные формы, как лексические, так и грамматические, оценочная фольклорная лексика). Адекватное использование этих средств является способом компенсации тех реалий, воспроизведение которых в переводе затруднено или невозможно.

Список литературы: 1. Азімов А. Я, робот: Наук-фантаст. оповідання / Пер. з англ. Д. Грицюка. К., 1987. 2. Азімов А. Я, робот // Три закона роботехники. М., 1979. С. 35—270. 3. Влахов С., Флорин С. Непереводимое в переводе. М., 1986. 4. Зорівчак Р. П. Реалія і переклад (на матеріалі англословянських перекладів української прози). Львів, 1989. 5. Калинова сопілка. Антологія української народної творчості: Казки, анекдоти, легенди, перекази, оповідання. К., 1989. 6. Шекли Р. Рассказы. Повести / Пер. с англ. М., 1968. 7. Asimov I. I, Robot. N. Y., 1968. 8. Asimov I. The Martian Way and Other Stories. N. Y., 1956. 9. Sheckley R. Mindswap. L., 1973. 10. Ukrainian Folk Tales // Translated by I. Zhelezнова. Kiev, 1985.

Поступила в редколлегию 14.11.91

*Т. М. ТИМОШЕНКОВА, канд. филол. наук,
А. В. РЕБРИЙ*

К ВОПРОСУ О КАЧЕСТВЕННОЙ ОЦЕНКЕ КАК ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ КАТЕГОРИИ

Качественная оценка как понятийная категория представляет несомненный интерес, а ее различные аспекты (философский, психологический, лингвистический) — широкое поле для исследования. Имеющиеся работы, в той или иной степени затрагивающие ценностную проблематику (Вольф (1985), Телия (1986), Азнаурова (1988), Арутюнова (1981), Сапир (1944), Вендлер (1981) и др.), не исчерпывают, на наш взгляд, всего спектра проблем, связанных со статусом данной категории в общей системе знаний.

Оценка является средством выражения отношения говорящего к действительности, основанного на соци-

ально обусловленной системе положительных ценностей.

С философской точки зрения, ценностью является любое качество предмета, представляющее определенный интерес. Ценности как предметные (все многообразие объектов человеческой деятельности, общественных отношений и природных явлений), так и субъективные (способы и критерии, на основании которых производится оценивание: оценки и установки, императивы и запреты, цели и проекты) относятся к сугубо социальным явлениям. Достоинство каждого предмета или поступка оценивается обществом как добро или зло лишь в связи с общественной практикой человека [4, с. 462].

Логика оценки предусматривает четыре основных компонента: субъект, предмет (объект), характер и основание.

По своему характеру оценки могут быть абсолютными (по шкале: плохо — безразлично — хорошо) или относительными (по шкале: хуже — равноценно — лучше).

Очевидно, что понятий абсолютно безразличных для оценки не существует. О безразличном можно говорить лишь по отношению к определенному субъекту, когда тот или иной предмет, явление или поступок исключается говорящим из его интересов [2].

Оценка как социальная категория опирается на такие понятия, как мораль, догма, большей частью связанные с эмоциями.

Человечество традиционно увязывает свои моральные требования с представлениями о прекрасном. Любое общественное явление, поступок или мотив человеческой деятельности обладают одновременно эстетическим и этическим значением (ценностью) и могут быть оценены, с одной стороны, как прекрасное или безобразное, а с другой — как добро или зло.

Любая оценка всегда субъективна, особенно в тех случаях, когда человек является не только субъектом, но и объектом познания и оценивания. Согласно результатам психологических исследований (Тажиури, Брунер, Блейк) отношение человека к вещам устанавливается и правильно оценивается обычно быстрее, чем отношение к людям.

Правильное понимание человека образуется у общающихся с ним людей при не очень длительном и, главное, не очень тесном знакомстве, иначе при оцени-

вании решающим оказывается субъективный фактор (так называемый «эффект ореола»).

Механизм оценки достаточно сложен. Человек может оцениваться с точки зрения его соответствия эстетическому идеалу, имеющемуся у воспринимающего; требованиям его деятельности; (обобщения) соответствия его личностных качеств критериям, предъявляемым к представителям того или иного класса (оценочные стереотипы).

При этом личный взгляд человека на других людей всегда несет на себе печать его собственных черт.

В результате личных особенностей восприятия действительности у индивида при оценивании им других людей может иметь место как идеализация, так и субъективное преувеличение негативных черт.

Оценка как лингвистическое понятие может интерпретироваться следующим образом: «а» (субъект оценки) считает, что «б» (объект оценки) — хороший/плохой [1, с. 5].

Имеются целые классы слов, предназначенные для выражения оценки. Это, прежде всего, прилагательные и наречия, эксплицитно выражающие значения «хорошо — плохо», «хуже — лучше». Эффективным средством выражения оценки являются также глагол и существительное, занимающие периферийные позиции в ФСП качественности, ядро которого составляют адъективные модели.

Качественная характеристика субъекта в номинальных и глагольных структурах утверждается через указание на то, что субъект является исполнителем тех или иных действий, отличается теми или иными свойствами или склонностью к выполнению каких-либо действий (номинальные конструкции), либо через называние действий, состояний, отношения субъекта оценки к своим действиям (глагольные конструкции). He was a liar. He never said a word of truth in his life. (Thomas)

Способы выражения оценки удобно показать на примере отглагольных существительных со значением «имя лица», объединяющих в своей смысловой структуре именную и глагольную семантику и способных передать многообразную гамму оценочных значений за счет реализации своей именной валентности.

1. Значение качественной оценки реализуется, прежде всего, за счет основы исходного глагольного слова.

A murderer is seldom content with one crime. (Christie)

В ряде случаев в производных словах приращение оценочных сем происходит за счет переосмысления основы, которое может носить разный характер:

— специализация значения, например to hustle — толкать, понуждать; hustler — энергичный и, как правило, бесцеремонный человек: "I thought you were just some third-rate hustler" (Puzo);

— метафоризация или метонимизация значения, например: to scavenge — рыться, копаться в мусоре; scavenger — нечистоплотный человек; человек, паразитирующий за счет кого-либо: "Fanucci was also a scavenger on his fellow criminals" (Puzo); to sail — плавать; sailor — 1) моряк; 2) метоним. — человек, (хорошо или плохо) переносящий морские путешествия (good sailor; bad sailor): Fleur says she is a good sailor (Galsworthy).

2. Средства выражения оценочных значений могут быть аффиксы. Так, например, суффиксы -ard, -ling, -eer, -ster обладают отрицательной коннотацией (rhymerster hireling); суффиксы -ie, -y, -let, -ette передают значения уменьшительности, ласкательности (starlet, oldie).

3. Значение качественной характеристики может появляться у существительных, образованных путем словосложения:

He is a never-do-good, a drunkard... (Sillitoe)
или конверсии:

She was all curiosity and expectation. (Collins)

4. Уникальным средством создания образных оценочных значений являются лексико-семантические транспозиции, к которым О. Д. Мешков [3] относит все случаи употребления лексических единиц в необычном смысловом контексте:

She was a great forgetter and returner. (Christie)

Значительно расширяют арсенал средств выражения оценочных значений фигуры речи.

Метафора: "It made him powerful that one of the Corleones was his doormat" (Puzo)

Аллегория: "He was a ferocious lion guarding the temple of art" (Sheldon)

Метонимия: "Dill promptly forgot their names and thought of them as the Chin and the Nose".
(Thomas)

Автономасия: "Hans Zimmerman was a Goliath of a man".

5. Значение качественной оценки может реализоваться в синтагматике.

а) Модификаторы именного компонента несут широкую и разнообразную информацию, в том числе значение коммуникативно-обусловленного отношения говорящего к высказываемому, которое может реализоваться различными языковыми средствами — как включающими ингерентно семы эмоционально-оценочного характера:

"You are a damned attractive woman". (Sheldon), так и приобретающими сему оценки в контексте:

"She's still something of a legend, your mother". (Thomas)

"He looked a thin nervous scrap of a boy". (Murdoch)

Знак субъективной оценки (+) или (—) — даже в случае модификаторов, обладающих, наряду с оценочным, собственным положительным или отрицательным значением — может меняться в зависимости от семантики именного компонента. В конечном итоге знак оценки комбинируется на основе семантики оценочного определения, объекта оценки и их взаимодействия.

Узкого контекста не всегда бывает достаточно, чтобы точно определить знак оценки (например, в иронических высказываниях). В таких случаях, чтобы правильно воспринять оценочное суждение, необходим анализ широкого окружения.

"He was a natural twister. He liked, if I may put it so doing things the crooked way". (Christie)

"She was an unbelievable saver-saved money, saved electricity, saved string, bags, sugar, saved-him". (Thomas)

Интересный объект для лингвистического исследования представляет оксюморон, основанный на очевидной несовместимости значений определяемого и определяющего (модификатора):

"She was rather an absurd girl, but awfully sweet". (Murdoch)

б) Целям эмфатического подчеркивания усиления значения качественной оценки служит синтаксическая организация предложений: "She's not a child, She is a devil" (Sheldon) — антитеза; — "She was unclean, she

was unworthy, she was black" (Murdoch) — анафора + градация;

«You are the real prize. The big fish. The trophy winner» (Thomas) — парцелляция;

"Mr Haere has wide experience in toppling governments. An expert". (Thomas) — безглагольный предикат;

"We are your baby — sitters, friend. That's right, your baby — sitters" (Thomas) — элифора;

«She's something. Rich as Greases, like we used to say till you found out who Groesus was" (Thomas) — эллипс + сравнение;

"They were also a little plump and fairly pretty and completely terrified" (Thomas) — нарастание + зевма + полисиндетон;

"The copper who admired Nora — he was a big sandyman of forty — eight or fifty — slapped Morelli's mouth" (Hammett) — парентеза.

Итак, подводя итог сказанному, можно сделать следующие выводы.

1. Качественная оценка представляет собой комплексную категорию и должна рассматриваться в ее философском (аксиологическом), психологическом, логическом и лингвистическом аспектах.

2. Лингвистические средства выражения качественной оценки обладают эксплицитным или имплицитным значением модальности долженствования, а их семантическая структура объединяет свойства оценки и описания, причем последнее убывает по мере возрастания степени субъективности.

3. Языковые средства выражения качественной оценки могут быть объединены в синонимический ряд или функционально-семантическое поле, где ядром являются адъективные структуры, а периферийные конститuenty представлены номинальными и глагольными моделями.

4. Значение качественной оценки языковой единицы реализуется за счет:

а) ее исходного лексического значения (основа слова);

б) морфологических средств: словообразование (аффиксация, конверсия, словосложение), метафорические и метонимические переносы;

в) синтаксических средств: модификация именных компонентов предложения; структура предложения —

безглагольные предикаты, инверсия, парцелляция и др.

5. Значение качественной оценки в синтаксической структуре складывается из ингерентных или контекстуальных значений ее компонентов, которые вступают в различные смысловые отношения между собой.

6. Значение качественной оценки всегда контекстуально зависимо, что дает основание характеризовать ее как сугубо прагматическую категорию.

Список литературы: 1. Вольф Е. М. Функциональная семантика оценки. М., 1985. 2. Иивн А. А. Основания логики оценок. М., 1970. 3. Мешков О. Д. Словообразование современного английского языка. М., 1976. 4. Философская энциклопедия. М., 1970.

Поступила в редколлегию 11.11.91

Л. Е. ТРАСКИНА

ОСНОВНЫЕ ОСОБЕННОСТИ БЕРНСКО-НЕМЕЦКОГО ПОДДИАЛЕКТА

Специфика немецкого языка Швейцарии заключается в существовании своеобразного «ансамбля» двух языковых форм: литературного немецкого языка Schweizerhochdeutsch с присущими ему «швейцарскими» признаками на уровне кодифицированной нормы и швейцарско-немецких диалектов Schwyzerdütsch при отсутствии каких-либо отдельных лингвистически выраженных переходных форм языка.

В силу общности и единства структуры, обусловленных тем, что в основе Schwyzerdütsch лежит верхне-алеманнский диалект, швейцарско-немецкие диалекты выступают в своем обобщенном виде, в котором обычно сглаживаются мелкие черты отдельных поддиалектов, и выполняют функцию общо-разговорного языка, являясь подлинно всеобщим для германо-швейцарцев средством повседневного языкового общения без каких-либо социально-демографических ограничений [1, с 11].

«Алеманнская» основа швейцарско-немецкого языка имеет свои исторические корни и связана с начавшимся в V в. н. э. процессом германизации Швейцарии, импульсом к которому послужило великое передвижение народов. С захватом алеманнами в 406—407 гг. большей части территории страны здесь стали утверждаться общественный строй и язык, существовавшие у германцев.

В настоящее время система швейцарско-немецкого (алеманского) диалекта практически реализуется в

виде частных диалектных систем, обнаруживающих определенную региональную соотнесенность. В Schwyzerdütsch традиционно выделяют 20 поддиалектов с соответствующей локальной закрепленностью: базельско-немецкий, бернско-немецкий, цюрихско-немецкий и др. При этом в сложной макросистеме швейцарско-немецкого диалекта органически слиты общие языковые элементы и региональные особенности каждой из диалектных микросистем, представляющих собой относительно самостоятельные структуры, «узколокально ориентированные признаки которых не носят принципиального характера и не приводят к нарушению процесса коммуникации» [2, с. 32].

Бернско-немецкий (или среднебернский) поддиалект выполняет функции разговорного языка центральной части кантона Берн, ограниченной городами Тун на юге, Бургдорф на востоке и Лисс на севере, а также западной части кантонов Ааргау и Люцерн. При этом его характеризует некоторая неоднородность фонетических, грамматических и семантических признаков, связанная как с территориальными различиями, так и с несовпадением ряда специфических черт, прежде всего фонетического характера, присущих диалекту города и его сельской разновидности.

Анализ лексического строя бернско-немецкого поддиалекта и его сопоставление с классической «ипостасью» современного немецкого языка и его диалектными реализациями (в частности, с берлинским диалектом) позволяет выделить ряд особенностей фонетического, грамматического, синтаксического и семантического характера, которые, с одной стороны, отличают бернско-немецкий поддиалект от литературного немецкого языка, а с другой — объясняют ряд явлений современного немецкого языка, не мотивированных с точки зрения данного уровня его развития.

Определенная стабильность отличительных особенностей бернско-немецкого поддиалекта, обуславливающая в конечном счете относительную самостоятельность данной структуры, является проявлением его сопротивляемости другим поддиалектам и литературному языку в процессе их контактирования, направленной на консервацию отдельных узколокальных строевых признаков, а также на сохранение своих моделей и тенденций развития, о чем свидетельствует ряд признаков, уходящих корнями в древне- и средневерхне-немецкий периоды.

К отличительным особенностям фонетического характера можно отнести:

— наличие долгих открытых гласных [a], [ä], [o], [ō], [ū]: schoos (Schoss), Rääbe (Rübe), Haage (Haken), düür (dürr);

— сохранение средневерхненемецких недифтонгизированных узких долгих и кратких гласных [i], [ü], [ū], [u], [ü]: Duume (Daumen), Fүүr (Feuer), Ysch (Eis), Lüt (Leute), sit (seit), us (aus), uf (auf) (mhd. wile — weil, mül — maul);

— наличие средневерхненемецких дифтонгов [ue], [üe], [ie]: Bueche (Buche), Müedi (Müdigkeit), Rieme (Lederriemen);

— сохранение долготы согласных (геминат): hoppere (holpern), mugge (stehlen), kabuttne (zerstören), schyffe (schleifen);

— типичный для городского диалекта перебой ng — nd: besonders — bsungers, andere — angeri, Kind — Ching (однако в сельской местности Chind);

— последовательное проведение перебоя k — ch: Kaiser — Cheiser, kegeln — cheigle, Kalk — Chalch;

— выпадение носового «n» перед спирантами: fischer (finster), Zeis (Zins), Yfluss (Einfluss);

— наличие фонемы [s] в позициях sp, st в середине и в конце слова: Fänschter (Fenster), erscht (erst), chaschperle (kasperle spielen) (ср. берлинск. Wurscht — Wurst);

— выпадение безударных гласных: Gschicht (Geschichte), zwängzg (zwanzig);

— редукция согласных в конце слов: hie (hier), scho (schon), nei (nein);

— вокализация “l”: Waud (Wald), Täuuer (Teller), Seeu (Seel);

— наличие развитой системы трифтонгов [auu], [aai], [öoi], [iiu], [eue], [eeu] и др.: Chauuwe, laai, Iöoi, viiu, vüüu, Schueu, Gfeeu;

— перестановка звуков (метатеза): vomene — von einem, amene — an einem, schlärpele — lärpschele, Achsle (Achsel), frävle (freveln).

В сфере грамматического строя бернско-немецкий поддиалект отличают следующие особенности:

— отмирание категории генетива, который подвергается вытеснению и замене описательной конструкцией

с дативом: Bänz isch ds vierte oder fünfte Ching vom ne arme Tauner gsi;

— замена формы аккузатива номинативом: Hingäge der Büuri het es schier der Aate verschlage, un es isch es Chehrli ggange, bis si het chönnen umegä [4, s. 19];

— употребление личного местоимения 2-го лица множественного числа в качестве формы вежливости как результат влияния французского языка: Grüessech, Her Pfarer, weit dihr nech Platz näh;

— наличие звательной формы у имен собственных: Anni, Kätti, Mimi;

— отсутствие склонения имен прилагательных в косвенных падежах: syt alte Zyte, zu eigentliche Thema, mit neue Zahle;

— сохранение 6 рядов изменения корневой гласной сильных глаголов;

— наличие 4 временных форм глагола: презенс, перфект, плюсквамперфект и футурум (малоупотребителен): i springe, i bi gsprunge, i bi gsprunge gsi, i werde springe;

— образование плюсквамперфекта с помощью перфекта вспомогательных глаголов sein и haben: Mir hei verno gha, dass er chömi;

— ассимиляция переднеслогового -g при образовании второго причастия глаголов: g+b=bb (bbunge), g+d=dd (ddienet), g+g=gg (ggässe), g+p=p (poleetet), g+t=t (trunke), g+k=k (krouteret), g+z=z (zündet);

— передача будущего времени посредством модальных глаголов, темпоральных наречий и/или описательных конструкций с указанием временных характеристик: I säge nech's de. I chume de. (de — dann). Mir luege de nächschte Herbst wider;

— широкое распространение суффикса -ig в качестве словообразовательного элемента имен существительных женского рода, соответствующего суффиксу -ung современного немецкого языка. Данное соответствие основано на близости лежащих в их основе древневерхне-немецких суффиксов -ungo, -ingo, преобразованных в последствии в суффиксы -ung, -ing: Ordnung — Orniḡ, Mitbestimmung — Mitbestimmig. Вместе с тем в городском варианте бернско-немецкого встречается суффикс -ung: Glychberächtigung;

— употребление деминутивного суффикса -li: Höf-li-Höfchen, Hüsli — Häuschen;

— слияние вспомогательного глагола haben с личными местоимениями du и Sie: hast du — heschte (ср. берл. haste), haben Sie — heise (ср. берл. hamse).

В области синтаксиса для бернско-немецкого поддиалекта характерны следующие признаки:

— низкая частотность употребления не типичных для средневерхненемецкого периода развития языка типов придаточных предложений. «Слова и выражения типа “indäm, sondern, obwohl”, а также “nid nume, sondern o” вносят некоторую фальшь в бернско-немецкую речь» [8, с. 84]; вместо сложноподчиненных предложений в ряде случаев употребляются сложносочиненные структуры: D Nare wachse, me bruucht se nid z bschütte (D Nare wachse, o we me se nid bschtütet) [8, с. 85];

— нарушение типичной для немецкого языка рамочной конструкции путем перестановки изменяемой части составного сказуемого: Da, wo mer üsi Lieder hei gsunge [8, с. 86]; Das het me Bänz nid zwömal müesse fragen [4, с. 11];

— употребление словоформы wo в функции относительного местоимения, вводящего придаточное определительное предложение: D Frou, wo d gsee häsch (Die Frau, die du gesehen hast);

— наличие в бернско-немецком двойного отрицания, специфичного для древневерхненемецкого и современного берлинского (где возможно также тройное отрицание), в форме корреляций kei — nüüt, niemer — nüüt, nie — kei/nüüt, niene — nüüt/(e) kei: Es he kei Mönsch nüüt ggä. Das geit niemer nüüt aa. При этом двойное отрицание может выполнять утвердительную функцию: I ha's an sich nid ungärn — I ha's gärn.

Значительный интерес представляет лексический состав бернско-немецкого поддиалекта, характеризующийся высокой степенью лаконичности, о чем свидетельствуют следующие особенности:

— соответствие устойчивым словосочетаниям и группам слов современного немецкого языка глаголов и наречий бернско-немецкого: langsam Auto fahren — chärele, kättele; schnell Auto fahren — böre, pfure; Abschied nehmen — adieu säge (wer geht), bhüete (wer bleibt); dieses Jahr — hüür, ein anderes Mal — anderischt;

— многофункциональность ряда лексических единиц: der — артикль мужского рода в номинативе и дативе единственного числа; ihr, dir;

de — du в вопросительных и придаточных предложениях; артикль датива множественного числа; mänge — mancher, vieles; machen, betreiben;

— наличие в бернско-немецком лексических единиц, отсутствующих в современном немецком языке и обозначающих понятия, передаваемые описательно: auf die Alp bringen — alpe, alpine; Mädchen von schneller Auffassungsgabe — Chrott, Pfiri; Altersteil neben Bauernhaus — Stöckli.

Бернско-немецкий поддиалект характеризует некоторая архаичность лексики, проявляющаяся в сохранении первоначального значения лексических единиц, утраченного в современном немецком языке: usschoube — ausmerzen, aussondern; Schwob — Deutscher; wäلتsch — französisch. При этом «Schwob» восходит к наименованию германцев «sueben», данному им древними римлянами и употреблявшемуся, в частности, Цезарем и Тацитом [9]. Синонимия глаголов ausmerzen, aussondern в бернско-немецком объясняется этимологией глагола ausmerzen, связанной с лежащим в основе его значения процессом выбраковки овец, проводившимся древними германцами в марте, о чем свидетельствует морфема-merz-. В современном немецком языке глагол ausmerzen имеет значение «искоренять, уничтожать». При этом этимологическая связь данного глагола с глаголом aussondern прослеживается посредством бернско-немецкого usschoube, содержащего элементы значений обоих глаголов. Этимология слова wäلتsch связана с древним названием галлов, данным им Цезарем и перенесенным впоследствии на другие племена (ср. древненорм. Valir — римляне и древнеангл. wealh — чужой, кимриец). В современном немецком языке наречие welsch имеет значение «романский, итальянский, французский, а также иностранный, чужеземный, заморский».

Перечисленные выше особенности бернско-немецкого (среднебернского) поддиалекта, отличающие его от нормативного немецкого языка, обеспечивают относительную стабильность данной системы и ее функционирование в качестве самостоятельной лингвистической структуры, что позволяет рассматривать бернско-немецкий как своего рода «средство национального отграничения и идентификации» носителей данного диалекта [1, с. 12].

Однако в последнее время все более отчетливо проявляется тенденция к сближению бернско-немецкого

поддиалекта с литературным языком, что имеет собственно лингвистические причины: обе основные формы существования языка данного ареала находятся в условиях взаимодействия и взаимодополнения, подчиняются общим закономерностям в своем функционировании и развитии. На лексическом уровне это проявляется в употреблении лексических единиц литературного языка вместо имеющихся диалектных: Art (Gattig, Lei, Mode, Wäg), Unglück (Ungfell), neu (nöi), Händler (Grämpler). В области синтаксиса показательно в этом отношении проникновение в бернско-немецкий подчинительных союзов ob, damit, insofern, vorausgesetzt dass.

Говоря о процессах конвергенции следует отметить влияние других языков Швейцарии на бернско-немецкий поддиалект. «В рамках разнородного множества, каковым предстает швейцарский ареал, происходит постоянный контакт языковых систем, следствием которого является интерференция, способствующая в определенной степени конвергентному развитию контактных языков Швейцарии» [1, с. 22]. В первую очередь это находит свое отражение на лексическом уровне и проявляется в широком распространении заимствованной лексики: Telefon (Anruf), Perong (Bahnsteig), Schalusie (Eifersucht), Velo (Fahrrad), Gool (Tor beim Fussball), exgüsee säge (sich entschuldigen).

Таковы, в общих чертах, основные особенности бернско-немецкого поддиалекта и тенденции его развития. Анализ данной языковой структуры в ее сопоставлении с современным немецким языком позволяет не только определить основные структурные и функциональные характеристики бернско-немецкого поддиалекта, но и объяснить на его основе ряд семантико-грамматических явлений современного немецкого языка.

Следует отметить, что бернско-немецкий поддиалект постоянно изменяется и развивается. «Закрепление на каком-либо определенном уровне означало бы для него смертный приговор» [8, с. 12]. Характер изменчивости бернско-немецкого поддиалекта требует в связи с этим своего глубокого теоретического осмысления с учетом оценок реальной речевой коммуникации германо-швейцарцев.

Список литературы: 1. Домашнев А. И. Языковая ситуация в Швейцарии // Романо-германская контактная зона: Языки и диалекты Швейцарии. Л., 1990. С. 2—22. 2. Помазан Н. Г. Немецкий язык в Швейцарии // Там же. С. 30—81. 3. Москальская О. И. Большой

немецко-русский словарь: В 2-х т. М., 1980. 4. Beck A. Der Härzschäfer u angeri bärndütsche Gschichte. Francke Verlag Bern, 1983. 5. Greyerz O., Bietenhard R. Berndeutsches Wörterbuch. Cosmos Verlag Bern, 1988. 6. Kluge F. Etymologisches Wörterbuch der deutschen Sprache. Berlin; N. Y., 1989. 7. Marti W. Berndeutsch-Grammatik. Francke Verlag Bern, 1985. 8. Sommer H. Bärndütsch — e Wunderwält. Fischer Verlag, Münsingen — Bern, 1990. 9. Tesche B. Zur Geschichte der Germanen. Volk und Wissen volkseigener Verlag. Berlin, 1956.

Поступила в редколлегию 11.11.91

Л. В. ТУРЧЕНКО, канд. филол. наук

К ВОПРОСУ ОБ ОСОБЕННОСТЯХ ФОРМИРОВАНИЯ ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ НОВОЗЕЛАНДСКОГО НАЦИОНАЛЬНОГО ВАРИАНТА АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА

Новозеландский вариант английского языка (НЗА), несмотря на наличие ряда работ в зарубежной и советской англистике [1; 2; 4; 5 и др.], малоизучен, что связано с его сравнительной молодостью и тем, что Новая Зеландия была самой верноподданной колонией Англии. Но целесообразность его исследования давно стала очевидной. Это объясняется, во-первых, тем, что развитие языка, возникшего в результате «его гомотрансплантации, т. е. пересадки в чуждые ему условия посредством его естественных носителей» [3, с. 12—13], получает свое специфическое направление, что определяет возникновение любого языкового варианта; во-вторых, существование в стране несбалансированной экzogлоссной языковой ситуации неизбежно ведет к появлению ряда черт, характерных для данной языковой разновидности; в-третьих, постоянные политические, экономические, культурные связи с Австралией и господствующее положение США в капиталистическом мире не могли не сказаться на его формировании.

Национальная специфика НЗА в силу упомянутых факторов проявляется на всех языковых уровнях, но ярче всего на лексико-семантическом, так как лексика в любом языке представляет собой самый чувствительный ко всяким изменениям внеязыковой реальности слой.

Задача данной статьи — рассмотреть специфику становления лексико-семантической системы НЗА.

Заметим, что процесс ее становления шел вполне традиционным и характерным для других национальных вариантов английского языка путем. Самую значительную часть его словарного состава составляет общее инвариантное ядро. Часть же исконно английских слов была утрачена (особенно в области сельского хозяйства), а другая подверглась различного рода преобразованиям, изменениям семантической структуры. Эту часть лексики НЗА составляют специфические для данного варианта английского языка лексические единицы, т. е. новозеландизмы. Они возникли из двух источников: за счет словообразовательных процессов, характерных для английского языка, и в результате заимствования.

Основным источником образования новозеландизмов является английский язык и его словообразовательные средства. По нашему мнению, к наиболее продуктивным способам номинации в НЗА относятся:

1) словосложение по моделям N_2N_1 и AN (niggerhead — «вид камня», jollytail — «рыба вида *Galaxias attenuatus*»);

2) суффиксация с помощью суффиксов -ie, -y, -o, er (flaxie — «рабочий фабрики по переработке льна», she-ero — «рабочий, который загоняет скот в загон для скота»);

3) семантическая деривация, основанная либо на метафоро-метонимических переносах (лексическая единица *coconut*, обозначающая в британском английском «кокос», переосмысляясь, получает в НЗА значение «житель тихоокеанских островов»), либо на основе расширения или сужения своего основного значения (*gully*, имеющее в британском английском значение «глубокий овраг или лощина, образованные водой», расширяет свое значение в НЗА и обозначает «любую лощину или долину»);

4) образование фразеологизмов (*cunning as a Maori dog* — «очень хитрый», *to eat one's tutu* — «приспособиться к новым условиям жизни»).

Кроме внутренних ресурсов языка НЗА использует и его внешние средства — заимствованные лексические единицы. Среди них различаются заимствования, являющиеся результатом длительного и территориально смежного сосуществования двух языков (английского и маорийского), т. е. заимствование в условиях билингвизма и заимствования в результате экономических, поли-

тических и культурных связей между англоязычными народами (так называемые «внутрисистемные заимствования»).

Что касается маорийских заимствований, то это очень продуктивный способ номинации в НЗА. Данные лексические единицы используются при наименовании понятий и реалий, не известных ранее британцам (предметы быта, культуры и религии маорийцев, географические, флористические и фаунистические объекты). Продуктивность этого способа номинации в НЗА обусловлена целым комплексом причин лингвистического и экстралингвистического характера: во-первых, длительными (150-летними) политическими, экономическими и культурными контактами, которые сложились между англо-новозеландцами и маорийцами, а также существование билингвизма в стране; во-вторых, сравнительно высоким общественным и культурным развитием маори по сравнению с аборигенами других стран и наличием формального равенства аборигенов Новой Зеландии с колонизаторами; в-третьих, наличием маорийской письменности и отсутствием в языке диалектных различий; в-четвертых, особенностями маорийского языка, который имел довольно простую фонологическую и грамматическую системы.

Маорийские лексические единицы либо самостоятельно употребляются для обозначения той или иной реалии (pakeha — «белый человек»), либо в сочетании с английской лексической единицей, т. е. принимают участие в образовании слов-гибридов (kaka-beak — «новозеландская софофа»).

«Внутрисистемные заимствования» представлены в НЗА заимствованиями из австралийского английского, которые проникли в Новую Зеландию благодаря экономическим, культурным и другим видам связей, существующим между Новой Зеландией и Австралией. Одни из этих слов вошли без изменения в словарь НЗА (backblocks — «внутренние районы страны»), другие изменили свое значение в результате развития семантической структуры слова (paddock, обозначающее в австралийском английском «огороженный участок земли», сузило свое значение и в НЗА имеет значение «футбольное поле»).

Сказалось на становлении лексико-семантической системы НЗА и влияние Америки, но в меньшей степени, чем на австралийский, что объясняется большей

привязанностью Новой Зеландии к Англии, чем к США, а также стремлением новозеландцев к независимости своих языковых форм. Особо ошутимо это влияние было в 50—60-е годы в сферах, связанных с музыкой, кино, модой и др. (jazz — «джаз», sheer — «вид ткани»).

Анализируя новозеландские национально-специфические лексические единицы, мы пришли к выводу, что эта лексика имеет тенденцию к группировке в определенные тематические группы. На основе выборки, произведенной по лексикографическим источникам [6; 7], было обнаружено 677 новозеландизмов, которые представляют следующие социально-коммуникативные сферы:

1) флора и фауна (kauri — «каури, хвойное дерево», kaka — «попугай»);

2) характеристика маори и их образа жизни (iwi — «племя», pa — «укрепленная деревня», tohunga — «священник», waiata — «песня»);

3) хозяйственная деятельность новозеландцев (to paddock land — «огораживать землю», milkie — продавец молока, bush-cutter — «лесоруб»);

4) новозеландский образ жизни (gridiron — «футбол», wetback — «печка»);

5) общественная и государственная деятельность (bush-fighting — «маорийские войны», to cap — «присваивать ученое звание»);

6) название страны, ее жителей (Aotearoa, Kiwi-land — «Новая Зеландия»; enzedder, feanleaf — «новозеландец»);

7) естественно-географическая среда (dunite — «железная руда», Oamaru stone — «строительный материал», Barber — «холодный ветер в Греймаусе»).

Итак, НЗА в итоге 150-летней эволюции в условиях постоянного взаимодействия с британским и австралийским вариантами, с одной стороны, и в условиях национально-специфического окружения — с другой, развился в один из национальных вариантов английского языка с присущими ему национально-специфическими чертами.

Список литературы: 1. Беляева Т. М., Потапова И. А. Английский язык за пределами Англии. Л., 1961. 2. Вовк В. Н. Новозеландский национальный вариант английского языка // Варианты полинациональных литературных языков. К., 1981. С. 87—93. 3. Семенец О. Е. Социальный контекст и языковое развитие: Территориальная и социальная дифференциация английского языка в развивающихся странах. К., 1985. 4. Burchfield R. Some Unedited New Zealand Words // Lexicographical and Linguistic Studies. Cambridge, 1988.

P. 185—188. 5. **Eagleson R.** English in Australia and New Zealand // English as a World Language.—Ann Arbor: Univ. of Michigan Press, 1982. P. 415—439. 6. **Foreman B.** The New Zealand Contemporary Dictionary. L., 1968. 7. **The Macquarie Dictionary.**—2d ed. McMahon's Point: Macquarie Library, 1982. 8. **Ramson W.** Australian and New Zealand English // Kivung. Vol. 2. N 1. P. 42—57. 9. **Ryan S.** The Tolerance of Maori in New Zealand English // Orbis. 1977. Vol. 26. N 2. P. 341—370. 10. **Turner G.** The English Language in Australia and New Zealand. L., 1966.

Поступила в редколлегию 3.09.91

И. Е. ФРОЛОВА, канд. филол. наук

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ КОСВЕННЫХ РЕЧЕВЫХ АКТОВ ЭКСПРЕССИВОВ

Усиление внимания к функциональному аспекту языка, изучение языковых объектов с точки зрения их реализации, характерные для современных лингвистических исследований, неизбежно затрагивают такую сферу, как эмоциональный компонент речи.

Эмоциональность и средства ее выражения относятся к числу традиционных лингвистических объектов и уже давно привлекали внимание исследователей. Однако наиболее полно исследованы в основном формально-семантические средства выражения эмоций. Менее изучены прагматические средства выражения эмоций, к которым относятся, в частности, и косвенные речевые акты со значением экспрессива. При этом обращение к сфере прагматики не предполагает исследования только этого аспекта данных речевых актов. Прагматический подход в лингвистическом описании означает комплексное изучение объектов исследования с учетом как их формально-семантических, так и коммуникативных характеристик.

Задача данной статьи — выявить, какие структурные модели употребляются в качестве косвенных экспрессивов и насколько распространено их употребление. В задачу исследования входило также определение того, для выражения каких эмоций данные структуры применяются, что, по нашему мнению, дает возможность установить коррелятивные связи между структурно-семантическими, коммуникативными особенностями выражаемого психологического состояния.

Рассмотрим подробно каждую из имеющих место транспозиций. Наиболее многочисленной и разнообразной по составу является группа формально директивных речевых актов, реализующих прагматическое значение экспрессива. Согласно классификации речевых актов Дж. Серля, к директивам относятся как собственно директивные речевые акты, так и вопросы. Последние являются наиболее продуктивным типом речевых актов, транспонирующихся в экспрессив. Таким образом, целесообразно рассмотреть их отдельно.

Директив — экспрессив.

Транспозиция речевых актов вопросительного типа.

В эту группу входит наибольшее число речевых актов — 46 %, кроме того, здесь имеет место значительное разнообразие формально-семантических моделей.

Формальная модель общего вопроса.

— I understand, Doctor.

— Do you? McNeil thought doubtfully. Do you really understand? (Hailey)

Распространен также вопросительно-отрицательный вариант этой модели:

— Hey, don't they teach your people anything anymore? (Kirkwood)

Также довольно распространенными являются общие вопросы, начинающиеся с модального глагола:

For once she was at a loss how to cope with the situation. Could that be reality? (Maugham)

Наиболее типичным является выражение таких эмоций, как удивление, сомнение, растерянность. Однако данная формальная модель употребляется и для выражения положительных или отрицательных эмоций. Количественные показатели следующие: удивление, сомнение — 42 %, положительные эмоции — 28, отрицательные эмоции — 30 %.

Формальная модель специального вопроса. В основном это специальные вопросы, начинающиеся с what, why с эмоционально маркированной лексикой либо без нее.

Silly little fool to flatter me. As if I didn't know that. And why the hell should I educate her? (Maugham)

— It's our weakness, not our strength that endears us to those who love us.— In what play did you say that? (Maugham)

Встречается также формальная модель специального

вопроса, начинающегося с *how* с последующим модальным глаголом:

She took my face in her hands. "How can you be so silly?" (Kirkwood)

Наиболее типичным для этих формальных моделей является выражение отрицательных эмоций (89 %).

Формальная структура эллиптического вопроса. Наиболее распространенными эллиптическими вопросами, употребляющимися для выражения эмоциональной реакции, являются те, в которых происходит компрессия предложения до вопросительного слова или личного местоимения:

— *Heiz-Albert was not your father.*

— *What?* (Kirkwood)

— *I wish you'd come round and tell her that yourself.*

— *I?* (Maugham)

Сюда относятся также и переспросы, которые, однако, отличны по своей структуре. В случае переспроса говорящий, как правило, повторяет именно то слово, которое является доминирующим и вызывает его эмоциональную реакцию:

— *It was false from beginning to end.*

— *False? But I felt every word of it.* (Maugham)

Очевидно, что эллиптические структуры обычно передают более высокую степень интенсивности эмоций. В результате этого они обычно передают не одну, а несколько эмоций одновременно: удивление и радость или удивление и негодование.

Транспозиция речевых актов собственно директивного типа. Эта группа не так многочисленна и составляет только 12 % от общего числа. Необходимо отметить, что косвенные речевые акты этого типа используются, как правило, для выражения отрицательных эмоций. Большинство из них имеют в своем составе эмоционально маркированную лексику (*Go to hell!* и т. п.). Формально директивная структура речевых актов этого типа не обязательно связана с наличием глагольной формы повелительного наклонения, возможно, например, употребление номинативных директивов:

— *She says she wants to see you at least once before she dies, Rudolf said.*

— *Maestro, Thomas said, the violins, please.* (Shaw)
В данном примере слово *please* эксплицирует директив-

ный характер, интенция же говорящего состоит в выражении отрицательной реакции на сообщение.

Вокатив — экспрессив.

Одним из типов речевых актов, часто выступающих с прагматическим значением экспрессива, являются речевые акты формально вокативного типа. Определение интенции в данном случае эксплицируется синтагматическими связями этих речевых актов: если речевой акт инициативен — это вокатив, если реактивен, то он, как правило, реализует прагматическое значение экспрессива. Количество формально вокативных речевых актов со значением экспрессива довольно велико — 31 % от общего числа.

Разнообразен также спектр выражаемых эмоций. Это и положительные, и отрицательные эмоции, и удивление:

— I was an awfull flop in America, he said.

— Michael! she cried, as though she could not believe that. (Maugham)

Комиссив — экспрессив.

Это довольно редкая транспозиция — 6 % от общего числа. Иллокутивная сила экспрессива обычно эксплицируется общим контекстом: угроза приобретает прагматическое значение экспрессива в том случае, если очевидно, что говорящий не намерен реализовать ее, а лишь стремится к выражению отрицательных эмоций. Подобным образом обстоит дело и с обещаниями. Так, в следующем примере:

— We must know everything. New policy.

— All right, I'll tell you. Restaurant Moscow. If you have a menu, I'll tell what I intend to eat. (Kirkwood) говорящий, употребляя формально промисивную модель, выражает свои отрицательные эмоции по поводу слишком долгого и подробного досмотра и опроса при пересечении границы.

Все косвенные речевые акты этого типа, имеющиеся в выборке, выражают отрицательные эмоции.

Репрезентатив — экспрессив.

Данная транспозиция представлена довольно малочисленным количеством речевых актов — около 5 %. Как и в предыдущем случае, иллокутивная сила определяется общим контекстом и/или авторскими ремарками, эксплицирующими интонацию. В основном речевые акты этого типа используются для выражения от-

рицательных эмоций, однако имеются и отдельные случаи выражения положительных эмоций.

Проведенное исследование позволяет сделать некоторые выводы. В первую очередь необходимо отметить, что очевидно наличие устойчивых коррелятивных связей между формально-семантической структурой косвенного речевого акта и особенностями психологического состояния говорящего. Как было показано выше, для косвенных речевых актов различных типов характерными являются выражения разных типов эмоций. Различен также эмоциональный потенциал косвенных речевых актов различных типов: для некоторых из них он ограничен лишь одним типом эмоций, в то время как для других — практически неограничен.

И наконец, следует отметить, что приведенные ранее формальные модели косвенных экспрессивов дают возможность не только теоретического пополнения знаний о данном классе речевых актов, но и практического применения в практике преподавания английского языка.

Поступила в редколлегию 11.11.91

И. С. ШЕВЧЕНКО

КОСВЕННЫЕ РЕЧЕВЫЕ АКТЫ РАННЕНОВОАНГЛИЙСКОГО ПЕРИОДА

(на материале вопросительных конструкций)

В последнее время возрос интерес лингвистов к анализу роли человеческого фактора в языке и языкового функционирования в речи, что в свою очередь привлекает к диахроническому аспекту речи. Новое направление, получившее название исторической прагмалингвистики, делает лишь первые шаги, но полученные данные уже сегодня позволяют сделать некоторые выводы относительно особенностей прагматики того или иного периода. В частности, проведенный анализ коммуникативно-интенциональных характеристик вопросительных конструкций в драматических произведениях В. Шекспира свидетельствует о наличии определенных закономерностей в историческом изменении прагматики вопросительных конструкций (ВК).

Ведущая тенденция развития прагматики ВК от XVI в. к XX в. состоит в значительном увеличении час-

тотности косвенных речевых актов, реализуемых ВК, и в определенных качественных изменениях таких речевых актов. По нашим данным, в языке Шекспира лишь одна четвертая часть всех ВК реализует косвенные речевые акты, в то время как в современной речи они составляют более половины всех речевых актов. В случаях косвенного употребления ВК в XVI в. они чаще всего являются средством выражения эмоций и оценок адресанта, побуждают к совершению действия и пр. Среди ВК-экспрессивов встречаются как общие, так и специальные вопросы. В их оформлении проявляются типичные для ранненовоанглийского периода процессы становления аналитичности: наряду с полной инверсией глагола-сказуемого в Present и Past Simple встречается и частичная глагольная инверсия. Отмечается частичная глагольная инверсия в общих вопросах, хотя, по мнению большинства лингвистов, полная инверсия в данном случае сохраняется вплоть до середины XVIII в.*, например:

Lear: "Ha! Makest thou this shame thy pastime?"

Kent: "No, my lord". (King Lear, II, iv. 4—8)

Локутивные особенности ВК в определенной степени обуславливают способ косвенного переосмысления высказывания как экспрессива. Так, в общих вопросах (составляющих около половины всех ВК-экспрессивов) логическое переосмысление ВК как косвенного экспрессива происходит в рамках той пропозиции, которая содержится в высказывании, а в случае специального вопроса с Why, What и т. д., как правило, происходит негативное переосмысление пропозиционального содержания, например:

Glou: "... My son Edgar. Had he a hand to write this? a heart and brain to breed it in? ..." (King Lear, I, iv. 59—60)

Cord: "... What can man's wisdom in the restoring his bereaved sense?

He that helps him take all my outward worth". (King Lear, IV, iv. 8—10)

В ходе речевой интеракции ВК-экспрессивы, как правило, не служат средством передачи очередности говорения другим участникам коммуникации, нередко функционируют в монологах и во внутренней речи пер-

* Иванова Н. П., Чахоян Л. П. История английского языка. М., 1976. С. 269—270.

сонажей. В драмах В. Шекспира зафиксирована последовательность шести и более ВК-экспрессивов, что является проявлением стилистических особенностей, с одной стороны, и иллокутивных особенностей — с другой. ВК-экспрессивы могут сопровождаться также экспрессивными высказываниями в форме повествовательных и восклицательных предложений.

Около 2 % всех вопросительных конструкций в драмах В. Шекспира функционируют как побудительные высказывания. Это примеры с сохранившимися до наших дней маркерами иллокуции побуждения и просьбы типа *Will you*, а также вышедшие из употребления формы типа *Will't please you / your highness* и т. п.

Ведущей иллокутивной силой ВК-побуждений является не спрашивание, а побуждение к выполнению действия, причем спрашивание остается одной из сопутствующих иллокуций таких высказываний и определяет характер акта исходной интенции адресанта. Буквальное вопросительное значение обуславливает и тот факт, что ВК-побуждения нередко вызывают вербальный ответ, хотя они были направлены на совершение нелокутивного действия.

В основе косвенного переосмысления ВК как косвенных побуждений лежит в большинстве случаев принцип вежливости, тактичности, поскольку вопросительные конструкции обладают большей степенью вежливости, чем соответствующие императивы. В некоторых случаях выведение косвенного смысла высказывания происходит путем логического анализа и переосмысления пропозиционального содержания по типу *Wh+р?→р!*. Например, король Лир выдает замуж младшую дочь и делит свое королевство между дочерьми:

Lear: "So be my grave my peace, as here I give Her father's heart from her. Call France. Who stirs? Call Burgundy..." (King Lear, I, iv. 127—129)

Учитывая характер ситуации в целом, данная ВК может рассматриваться как приказ, окрик короля, направленный свите, взволнованной неожиданным решением Лира. Тогда это высказывание следует считать приказом не двигаться. С другой стороны, его можно понять как побуждение немедленно выполнить действия, названные в двух императивах, окружающих данное высказывание. В обеих трактовках анализируемое высказывание функционирует как косвенный ди-

ректив, несколько разнится лишь семантика этого директива.

В нашей выборке зарегистрированы также ВК с доминирующей метакоммуникативной иллокутивной силой, функционирующие в косвенных речевых актах, что составляет до 2 % всех ВК. К метакоммуникативным ситуациям мы относим установление, поддержание и прекращение вербального контакта, привлечение внимания коммуниканта к последующей существенно важной информации, заполнение пауз в содержательном разговоре, проверку работы «канала связи» и т. п. Формы приветствий и прощаний, как и иные единицы речевого этикета, значительно изменились в современном английском языке по сравнению с ранненовоанглийским (например, стали *обsolete*ными локуции *How now? Hey day?*). Для метакоммуникативных речевых актов анализируемого исторического периода характерно слияние метакоммуникативной ВК с обращениями и вопросами в единый комбинированный речевой акт, в котором доминирующая иллокуция (например, установление вербального контакта) усиливается с помощью обращения, ср.:

Lear: "How now, my pretty knave? how dost thou?"

Fool: "Sirrah, you were but take my coxomb". (King Lear, I, iv. 109—110)

Характерная особенность драматургии ранненовоанглийского периода в отличие от современной драмы — употребление большого количества разнообразных шуток в самых разных ситуациях речи. Эта черта, частично объяснимая эстетическими традициями позднего Возрождения и авторскими особенностями стиля, заслуживает отдельного углубленного изучения. В данной статье затрагиваются лишь ВК, функционирующие в ситуациях шутки и косвенно реализующие соответственный речевой акт. Например:

Fool: "Dost thou know the difference, my boy, between a bitter fool and a sweet one?"

Lear: "No, lad; teach me.

Fool: "That lord that counsell'd thee. To give away thy land . . . " (King Lear, I, iv. 136—140)

Вопрос шута не является квеситивом, поскольку нет важнейшего критерия определения ситуации вопроса — запроса информации, шут знает ответ на свой вопрос и не стремится получить его от Лира. Лир интерпретирует данную ВК не как квеситив, а как своеобразную

форму введения новой темы и с помощью директива поощряет шута к дальнейшему высказыванию на эту тему. Таким образом, данная ВК косвенно реализует речевой акт шутки, и ее доминирующей иллокуцией выступает уже не запрос информации. Анализируемая ВК привлекает внимание коммуниканта к последующей существенно важной информации, как и метакоммуникативное высказывание, но в отличие от последнего сообщаемая информация носит определенный комический или иронический характер и, кроме того, вопрос является непосредственной составляющей частью шутки, без него информация второй реплики шута была бы непонятна. ВК в функции шутки составляют около 5 % выборки.

Первичная (буквальная) иллокуция ВК — вызов ответной вербальной реакции — сопутствует доминирующей иллокуции в высказывании шута и обуславливает отрицательный ответ Лира.

Таким образом, можно говорить о качественных и количественных изменениях косвенных речевых актов английской речи за последние более чем триста лет. С одной стороны, изменился локутивный аспект высказываний, претерпели изменения ролевые параметры ситуаций речи, изменился набор речевых актов, доступный для реализации определенными структурными типами предложений (так, сегментированный вопрос в современной английской речи получил способность реализовать побудительный речевой акт, что было невозможно в XVI в.)*. С другой стороны, возросла частотность косвенных речевых актов, в частности для вопросительных конструкций.

Поступила в редколлегию 11.11.91

* Шевченко И. С. К проблеме статуса исторической прагмалингвистики. М., 1990. Рукопись деп. в ИНИОН АН СССР, № 41403.

МЕТОНИМИЯ КАК ОТРАЖЕНИЕ ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНЫХ
ВЛИЯНИЙ В АНГЛИЙСКОЙ РЕНЕССАНСНО-БАРОЧНОЙ
ЛИРИКЕ

Лингвопоэтический анализ тропов в качестве текстоформирующего фактора при всей своей актуальности в современной филологии находится все еще только в процессе становления как система методов и приемов. Разработка общетеоретических положений в этой плоскости подразумевает получение данных по конкретным типам текстов, историческим периодам и национальным литературам. Синтез результатов лингвопоэтических исследований возможно большего количества типологически различных и принадлежащих разным историческим периодам текстов литератур мира должен обеспечить основу общей теории лингвопоэтического анализа как текста в целом, так и отдельных его составляющих. Сказанным определяется ценность предлагаемой работы, в которой исследован относительно малоизученный в лингвопоэтическом аспекте троп — метонимия — в английской лирике ренессансно-барочного периода. О недостаточной изученности этого тропа (в сравнении, например, с метафорой) говорят уже давно [4], однако положение в этом вопросе все еще во многом остается прежним. Исследование в данном случае сосредоточено на метонимии как на одной из составляющих текста, проводящих разнообразные влияния, которым текст подвергается со стороны иных текстов. Эти влияния, иногда называемые интертекстуальными и уже давно известные в науке [см.: 1, с. 10; 2, с. 157; 3, с. 446], представляют собой — особенно в поэзии — крайне важный фактор в формировании текста как единства. Цель работы, однако, состоит не в установлении влияний на отдельных авторов ренессансно-барочной лирики каких-то также отдельных авторов, к ней не относящихся, но в определении влияния целых массивов текстов доренессанского периода на ренессансно-барочную лирику как общий массив текстов.

Отражаемое метонимией интертекстуальное влияние может принимать различные формы. Предмет данного исследования ограничивается лишь влиянием на метонимию в плане «техники» номинации. Данный термин означает выбор объекта, выступающего в роли

прямого значения (и лексических средств его представления), при метонимической номинации объекта, выступающего в роли переносного значения, в результате чего формируется семантическое содержание конкретной метонимии. Материал исследования ограничен номинацией объектов, относящихся к сфере человека (т. е. собственно человек, объекты материальной и духовной культуры в широком смысле и т. п., но не объекты природы).

Техника метонимической номинации в английских ренессансно-барочных текстах проявляет следы интертекстуальных влияний, возводимых к трем массивам текстов.

Вполне естественно обнаружить в английской лирике ренессансно-барочного периода влияние античных текстов, поскольку освоение античного литературного наследия было одной из причин возникновения западноевропейского ренессанса вообще. Закономерно поэтому и то, что сходная с античной техника метонимической номинации, как, впрочем, и номинации, использующей иные виды тропов, распространена в английской ренессансно-барочной лирике очень широко.

Характерные примеры:

"Prince [Sleep] ... Indifferent host to **shepherds** and to **kings** [т. е. социальные верхи, и социальные низы] [Drummond, "Sleep, Silence child, sweet father of soft rest..."] — "...unda scilicet omnibus, (quicumque terrae munere vescimur), enaviganda, sive **reges**/sive **inopes** erimus **coloni**" [Horatius, Carm. 11, 14] — река (букв. волна), которую всем нам, кто кормится дарами земли, суждено переплыть (т. е. Стикс), будь-то царям или неимущим крестьянам;

"Welcome, Great Cesar... A thousand **Altars** **smoake** [т. е. совершаются жертвоприношения]... [Herrick, "To the King upon his welcome to Hompton-Court"] — "Cum Delphi tota certatim ex urbe ruentes/Acciperent laeti divom **fumantibus** aris" [Catullus, Carm. 64] — когда Дельфы, возбужденной толпой высыпая из-за городских стен, принимали, радуясь, бога (Вакха) курящимися алтарями;

"Where never **Foot** of Man... The passage prest [т. е. где не ходил человек, где не было человека] [Cowley, "The Muse"] — "Altera templa peto, vicino juncta theatro:/Haec quoque erant **pedibus** non adeunda meis" [Ovidius, Tristes III, 1] — я направляюсь к другим хра-

мам, к соседнему примыкающим театру — месту, куда ногам моим больше не ступать.

Связь метонимий, подобных приведенным выше, именно с античными текстами обусловлена также тем, что в средневековой поэзии, непосредственно предшествовавшей ренессансно-барочному периоду, они отсутствуют, а следовательно, их возникновение в ренессансно-барочной лирике едва ли носит случайный или спонтанный характер.

Вторым массивом древних текстов, оказавших влияние на технику метонимической номинации ренессансно-барочной лирики, являются библейские тексты. Данная связь также вполне закономерна, так как, несмотря на гуманизм (обращенность к человеку) Ренессанса, Библия продолжала очень сильно влиять на всю культуру христианской Европы и после окончания средних веков. Библейских параллелей, однако, в ренессансно-барочной метонимии меньше, чем античных. Это может быть результатом действия как количественного фактора (общий объем античных греко-римских текстов больше), так и качественного (функции библейских текстов в ренессансной культуре Европы принципиально иные, чем функции выступающих в качестве художественного образца греко-римских текстов).

Характерные примеры:

"In his [man's] conception wretched, from the **womb** [т. е. с рождения] / So to the tomb" [Bacon, "The world's a bubble"] — см.: Псалом 21(22), стих 11;

"When we haue wandred all our wayes [т. е. прожили жизнь, умерли]" [Raleigh, "Nature that washt her hands in milke..."] — см.: Иов 33, стих 11.

Небольшая часть ренессансно-барочных метонимий по технике номинации одновременно находит параллели и в греко-римских, и в библейских текстах, где одинаковые метонимии (таких совсем немного) возникают, скорее всего, спонтанно в каждом из этих двух массивов текстов:

"Of all the shepheards daughters which there bee, / (And yet there be the fairest vnder skie [т. е. в мире, на свете]...) [Spenser, "Colin Clouts Come Home Again"] — "hai gar hyp'elio te kai urano asteroenti" [Homer, "Ilias, IV, 44] — под солнцем и небом звездным [т. е. на земле, на свете]; см. сходную метонимию в книге Екклесиаста, гл. I, стих 13 и гл. 11, стих 3;

"Your wise soul, never to be wonne/Now with a love

below the sun [т. е. в мире, на свете]" [Crashaw, "To [Mrs. M. R.] Councel Concerning her Choise"] — "...**hyp'** eo t'eeélión te" [Homer, "Ilias V, 267"] — под зарей и солнцем (или под восходящим и взошедшим солнцем, т. е. во всем мире); см. сходную метонимию в книге Екклесиаста, гл. I, стихи 3, 9, 14.

Третий массив текстов, являющийся источником интертекстуальных влияний на английскую ренессансно-барочную лирику, — это тексты европейской (и не только английской) средневековой поэзии. Несмотря на то что эпоха Возрождения открывает новый этап в развитии литературы на новых (недревних) языках Европы и в определенном смысле антогонизирует с литературой средних веков, следы влияния средневековой поэзии на язык (*англ.* — *diction*) ренессансно-барочной лирики все же просматриваются. По-иному, вероятно, быть не могло, поскольку тотальное отвержение языкового опыта (даже в такой тонкой и специфической области, как язык в функции материала художественного произведения) предшествующей и связанной исторической преемственностью эпохи невозможно в силу одного из фундаментальных свойств языка как коммуникативной системы — объединять смежные поколения людей и в конечном счете — смежные эпохи, несмотря на самые различные культурные трансформации или концептуальные противоположности художественных миров.

Характерные примеры:

"Thou'lt meet them poor, and ev'ry where descrie/A **threadbare** [т. е. бедные], goldlesse genealogie [Vaughan, "To his friend (I wonder, James, through the whole Historie...)"] — "Ful **threadbare** was his overeste courtiepy./For he hadde gotten hym yet no benefice" [Chaucer, "The Canterbury Tales; The General Prologue, 48—49];

"When after many Lusters thou shalt be/**Wrapt up in Seare-cloth** [т. е. умереть]" [Herrick, "To his worthy friend, Master Arthur Bartly"] — "...la mortz... c'ab catr' **annas de filat/low tramet...**" [Peirt Cardinal, "Tartarassa ni voutor..."] — смерть, которая наносит по ним удар, которая отправляет их в четырех локтях [мера длины] полотна (пер. с провансальского).

Иногда ренессансно-барочная метонимия несет в себе параллель со средневековым текстом, который, в свою очередь, обнаруживает сходство с библейским текстом:

"For these things doe I weepe... mine eye/Casts wa-
ter out [т. е. слезы]" [Donne, "The Lamentations of
Jeremy, for the most part according to Themelius"] —
"l'aiga que dels olhs plor" [Bernart de Ventadorn, "Era m
cosselhatz, senhor..."] — вода из глаз, которой я плачу
(пер. с провансальского); см. сходную метонимию в
Псалме 118(119), стих 136.

Особенностью ренессансно-барочной лирики по срав-
нению с лирическими текстами предыдущих эпох явля-
ется развитие применения абстрактной лексики при ме-
тонимической номинации конкретных объектов. Эта осо-
бенность отражает начинающееся усложнение исполь-
зования языка в постсредневековой поэзии.

Характерные примеры:

"Her... legs... I follow'd after to descrie/Part of
the nak't sincerity [т. е. тело]" [Herrick, "Upon Lucia
dabled in the dew"];

"Thou'lt meet them poor, and ev'ry where descrie/A
threadbare, goldlesse **genealogie** [т. е. предки]" [Vaug-
han, "To his friend (I wonder, James, through the whole
Historie...)"];

"Mortality [т. е. люди, смертные], behold and fear/
What a change of flesh is here [об останках умерших]"
[Bacon, "On the Tombs in Westminster Abbey"].

Редко метонимии этого рода в английской ренессанс-
но-барочной лирике все же обнаруживают античные
корни:

"Hector, the **glorie** of the Troian field" [Spenser,
"Virgils Gnat"] — "nec dis amicum est nec mihi te prius
obire, Maecenas, mearum/grande **decus** columenque re-
rum" [Horatius, Carm. 11, 17] — и боги, и я были бы
удручены, если бы ты умер раньше, о Меценат, великая
слава и защита моего имущества.

Анализ интертекстуальных влияний на метонимию в
английской ренессансно-барочной лирике, показывает,
что в аспекте техники метонимической номинации ренес-
сансно-барочные тексты возникают под достаточно си-
льным влиянием экзогенных (внешних по отношению к
этому массиву текстов) факторов, во всяком случае в
номинации объектов, относящихся к человеку (не к при-
роде). Среди рассмотренных интертекстуальных влия-
ний очень широкое распространение по сравнению с
другими имеет античное (греко-римское) влияние. Такое
положение обусловлено тем фактом, что влияние антич-
ного массива текстов, в отличие от влияния средневе-

кового и библейского массивов, порождено причинами в первую очередь художественно-эстетического характера. Это и влечет за собой быстрое и широкое распространение античного влияния в текстуальной среде английской ренессансно-барочной лирики как одного из типов художественного текста в качестве совокупного понятия.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ: 1. Beaugrand R., Dressler W. Introduction to text linguistics. London; N.Y., 1981. 2. Breuer D. Einführung in die pragmatische Texttheorie. München, 1974. 3. Ducrot O., Todorov T. Dictionnaire encyclopédique des sciences du langage. Paris, 1972. 4. Turcu A. Considerații privind definirea și locul metonimiei în sistemul tropic // Contribuții lingvistice. Timișoara, 1985. P. 156—167.

Поступила в редколлегию 11.11.93

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Артеменко Т. Н.</i> Некоторые аспекты коммуникативно-функционального анализа констативов в составе констативно-ответного микродиалога	3
<i>Бахарева Е. Н.</i> Умозаключение как тип речевого реагирования	6
<i>Беляева И. А.</i> Прагматическая неоднозначность высказываний с пропозициональным содержанием субъективной оценки	10
<i>Бондаренко Е. В.</i> Темпоральные свойства имени и контекст	13
<i>Григорьева Л. М.</i> Количественные характеристики степени семантической связности контактных предложений	20
<i>Громова Д. А.</i> Изучение явления субстантивации на основе полевого метода	26
<i>Денисов О. И.</i> Многокомпонентные именные фразы как признак индивидуально-авторского стиля	30
<i>Дмитренко В. А., Захарова Т. В.</i> Присоединительная конструкция в диахроническом аспекте (на материале английских драматургических произведений XVI—XX вв.)	36
<i>Дородных А. И., Рекало В. В.</i> Некоторые соображения по вопросам лингвистики текста	40
<i>Ейгер Г. В., Узилевский Г. Я.</i> О структуре и составе шахматного языка	46
<i>Железняков Ю. Н.</i> Коммуникативный статус оценочных антропоцентрических словосочетаний в английском языке	54
<i>Колбина В. В.</i> О моделях интерпозиции придаточных предложений в современном немецком языке	58
<i>Кривенко В. П.</i> К вопросу о появлении категории способа действия в современном немецком языке	62
<i>Мартынюк А. П., Башкирева С. А.</i> Синтаксические аспекты половой дифференциации речи в современном английском языке	67
<i>Морозова Е. И.</i> Фрагмент концептуального анализа слова «лгать»	70
<i>Набокова И. Ю.</i> О некоторых лингводидактических аспектах полевой модели	74
<i>Ненашева Т. А.</i> Лингвистическое содержание американских прозвищных антропонимов и их функциональные потенции	77
<i>Паповянец Э. Г.</i> Корреляция структур качественной характеристики в изобразительно-описательных текстах современного английского языка	81

Полина В. С. Исследование эффективности комплексного подхода к формированию иноязычных фонетических навыков	86
Прокофьева Н. В. Модальный аспект аргументативного диалога	90
Савченко Ю. Е. Модели оппозитивного диалога в микроу-моресках	95
Свердлова И. А. Построение алгоритма обучения языковым средствам, служащим для передачи оттенков значения целенаправленности	100
Солощук Л. В., Коцюбинская И. В. Лексико-семантическое поле характера как выражение признака антропоцентричности языка	104
Старцева Н. Н. Структурно-семантические аспекты метафор речевой деятельности в современном английском языке	107
Тарасова Е. В., Черноватый Л. Н. О понятии лингвистического фрейма	111
Тесленко Т. Н., Скороходько С. А. Передача национального колорита при переводе фантастических жанров	121
Тимошенко Т. М., Ребрий А. В. К вопросу о качественной оценке как лингвистической категории	127
Траскина Л. Е. Основные особенности бернско-немецкого под-диалекта	133
Турченко Л. В. К вопросу об особенностях формирования лексико-семантической системы новозеландского националь-ного варианта английского языка	140
Фролова И. Е. Некоторые аспекты косвенных речевых актов экспрессивов	144
Шевченко И. С. Косвенные речевые акты ранненовоанглийско-го периода (на материале вопросительных конструкций)	148
Васютинская Е. Б. Метонимия как отражение интертекстуаль-ных влияний в английской ренессансно-барочной лирике	153

Здано до набору 12.10.94. Підписано до друку 20.10.94
 Формат 84×108/32. Папір друк. № 2. Гарнітура літературна. Дру-
 високий. Умов. друк. арк. 8,40. Умов. фарбо-відб. 8,65. Обл.-вид.
 арк. 9,05. Вид. № 2305. Зам. 2013 Замовне: 15.000

Видавництво «Основа». Україна, 310005 Харків, пл. Повстання, 17.
 Харківська друкарня № 2 310052 Харків, вул. Конева, 10/2